

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Шагин Иван Анатольевич

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук

**Становление судебных учреждений советского государства
в 1917 – 1927 гг. (по материалам Псковской губернии)**

Научный руководитель: кандидат исторических наук,
профессор А.В. Филимонов

Псков 2014

Содержание	
Введение	3
ГЛАВА I. Создание советского суда в Псковской губернии в 1917-1922 гг.	
1.1 Теоретические и правовые основы деятельности советского суда	32
1.2 Судебное строительство и судоустройство в Псковской губернии	41
1.3 Кадровая политика в народных судах Псковской губернии	73
ГЛАВА II. Функционирование народных судов Псковской губернии после реформы 1922 г.	
2.1 Деятельность судебных учреждений Псковской губернии в условиях НЭПа	102
2.2 Проблемы формирования кадрового состава судебных учреждений Псковской губернии в годы НЭПа	132
Заключение	164
Список сокращений	172
Список использованных источников и литературы	173
Приложения	190

Введение

Актуальность темы исследования. Уничтожение имперского государственного аппарата и создание нового, советского, явилось одной из многочисленных задач, разрешением которых занялись большевики после прихода к власти в октябре 1917 г. Процесс создания судебной системы и судоустройство первого послереволюционного десятилетия ярко отражают динамику взглядов нового руководства страны на сущность и роль государственных институтов в общественной жизни. Большевики были вынуждены начать поиск и разработку модели судоустройства, соответствующей новым историческим реалиям. В связи с этим понятие «становление» понимается нами как последовательный процесс формирования и развития структуры, принципов и институтов советской судебной системы под влиянием практической деятельности, изменений в политическом и общественном устройстве.

Долгое время в России стояла остро проблема преемственности государственных институтов. В настоящее время тенденциозность в осмыслении достижений советского периода, препятствовавшая объективному изучению и анализу отечественного опыта, постепенно преодолевается. Советское государство с начала формирования нового суда взяло курс на активную общественную деятельность работников юстиции, преследуя очевидные политические цели. Сложно переоценить значение мероприятий по пропаганде и популяризации права, по профилактике правонарушений, проводимых народными судьями. В работу советской судебной системы ежегодно включалось в качестве народных заседателей значительное количество граждан, которые рассматривались не только как некая замена существовавшему до 1917 г. институту присяжных заседателей, но и как проводники идей власти, в том числе и правовых, непосредственно знакомые с принципами функционирования нового суда. Для реализации поставленной государством цели с народными заседателями проводилась разъяснительная работа, они же воспринимались как кадровый источник судебной системы. Указанные направления деятельности не утратили

своей актуальности до настоящего времени. В истории российского государства и права подобный опыт имеется.

Значимо в настоящее время и исследование истории формирования советской судебной системы в регионах России. Это обстоятельство связано с незначительной изученностью подобной тематики, которая исследовалась главным образом на республиканском или союзном уровне.

Советские судебные органы в начальный период существования объединяли в себе ряд институтов, не всегда связанных непосредственно с судебной деятельностью. Так, губернские Советы народных судей (с 1923 г. губернские суды) как административные органы координировали деятельность революционных трибуналов, следствия, нотариата, судебных исполнителей, адвокатуры, пенитенциарных учреждений, непосредственно народных судей (для которых являлись кассационной инстанцией). Вследствие судебной реформы 1922 г., ликвидировавшей трибуналы и передавшей институт народных следователей в административное подчинение созданной прокуратуре, структура управления видоизменилась незначительно. Материалов, отражающих историю формирования, организации и деятельности обозначенных судебных учреждений в Псковской губернии, за исключением народных судов, выявить не удалось. Зачастую имеют место лишь фрагментарные упоминания, не несущие должной информативной нагрузки. В связи с этим история советских судебных учреждений в 1917 – 1927 гг. рассматривается нами на примере только народных судов.

Объект диссертационного исследования – история народных судов Псковской губернии в первое послереволюционное десятилетие.

Предмет диссертационного исследования – деятельность народных судов, их функции и направления деятельности; особенности кадровой политики в судах Псковской губернии в 1917 – 1927 гг.

Целью диссертационного исследования является комплексное изучение процесса создания и развития народных судов Псковской губернии в 1917 – 1927 гг.

Для успешной реализации поставленной цели выполняются следующие **задачи:**

- изучение особенностей становления, развития и деятельности судебных учреждений советского государства на территории Псковской губернии;
- рассмотрение структурной организации системы управления народными судами в Псковской губернии;
- анализ особенностей формирования и качественные характеристики кадрового состава судов Псковской губернии.

Территориальные рамки исследования определяются границами Псковской губернии в 1917 – 1927 гг. На 1 января 1917 г. в Псковской губернии было восемь уездов: Великолукский, Новоржевский, Опочецкий, Островский, Порховский, Псковский, Торопецкий и Холмский.¹ В 1924 г. в связи с ликвидацией Витебской губернии утверждено новое административно-территориальное устройство в составе 11 уездов: Велижского, Великолукского, Невельского, Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского, Псковского, Себежского, Торопецкого, Холмского.² Псковская губерния прекратила существование в октябре 1927 г., образованные на ее основе Псковский и Великолукский округа вошли в состав Ленинградской области.³

Хронологические рамки исследования определяются первым советским десятилетием: 1917 – 1927 гг. Основаниями для выделения периода явились следующие обстоятельства:

- 1) особенности административно-территориального устройства Псковской губернии;
- 2) в первое советское десятилетие происходило создание новой судебной системы, отрабатывались различные модели ее организации;
- 3) на 1920-е гг. пришлась начало реализации, а затем и сворачивание новой экономической политики, повлекшей за собой масштабное

¹ Административно-территориальное деление Псковской области (1917-2000). Справочник. Книга 1. Сост. Т. Е. Герасимёнок и др. 2-е издание. Псков: Псковская областная типография, 2002. С. 12.

² СУ РСФСР. 1924 г. № 39. Ст. 357; Ст. 361; № 41. Ст. 370.

³ СУ РСФСР. 1927 г. № 82. Ст. 547.

реформирование суда в 1922 г., определившей основные принципы функционирования и институты советской правоохранительной системы на последующее время.

В процессе разработки темы диссертационного исследования использовались следующие **методы исследования**: исторический и логический, историко-сравнительный, историко-генетический, системно-структурный. Основание применения исторического и логического методов связано с тем, что «функционирование и развитие объектов реальности протекает в пространстве и времени ... всякая реальность на любом этапе существования обнаруживает себя как определённая данность, с одной стороны, и имеет собственную историю возникновения, развития и исчезновения – с другой».⁴ Невозможно осветить полно историческое событие или явление, не изучив сначала предпосылки, причины возникновения того или иного исторического факта. Исторический метод раскрывает конкретный мир явлений, а логический – их внутреннюю суть.⁵ Многие исторические события, особенно связанные с 1917 г., зачастую требуют обращения не только к конкретному материалу, но и оперирования с абстрактными понятиями, раскрывающими внутренний смысл и логику произошедшего. В ходе исследования всегда встаёт вопрос о необходимости выявить и отразить причинно-следственные связи и закономерности развития какого-либо исторического явления, индивидуальные черты исторических событий. Инструментом, позволяющим эффективно разрешить эту задачу, является историко-генетический метод, который тяготеет к фактам, к опытному осмыслению действительности, т.е. – к работе с историческими источниками. Историко-сравнительный метод также широко применяется в исследовании. Он предполагает работу с конкретными явлениями, событиями, отдельными фактами исторической действительности – сопоставление, выяснение внутренних и внешних связей, поиск различий и сходств, позволяет «проводить сравнение в

⁴ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 142.

⁵ Там же.

пространстве и времени».⁶ Результат этих операций выражается в выявлении качественных характеристик изучаемого периода. Тем не менее, значение метода велико для науки: на основе и в результате сравнения установлено, что каждый последующий этап развития советского государства и права оказывался прогрессивнее предыдущего.⁷ В современном историческом исследовании невозможно обойтись и без системно-структурного метода, предполагающего максимально полный охват исторической реальности с погружением во внутренние связи и механизмы исследуемой проблемы. Метод предполагает изучение исторических явлений в их взаимодействии и системном функционировании.

Гармоничное сочетание различных методов позволяет осветить исторический процесс разносторонне. Это главное условие объективного изучения любой научной проблемы, в том числе и становления судебных учреждений советского государства. Их история непосредственно связана с событиями 1917 г., с формированием и развитием различных идей и подходов к существованию нового государства. По этой причине судебная система в течение первого советского десятилетия неоднократно изменялась, отрабатывались различные способы реализации не только правовых, но и политических задач. Советское государство пережило в это время постепенную трансформацию взглядов большевиков от идей мировой революции, правового нигилизма и стремительного построения коммунистического общества с преодоленными правовыми проблемами до перехода к НЭПу, потребовавшей разработки эффективной судебной системы.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что рамках исследования предпринята попытка выявить особенности процесса становления судебных учреждений советского государства в 1917 – 1927 гг. на основе материалов Псковской губернии. В результате исследования выявлены ряд архивных и опубликованных источников, комплексный анализ которых позволяет

⁶ Там же, с. 173.

⁷ Теория государства и права: учебник для вузов / Под. ред. В. К. Бабаева. М.: Юрист, 1999. С. 21.

сделать выводы относительно развития и деятельности судебных учреждений советского государства; структурной организации системы управления народными судами; качественных характеристик кадрового состава судов на территории региона.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в процессе дальнейшего изучения истории советского суда на материалах Северо-Запада России и Псковского края; при создании обобщающих трудов по истории правоохранительных органов на региональном и местном уровне, работ краеведческого характера, учебных пособий; при составлении справочных и энциклопедических изданий; в преподавании в школе истории России, обществознания и правоведения; при разработке учебных курсов по истории России, по истории и теории государства и права в высших учебных заведениях.

Историографию темы исследования можно условно разделить на три основных этапа: 1917 – начало 1950-х гг.; середина 1950-х – конец 1980-х гг., начало 1990-х – 2000-е гг. В качестве экспертов, изучавших и изучающих становление советской судебной системы, выступают не только историки, но и профессиональные юристы.

Внимание к работам первых советских исследователей обусловлено, прежде всего, интересом к оценкам не только современников изучаемых событий, но и непосредственных их участников. Исследователи – типичные представители своего времени – непримиримого, полного ожиданий и грандиозных перемен, происходивших в послереволюционные годы, время выхода их работ: 1917 – начало 1950-х гг.

П.И. Стучка, один из создателей советской судебной системы, считал, что в результате большевистских преобразований было воздвигнуто «здание социалистической справедливости».⁸ Он же отмечал то обстоятельство, что под влиянием масштабных преобразований, на волне энтузиазма на местном уровне

⁸ Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М.: Государственное юридическое издательство, 1931. С. 8.

«революционные суды образовались раньше, чем издавались общие о суде законы».⁹ Несомненно, творческий порыв масс заслуживает уважения, однако однозначная положительная оценка его П.И. Стучкой представляется сомнительной. Революционные настроения всегда отличаются стремлением уйти в крайности, популизмом, приходом на ответственные посты некомпетентных людей. Местечковая революционность зачастую оказывается радикальнее столичной в стремлении кардинальной ломки ранее существовавших порядков. По замечанию П.И. Стучки: «Старые законы были признаны упразднёнными раньше, чем о том повествовали декреты».¹⁰ Советские исследователи более позднего времени видели в этом идеологически выверенное зерно, полагая, что большевики, разрешая использование законов «свергнутых правительств», предоставляли «широкие правотворческие возможности самим трудящимся», видя «в этом правотворчестве важный источник социалистического права».¹¹ Видимо, благодаря творчеству масс и должно было появиться советское законодательство, «ведь ни одно государство, в том числе и пролетарское, без своего права, в данном случае советского права, немыслимо».¹² Необходимость «большой творческой работы в области пролетарского права» подчёркивалась и Д.И. Курским.¹³ М.А. Рейснер, в свою очередь, обозначил «сложный состав советского права», формируемого на основе: «социалистического права рабочего класса и его классового пролетарского права»; «классового крестьянского права»; «классового права буржуазии» (гражданское судопроизводство, без которого даже в условиях советского государства оказалось невозможно отказаться). В целом он с сомнением относился к возможности правотворчества пролетариата,

⁹ Там же, с. 34.

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ Портнов В.П., Славин М.М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России, 1917 – 1920 гг. М.: Наука, 1987. С. 153.

¹² Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латвийское государственное издательство, 1967. С. 466.

¹³ Курский Д.И. Пролетарское право // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX-XX вв. / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. С. 553.

требования которого несут «чрезвычайно мало законченных правовых формулировок».¹⁴

Политический же характер новой судебной системы П.И. Стучка охарактеризовал так: «Мой лозунг гласил и гласит сейчас – революция и революционная законность... Они, революционный закон и революция, друг друга дополняют, а отнюдь не исключают. Поскольку революция идёт в форме диктатуры под гегемонией пролетарской партии, постольку диктатура пролетариата действует через революционную законность».¹⁵ Классовый характер новой судебной системы подчеркивали и руководители советского государства, и исследователи тех лет, отмечая, что «за эксплуататорами оставляется лишь право быть судимыми».¹⁶ Так, П. Кузьмин писал: «В организацию уголовных репрессий по политическим преступлениям вносятся совершенно иные принципы... а именно, принцип политической целесообразности господствующих классов, которые применяют и могут применять крайние и жестокие виды репрессий, не считаясь с их несоответствием объективной тяжести преступления».¹⁷ Показательно мнение Я.Л. Бермана, определявшего судебную функцию как «функцию расправы со всеми нарушителями установленных законов». Он пытался обосновать свою мысль, заявляя, что «противопоставление расправы суду неправильно. Всякая расправа, произведённая в результате решения того или иного органа, будет заключать в себе, в той или иной степени, элемент судебного решения, точно так же, как и всякий суд ... явится только формой расправы».¹⁸ Подобные оценки являются не только основой, но и обоснованием использования в судопроизводстве принципа «революционной целесообразности», расправ

¹⁴ Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX-XX вв. / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. С. 659, 665.

¹⁵ Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латвийское государственное издательство, 1967. С. 482.

¹⁶ Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы российской коммунистической партии // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX-XX вв. С. 545 – 546, 548; Луначарский А.В. Революция и суд // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX-XX вв. С. 556, 557, 559; Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX-XX вв. С. 668 – 669; Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 66 – 77.

¹⁷ Цит. по: Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. С. 56.

¹⁸ Берман Я.Л. Основные вопросы теории пролетарского государства. М.: Государственное издательство, 1924. С. 118 – 119.

чрезвычайными органами с идеологическими противниками и просто со случайными людьми, оказавшимися жертвами обстоятельств. Из этих положений следует пренебрежительное отношение к принципу презумпции невиновности, к праву на квалифицированную защиту в суде – на них просто не найдётся ни времени, ни «революционной необходимости». А отсюда – «судебная функция ... может и должна осуществляться в различных формах, целесообразность применения которых устанавливается в зависимости от условий, обстановки, в первую и главную очередь, классовой борьбы».¹⁹

Декрет о суде № 1 ввел прямые демократические выборы судей. Однако один из авторов новой судебной системы, Н.В. Крыленко, полагал, что для того времени это было «ошибочным решением».²⁰ Тем не менее такая система назначения судей оказалась успешно апробирована на практике и её эффективность не вызывала сомнений и спустя несколько лет.²¹ В целях популяризации советского права и суда среди населения, а также для активизации самоподготовки народных судей при поддержке СНК (Совета народных комиссаров) и НКЮ (народного комиссариата юстиции) был издан ряд работ, содержащих в доступной форме основные положения и принципы работы народных судов. Подобная литература распространялась среди комсомольского и коммунистического актива на местном уровне, крестьянства и рабочих.²² В Тамбове силами местных работников юстиции было подготовлено и издано обширное руководство по практической работе, содержащее как нормы местного и общероссийского законодательства о правоохранительной деятельности, так и

¹⁹ Там же, с. 120.

²⁰ Цит. по: Портнов В.П., Славин М.М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России, 1917 – 1920 гг. М.: Наука, 1987. С. 74.

²¹ Воронцов П.И. Советский народный суд. Л.: Ленинградский губернский профессиональный совет, 1926. С. 9 – 35.

²² Верещагин И.Г. Народный суд: С образцами прошений и жалоб. М.: Долой неграмотность, 1925. 46 с.; Дудолин А. Советский народный суд в СССР. Свердловск: Уралкнига, 1925. 32 с.; Имшенецкий В. Новый народный суд. Самара: Самарский губернский исполнительный комитет, 1918. 38 с.; Ираши М. Народный суд в деревне: (Очерки деревенской практики). М.: Государственное издательство, 1925. 44 с.; Кумыкин Н.Н. Народный суд и его работа. М., Л.: Молодая гвардия, 1925. 48 с.; Малицкий А.Л. Народный суд. Харьков: Путь просвещения, 1923. 31 с.; Скрыпник Н.А. Народный суд, его задачи и его деятельность. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1925. 34 с.

идеологический и справочный материал.²³ В связи с невысоким уровнем культурного и политического развития народных заседателей также было выпущено специальное пособие, призванное сориентировать представителей общественности в советском судебном процессе.²⁴

С конца 1920-х гг. руководство СССР взяло курс на строительство социализма в отдельно взятой стране. Переход к нему ознаменовался ужесточением политического режима, одним из инструментов которого стала правоохранительная система. К середине 1930-х гг. эта политика выразилась в проведении масштабных репрессий. Советская литература тех лет носила зачастую политический характер.²⁵

Последствия подобного подхода прослеживаются даже во втором издании работы М.В. Кожевникова (первое – 1948 г.), который старался избегать характеристики деятельности органов советского суда 1920-х гг., ограничиваясь зачастую некритичным анализом положений нормативно-правовых актов, в соответствии с которыми осуществлялась деятельность советского суда.²⁶ Советская судебная система, образованная после 1922 г., по мнению М.В. Кожевникова, действовала «по осуществлению задач диктатуры пролетариата в интересах трудящихся масс». Неоднозначна его позиция относительно одного из требований к кандидатам на должность народного судьи – «стаж общественной деятельности или практической работы в органах юстиции», которые «способствовали укреплению кадров народных судей».²⁷ Двусмысленна дилемма между заслугами в общественной деятельности и узкоспециализированной

²³ Живописцев А.Н. Народный суд: Руководство для народных судов, следственных комиссий и других судебных и административных учреждений / Составлен заведующим судебным-следственным подотделом. 2 -е изд. Тамбов: Отдел юстиции губернского исполнительного комитета, 1919. 791 с.

²⁴ Советский суд. Спутник крестьянина и рабочего по судебным и административным местам. Пособие для народных заседателей и избачей / Под ред. Ф.М. Нахимсона. Изд. 2-е. Л.: Прибой, 1925. 96 с.

²⁵ Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М.: Государственное юридическое издательство, 1949. 419 с.; Он же. Государственное устройство СССР. Издание третье. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 48 с.; Он же. Революционная законность и задачи советской защиты. Исправленная и дополненная стенограмма доклада на собрании Московской коллегии защитников 21 декабря 1933 г. М.: Редакционно-издательский сектор Мособлисполкома, 1934. 42 с.; Крыленко Н.В. Советское правосудие. Суд и прокуратура в СССР. 2-е изд. М.: НКЮ СССР, 1937. 24 с.; Он же. Судостроительство РСФСР: Лекции по теории и истории судостроительства. – М., 1924

²⁶ Кожевников М.В. История Советского суда. 1917 – 1956. 2-е изд. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. 383 с.

²⁷ Там же, с. 133, 135.

практической работой. Подобное «укрепление кадров» вело к снижению и так невысокого профессионального уровня судейского корпуса, хотя и обеспечивало приём на государственную службу идеологически подготовленных людей, стремящихся к защите интересов определённых социальных групп. Это подтверждается Н.В. Крыленко, который недвусмысленно предложил создание системы, не признающей несменяемости народных судей и независимости суда, а также надклассового их положения. Политико-идеологическое значение деятельности народных судов также не замалчивалось.²⁸ Однако уже в 1920-е гг. отмечались прямые негативные последствия непродуманной должным образом кадровой политики, когда народные судьи позволяли себе поступки, не соответствующие ни их социальному положению, ни политическому значению. Главным образом это наследие их «правильного» происхождения: пьянство, грубость, коррупция, создание бюрократических преград с целью демонстрации своего статуса, необразованность.²⁹ В целом классовый характер устанавливаемой большевиками законности определялся не просто как средство и способ борьбы с преступностью, а как неременное условие, механизм стабилизации обстановки в стране: и социальной, и политической. Народные суды, взаимодействуя с народными массами, должны были обеспечивать поступательное развитие государства, «советское строительство», которое невозможно осуществить без доверия граждан к действующей власти.³⁰

По замечанию исследователей более позднего времени, в литературе первых послереволюционных десятилетий «становление правосудия показано мимоходом, главный упор сделан не на историю, а на время, когда работы писались».³¹ Эти авторы заложили теоретические основы организации советской судебной системы. В юридическую практику были введены принципы «революционной сознательности», «революционной совести», «революционного

²⁸ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР: Лекции по теории и истории судостроительства. М.: Юридическое издательство НКЮ, 1924. С. 21 – 130.

²⁹ Немцев Н. О дисциплинарных проступках наших судей // Рабочий суд. 1925. № 47 – 48. С. 1755 – 1758.

³⁰ Елистратов А.И. Об утверждении законности в советском строительстве // Советское право. 1922. № 1. С. 128 – 130.

³¹ Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917 - 1922). М.: Наука, 1990. С. 6.

правосознания», «правотворчества масс». Одновременно, первые советские правоведы и историки, обосновывая возможность реализации на практике демократических выборов судей в соответствии с классовым подходом, все же начали отмечать негативные последствия подобной кадровой политики. Однако основным направлением их деятельности явилось политическое обоснование функционирования советского суда.

С середины 1950-х гг. начинается новый этап в изучении истории советской судебной системы. На протяжении периода происходило изучение организационной структуры системы управления учреждениями юстиции. Для работ, написанных в этот период характерно следование марксистской методологии и отсутствие критического анализа системы управления и судопроизводства.³² При этом Ф.Г. Тарасенко, оценивая развитие организационной структуры народных судов по участковой схеме, отметил, что этот принцип (одна волость – один участок) был «единственно правильным».³³

Создание большевиками именно классового суда, стоящего на защите завоеваний революции, пролетариата и крестьянства, оценивалось советскими исследователями чрезвычайно высоко. Крайности, неизбежные при этом, не воспринимались как серьёзная проблема, которая может оказать какое-либо влияние на общий ход развития советского государства.³⁴ Одновременно Д.И. Бернштейн пришёл к выводу, что на развитие системы правосудия положительное влияние оказало разработанное большевиками в годы Гражданской войны представление «об ответственности за нарушение».³⁵ П.М. Рабинович определил, что применение большевиками в годы Гражданской войны принципа

³² Казаков А.И. Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 гг. Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Свердловск, 1984. 212 с.; Ривлин А.Л. Организация суда и прокуратуры СССР. Харьков: Харьковский университет, 1968. 230 с.; Семенов В.М. Организация суда и прокуратуры в СССР: учебное пособие. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1973. 320 с.

³³ Тарасенко Ф.Г. Вопросы организации и деятельности советских судов. М.: Государственное юридическое издательство, 1958. С. 37.

³⁴ Гаврилов О.А. Правотворчество и актуальные проблемы социального развития // Право и правотворчество (сборник статей). М.: ИГПАН, 1982. С. 43 – 47; Карев Д.С. Организация суда и прокуратуры в СССР. Курс лекций. Минск: Белорусский государственный университет, 1960. 254 с.; Козлов А.Ф. Организация народных судов в истории Советского государства // Правоведение. 1967. № 3. С. 18 – 26.

³⁵ Бернштейн Д. Правовая ответственность как вид социальной ответственности и пути её обеспечения. Ташкент: Фан, 1989. С. 50 – 51.

«революционной целесообразности», опирающегося на «революционное творчество масс» укрепило развитие законности в РСФСР в 1917 – 1920 гг.³⁶ Д.А. Керимов и Е.А. Лукашева выявили взаимосвязь между политическим развитием молодого советского государства и изменениями системы судопроизводства в течение 1917 – 1920-х гг., при этом исследователи в соответствии с господствующей методологией стремились показать влияние на процесс экономического фактора.³⁷

С.С. Иванов, рассматривая деятельность советского руководства по созданию судебной системы, отмечал в этом процессе роль РКП(б), которая «направляла правотворчество масс на установление революционного правопорядка и формирование органов, охраняющих его». Однако восхищение правотворчеством масс, как уже отмечалось выше, не имеет однозначных оснований. Не самым положительным образом на качественном составе судей сказывалось и назначение на соответствующие должности «лучших представителей рабочего класса». Преувеличивал автор и использование в судопроизводстве «голоса судейской совести».³⁸

В.П. Портнов и М.М. Славин обозначили актуальность и своевременность мероприятий большевиков по созданию новой судебной системы, что не менее важно, «чем создание новых революционных органов власти и государственного управления».³⁹ Исследователи сдержанно и в определённой степени формализовано характеризовали деятельность народных масс в области правотворчества, лишь отметив, что создание советских судов шло на местном уровне через Советы, которые «выражали революционное правосудие масс».⁴⁰ Особое внимание они уделили ещё одному новому явлению в отечественном судопроизводстве – участию в судебном процессе народных заседателей –

³⁶ Рабинович П.М. Борьба за социалистическую законность в РСФСР, 1917 - 1920 гг. // Правоведение. 1967. № 5. С. 122 – 131.

³⁷ Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986. С. 126 – 151; Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Московский университет, 1973. С. 63 – 75.

³⁸ Иванов С.С. Судебные органы // История советского государства и права. В 3-х кн. / Глав. ред. А.П. Косицын. Кн. 1. М.: Наука, 1966. С. 187 – 190.

³⁹ Портнов В.П., Славин М.М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России. 1917 – 1920 гг. М.: Наука, 1987. С. 66.

⁴⁰ Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России. 1917 – 1922 гг. М.: Наука, 1990. С. 10.

представителей общественности, не имеющих специальной подготовки. Институт народных заседателей осуществлял деятельность в советском судебном процессе вплоть до 1991 г. Представляется справедливым мнение экспертов о необходимости их участия в судопроизводстве для «преодоления профессиональной ограниченности и шаблона» в практике профессионального судьи.⁴¹

По замечанию В.М. Курицына, судебная реформа 1922 г., проводимая в условиях новой экономической политики, оказалась ещё одним шагом советского правительства к установлению законности, которую он рассматривает в контексте взаимоотношений народных судов и советских и партийных органов. Их вмешательство в работу суда в годы Гражданской войны оправдывалось чрезвычайными условиями, поскольку «слабые судебные кадры» нуждались в руководстве со стороны. Но затем это стало фактором ограничения влияния советской юстиции на население ввиду явно проявляющегося зависимого положения и зависимости от мнения местных руководящих работников.⁴² С.С. Иванов также поднимал эту проблему. Местное руководство в лице Советов «иногда стремилось подменять суды, вмешивалось в их деятельность».⁴³ Тем не менее, несмотря на возникавшие трудности, советские суды провели огромную работу по стабилизации обстановки в стране – успешно боролись с преступностью, разраставшейся в условиях общей нестабильности в стране, разрешали текущие вопросы, «проявляя творческую инициативу», «выступали не только как карающие, но и как воспитывающие органы, были просты и доступны».⁴⁴

Для советской литературы середины 1950 – конца 1980-х гг. было характерно активное использование марксистской методологии, проявлявшееся в идеологизации исследований и выводов. Достижением этого периода следует

⁴¹ Портнов В.П., Славин М.М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России. 1917 – 1920 гг. С. 39.

⁴² Курицын В.М. Переход к НЭПу и революционная законность. М.: Наука, 1972. С. 107 – 109.

⁴³ Иванов С.С. Судебные органы // История советского государства и права. В 3-х кн. / Глав. ред. А.П. Косицын. Кн. 1. С.192, 427.

⁴⁴ Там же, с. 194.

отметить критику особенностей перераспределения полномочий между Советами и судебными органами в области управления, проведения процесса и следствия, подчинения. Советские исследователи ставили вопросы о независимости суда вообще и судей в частности от исполнительной власти на местах. В целом же наблюдается положительная оценка реализации классового подхода в судопроизводстве и основополагающих нормативных актах.

Преодоление одностороннего подхода начало обозначаться в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Под влиянием новых политических реалий начали появляться работы, содержащие более сдержанные оценки реформаторской деятельности большевиков в первое десятилетие их власти. Главным образом это влияние классового подхода в формировании кадрового состава судов и в процессе судопроизводства на качество работы судебных учреждений и на политическую ситуацию в стране. В частности, на складывание в течение 1920-х гг. тоталитарного режима в СССР, в чём, по мнению ряда экспертов, немаловажную роль сыграли и органы суда, обеспечивавшие в это время легитимность и власти, и её решениям и действиям.⁴⁵ Способствовало этому насыщение юридических учреждений гражданами, чей низкий уровень и правовой, и общей культуры начал считаться достоинством и свидетельством классового единства с народными массами, так или иначе вступающими во взаимодействие друг с другом. В 1922 г. участники Московского губернского съезда деятелей юстиции пришли к выводу, что за четыре года советской власти удалось создать «целую школу в тысячи своих пролетарских правоведа, доселе не имевших понятия о юридических науках и даже малограмотных».⁴⁶ Отдельное направление приобрело обозначение негативных последствий не всегда конструктивного и оправданного пренебрежения услугами старых специалистов и лиц, нейтрально или сдержанно настроенных к новой власти и принадлежащих к непролетарским

⁴⁵ Павлов Б.В. Становление контроля партийной номенклатуры над правоохранительной системой в 1921 – 1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 32 – 35; Стецовский Ю.И. Адвокатура и государство. М.: Юрист, 2007. 606 с.; Он же. История советских репрессий. Т. 1. М.: Знак-СП, 1997. 325 с.; Буков В.А. Суд и общество в Советской России: у истоков тоталитаризма. М.: Российская правовая академия Минюста России, 1992. 263 с.

⁴⁶ Цит. по: Буков В.А. Суд и общество в Советской России: у истоков тоталитаризма. С. 119.

сословиям.⁴⁷ Низким оценкам подверглось участие представителей общественности, «объединённых в одну коллегия с профессиональными судьями», в судебном процессе, поскольку они уступали ответственность за конечное решение «носителям государственной власти».⁴⁸ По мнению В.Н. Колемасова, большевикам в результате постоянного совершенствования судебной системы удалось к 1923 г. значительно стабилизировать обстановку, распространив законность на территории страны. Тем не менее, низкий образовательный уровень кадров народных судов препятствовал систематической работе.⁴⁹

Продолжают современные специалисты и изучение структурной организации судебной системы советского государства.⁵⁰ Г.Т. Камалова заявила, что нестабильное состояние организационной структуры советских судов на протяжении 1920-х гг., несмотря на обусловленность системных реорганизаций поиском наиболее приемлемой модели функционирования, имело обратную сторону – снижение эффективности работы народных судов. Она же выявила некоторые особенности привлечения общественности к судебному процессу в 1920-е гг., проявившиеся в «классовой выдержанности народных заседателей», прямой зависимости образовательных, социальных и профессиональных

⁴⁷ Ганин В.В. Государственная политика в области подготовки юридических кадров России (конец XIX – XX вв.). Дис. ... док. ист. наук: 07.00.02. М., 2003. 554 с.; Олейник И.И. Организация и результаты юридической подготовки работников правоохранительных органов в советском государстве (1917-1941 гг.) // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2. С. 259 – 264.

⁴⁸ Политико-правовые ценности: история и современность. / Под ред. В.С. Нерсисянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 245.

⁴⁹ Колемасов В.Н. Организация работы судебной системы в 1920-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 2. С. 146 – 150.

⁵⁰ Олейник И.И. Местные комиссариаты юстиции в системе советского государственного управления // История государства и права. 2010. № 16. С. 29 – 33; Она же. Становление и развитие органов управления советской юстицией в 1917 – 1936 гг. // История государства и права. 2009. № 22. С. 23 – 26; Она же. Особенности становления народных судов в советском государстве (1918 – 1920 гг.) // Российский судья. 2004. № 5. С. 43 – 48; Она же. Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР (1917 – 1936 гг.). Дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.01. Владимир, 2006. 443 с.; Титков В.И. Организационно-правовые основы советского правосудия: 1917 – 1929 гг. Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Владимир, 2008. 192 с.; Шкрыль Е.О. Становление и организационно-правовое развитие судебного управления и судебного надзора в РСФСР (1917 – 1940 гг.): историко-правовое исследование. Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Краснодар, 2005. 180 с.; Шабалина Е.И. Историко-правовое исследование места и роли органов прокуратуры в механизме Советского государства: 20– 30 гг. XX века. Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. М., 2007. 187 с.; Хлопаева М.Е., Третьякович А.А. Укрепление системы советского правосудия в 1919– 1921 гг. // История государства и права. 2006. № 12. С. 16 – 17.

требований к кандидатам в заседатели в зависимости от уровня народного суда, в работе которого они будут принимать участие (местный, уездный, губернский).⁵¹

Ряд исследователей в результате анализа социально-экономических условий, сопровождавших работу над Декретом о суде № 1, пришли к выводу о вынужденном характере «судебной реформы», как она охарактеризовала создание советского суда. Большевики разработали нормативный акт в короткие для подобных мероприятий сроки. Форсирование законодательной деятельности обусловила потребность дать преступности жесткий, но в то же время обоснованный и легитимный ответ. Поскольку старые институты государственной власти аннулировали, а в отсутствие новых штурмовые действия вооружённых рабочих и солдат не приносили должного по степени авторитетности и государственного значения результата, приходилось создать народные суды в чрезвычайной ситуации.⁵²

Становление судебной системы на основе правотворчества масс и классового подхода способствовало формированию в массовом сознании правового нигилизма, последствия чего оказывали самое негативное влияние на последующее развитие советского государства. Обостряло обстановку «культивирование» большевиками представления о праве «как инструменте классового насилия и осуществления санкционированного государством террора». Тем более, что стороны социально-политического конфликта в процессе борьбы за власть зачастую сами пренебрегали и нормами морали, и писанным законом. И.В. Абдурахманова выделяет такие типологические черты революционного правосознания, проявлявшиеся в поведении советских граждан, как: ярко выраженный инверсионизм правовых представлений; социально-

⁵¹ Камалова Г.Т. Организация советской судебной системы в годы новой экономической политики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. Т. 2. № 13. С. 84 – 90; Она же. Формы привлечения общественности к участию в работе судебных органов Урала (1922 – 1930 гг.) // Российский судья. 2009. № 9. С. 44 – 46.

⁵² Байкадамов Н.С. Некоторые аспекты первых судебных декретов советской власти // Юридические науки. 2007. № 3. С. 136 – 138; Верещагина А.В. Декрет о суде № 1: история подготовки и его содержание // Журнал российского права. 2011. Т. 6. № 174. С. 101 – 109; Она же. Декрет № 1 о суде // Администратор суда. 2011. № 1. С. 34 – 37; Коссов И.А. Становление народных судов и Наркомат юстиции РСФСР, (1917 – 1922 гг.). Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. М., 2006. 214 с.; Павлов В.А. Становление органов юстиции и прокуратуры РСФСР (Октябрь 1917 г. – декабрь 1922 г.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2004. 174 с.; Садков В.Н. Наркомат юстиции РСФСР и советское законодательство, 1917 – 1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1996. 207 с.

правовой негативизм; синхронизация правовой, политической и морально-нравственной аномии; подмена законности революционной целесообразностью; активизация эсхатологического стремления к моментальной реализации правового идеала; доминирование представлений о детерминированности правового статуса гражданина его социальной принадлежностью; ксенофобия, основанная на гипертрофированных общинных установках идентификации членов общества как «своих» или «чужих»; апологетикой насильственного установления «социальной справедливости»; наличием в качестве мотивации правового поведения стремления к классовой мести и расправе с классовыми врагами.⁵³ И.А. Исаев подчёркивает: «Приоритет «революционного правосознания» в качестве источника права основывался на господстве в первые годы революции психологической теории права, считавшей важнейшим аспектом правовой реальности именно правосознание, а не норму и не правоотношение».⁵⁴

И.А. Коссов, указывая на малую изученность деятельности в качестве кассационной инстанции окружных народных судов, созданных в соответствии с Декретом о суде № 2 в 1918 г., предпринял попытку проанализировать причины их быстрой ликвидации уже к 1 января 1919 г.⁵⁵

Вслед за советскими исследователями современные продолжают изучение особенностей взаимодействия между судебными учреждениями и органами местной власти. Однако, кроме органов государственной власти в лице Советов, специалисты отмечают, что «партийными органами различного уровня предпринимались неоднократные попытки поставить судебные учреждения под контроль, урезать их и без того относительную самостоятельность».⁵⁶ Изучение влияния партийных органов на судопроизводство стало возможно после распада

⁵³ Абдурахманова И.В. Некоторые аспекты формирования образа советского правосудия в массовом правосознании 1918-1921 гг. // Юрист-Правоведь. 2008. № 3. С. 83 – 87; Она же. Рефлексия «революционной законности» в массовом сознании 1917-1921 гг. // Философия права. 2008. № 3. С. 20 – 25; Она же. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект. Дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2009. 589 с.

⁵⁴ Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. М.: Юрист, 2004. С. 575.

⁵⁵ Коссов И.А. Окружные народные суды в судебной системе РСФСР (февраль – ноябрь 1918 г.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 11. С. 87 – 96.

⁵⁶ Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. С. 213; Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 2003. С. 167.

СССР. Актуальность подобной проблематики тесно связана с современными политическими реалиями. В настоящее время расширены пространственные границы изучения этой проблемы, в частности, её наличие обозначено в деятельности судебных учреждений в различных регионах советского государства в 1920-е гг.⁵⁷ Н.А. Чекунов в ходе диссертационного исследования на материалах Петроградской (Ленинградской) губернии пришел к выводу, что органы юстиции «действовали под негласным руководством партийных органов, которое проявлялось в назначении и смещении кадров, принятии организационных решений, даче указаний по конкретным делам». Методами воздействия на судей «выступали непосредственные указания, предварительное утверждение решений советских органов, создание партийной ячейки суда». Местные партийные органы оказывали негативное влияние на реализацию положений судебной реформы 1922 г., осуществляя неоправданные вмешательства в деятельность органов управления судами.⁵⁸

Отечественные специалисты стремятся к возвращению в историческую науку имён выдающихся деятелей прошлого. В исторической литературе, начиная с советского периода, справедливо существует высокая оценка деятельности первого советского правительства. Известно, что подавляющее большинство его были людьми с высочайшим для своего времени уровнем образования. Однако из этой плеяды незаслуженно в 1930-е гг. было вычеркнуто имя Д.И. Курского – первого советского народного комиссара юстиции и одного из активных создателей советского суда. В особую заслугу Д.И. Курскому ставится стремление «привлечь к работе в наркомате как можно больше старых специалистов», поэтому «в первые годы советской власти в наркомате юстиции работали немало весьма квалифицированных юристов».⁵⁹ Высоко оценивает роль

57 Хачатурян Б.Г. Низовая юстиция и местное самоуправление (к истории вопроса) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5. Ч. 2. С. 211 – 216; Вдовенков В.М. Становление и развитие судебной власти на территории Хабаровского края / под ред. А.А. Власова. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2003. С. 17 – 18, 40; Шабанова И.Н. Становление и развитие судебной системы в Среднем Урале (1918-1938 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тюмень, 2009. 26 с.

58 Чекунов Н.А. Судебная реформа 1922 года в Петрограде – Ленинграде. Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. СПб., 2004. 172 с.

59 Звягинцев А.Л., Орлов Ю.Г. Распяты революцией: Российские и советские прокуроры. XX век. 1922 – 1936. М.: РОССПЭН, 1998. С. 16.

П.И. Стучки в становлении советской судебной системы, ставшей основой современной российской, Б. Е. Рощин.⁶⁰

Внимание учёных привлекает советская судебная реформа 1922 г., которую «без преувеличения, можно считать наиболее результативной из всех осуществлённых при советской власти судебно-правовых преобразований». В. Кудрявцев и А. Трусов, несмотря на общее негативное отношение к советской политической системе, считают, что одним из факторов удачного проведения судебной реформы 1922 г. было то обстоятельство, что её реализация прошла «в основном при жизни В.И. Ленина». Данный фактор имеет право на существование, особенно применительно к истории СССР 1920 – 1950-х гг. Именно в те годы «волна народного духа, поднятого великой революцией, ещё не успела угаснуть».⁶¹ В целом судебную систему советского государства исследователи обозначают термином «политическая юстиция», которую определяют как «часть юридической системы, созданной или используемой для подавления политических противников путём применения правовых и противоправных средств».⁶² Репрессивные действия советского правительства посредством судов – одна из самых сложных страниц отечественной истории. Представляется справедливым вывод о целях советского руководства при проведении подобных мероприятий – «беспощадное истребление врагов, стремление запугать население и заставить его исполнять советские законы».⁶³

В.А. Михайлов в результате комплексного исследования нормативной базы, положившей начало большевистскому суду, представил целостную картину формирования в РСФСР системы социалистического правосудия, основанной на принципах народовластия и революционной законности.⁶⁴

⁶⁰ Рощин Б.Е. Роль П.И. Стучки в становлении системы советского права (к 145-летию со дня рождения) // Альманах современной науки и образования. 2010. № 12. С. 50 – 52.

⁶¹ Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. С. 217.

⁶² Там же, с. 14.

⁶³ Сырых В.М. История государства и права России: Советский и современный периоды. Учебное пособие. М.: Юристъ, 2000. С. 82 – 83.

⁶⁴ Михайлов В.А. Создание основ советской уголовно-судебной власти // Публичное и частное право. 2009. № 2. С. 64 – 85; Он же. Судебно-правовая реформа в РСФСР (1922 – 1924) // Публичное и частное право. 2010. № 5. С. 58 – 88.

Политическую направленность советского правосудия критикует С.С. Алексеев. Наличие у большевиков «крайне утопической программы» обусловило, по его мнению, значительные сложности в формировании «сколь угодно развитого права». Подвергается сомнению и существование «революционного права» и «революционного правосознания».⁶⁵ В монографии «Философия права» он отмечает противоречивую динамику изменения представлений большевиков о системе правосудия от позиции, что «право – отмирающий остаток прошлого» до появления понятия «советское право» и его трансформации в «социалистическое».⁶⁶

В.Н. Бабенко связывает проведение масштабного реформирования судебной системы в начале 1920-х гг. с реализацией новой экономической политики, потребовавшей от советских судов, «ориентированных в предшествующий период в основном на борьбу с преступностью и проведение судебных репрессий», реализации производства в области экономических и гражданских правоотношений. Страна переходила на путь восстановления хозяйства, нормализации социальных отношений – всё это требовало отмены чрезвычайного законодательства и судопроизводства. Советское государство, нуждавшееся в средствах, вынуждено было пойти на относительное смягчение режима.⁶⁷ Рядом экспертов выявлено, что изменения в системе судебного управления в ходе реформы 1922 г. способствовали усилению административного надзора за подведомственными учреждениями в условиях НЭПа, что позволяло своевременно и жестко реагировать на осуществляемую судьями карательную политику в случае её несоответствия «текущему политическому моменту». Наиболее остро эта проблема встала перед большевиками в годы НЭПа, ведь именно тогда влиянием происходящих социально-экономических изменений, оказывающих неблагоприятное воздействие на некоторых членов партии и обычных граждан, им приходилось практически отстаивать свое право на власть и

⁶⁵ Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 294 – 295.

⁶⁶ Алексеев С.С. Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: Норма, 1999. С. 173 – 174.

⁶⁷ Бабенко В.Н. Судебная власть России: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 166.

неизменность провозглашённого в 1917 г. курса. Хотя при этом наблюдалось некоторое искажение линии карательной политики, проводимой правоохранительными структурами. В частности, при неизменном негативном отношении к нэпманам и сдержанном к ряду категорий лиц, совершивших правонарушение якобы под влиянием «тяжёлых жизненных обстоятельств», приходилось лавировать законностью как таковой, экономическими выгодами от деятельности нэпманов и основной массой населения. Определяющее значение при этом оказывала позиция местных органов советской и партийной власти.⁶⁸

Смена политического режима на рубеже 1980 – 1990-х гг. в целом оказала позитивное влияние на расширение палитры исторических исследований. Исследователи не скованны господствующей методологией, свободны в оценках и мнениях, выборе областей исследования. Многофакторность подходов расширяет границы изучаемых проблем. Плюрализм мнений позволяет современным исследователям обращаться к темам ранее закрытым (уровень профессиональной подготовки судей, подконтрольность советской судебной системы интересам власти, большее развитие получает изучение взаимоотношений местных органов управления и судами).

Таким образом, в истории советского суда 1917 – 1927 гг. экспертами выявлены общие принципы функционирования и структурная организация судебной системы, особенности кадровой политики и профессиональной подготовки судебных работников. Исследователями обозначен и подвергнут

⁶⁸ Алакпаров К.А. Становление отечественного суда и формирование принципов судопроизводства в 1917 – 1936 гг. Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. М., 2005. 215 с.; Бондаренко А.В. Судебное управление и надзор в рамках судебной реформы 1922 г. // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 231 – 233; Она же. Законодательные основы судебной системы РСФСР в годы нэпа // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 69 – 75; Она же. Развитие законодательства о судебной системе РСФСР 1917 – 1929 гг. // Современные гуманитарные исследования. 2008. № 3. С. 143 – 148; Колесняк Е.В. Об особенностях эволюции судебной системы в советском государстве в условиях нэпа // Право и политика. 2008. № 5. С. 1250 – 1254; Нагорная Т.А. Правоохранительная функция советского государства в период новой экономической политики // Аграрное и земельное право. 2008. № 1. С. 126 – 132; Смыкалин А. Судебная реформа 1922 года // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 39 – 42; Соседов Е.А. Кадровый состав судебных органов Тамбовской губернии и его роль в реформировании судебной системы в годы НЭПа. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 100. № 8. С. 322 – 325; Тяжелыникова В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е гг. // Отечественная история. 1998. № 6. С. 158 – 173; Филонова, О.И. Осуществление правовой политики государства судебными органами РСФСР в период НЭПа. // История государства и права. Издательская группа «Юрист», 2013. – № 10. – С. 45 – 47.

критическому анализу процесс реформирования народных судов в течение этого десятилетия как с позиции эволюционного развития советского права и совершенствования правоохранительной системы в целом, так и в свете происшедших социально-политических и экономических изменений. В настоящее время продолжается широкое изучение обозначенных вопросов в деятельности судов страны Советов, однако внимание исследователей всё больше обращается на региональный уровень.⁶⁹

Научная новизна исследования связана с практической не изученностью истории становления советского суда на территории Псковской губернии в первое послереволюционное десятилетие. Эта тема не пользовалась вниманием исследователей, и каких-либо законченных работ создано не было. Первым изданием, в котором выделяется специальная глава, «Охрана революционной законности», был юбилейный сборник «Десять лет власти Советов в Псковской губернии: 1917 – 1927». Однако повествование ограничивалось краткой характеристикой существующих нормативных актов и упоминанием о существовании в описываемое время судов. Особенно подчёркивалась классовая направленность новой судебной системы, в то же время фактического материала содержится мало.⁷⁰

В последующем не создавалось даже подобных работ. Чаще всего исследователи ограничивались кратким упоминанием о развитии

⁶⁹ Абрамовский А.А. Становление института советского суда на Урале в 1917 – 1918 гг. (на примере Оренбургской губернии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 9. № 1. С. 29 – 35; Булюлина Е.В. Из истории судебных учреждений Царицына-Сталинграда. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1. С. 20 – 26; Жуков В.В. Становление и функционирование советской судебной системы в Башкирской АССР (1919 – 1929 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 85. С. 327 – 332; Исаева Т.С. Из истории становления судебной системы на Дальнем Востоке // Юридический журнал. 2010. Вып. 7. С. 5 – 7; Камалова Г.Т. Особенности строительства судебной системы на Урале в годы новой экономической политики // Право и государство: теория и практика. 2007. Т. 32. № 8. С. 147 – 150; Крыжан А.В. Становление и развитие местных органов советской юстиции. 1917-1922 гг.: на материалах Курской губернии. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2010. 160 с.; Сергиенко В.А. Деятельность советских судебных органов на Дальнем Востоке в 20-е гг. XX в. // Власть и управление на востоке России. 2008. № 1. С. 100 – 107; Соседов Е.А. Судебная система Тамбовской губернии периода нэпа // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Т. 43. № 3 – 2. С. 26 – 30; Шахназаров И.Я. Концепция создания и становление советской судебной системы на региональном уровне: 1917 – конец 1920-х гг. (На материалах Пензенской губернии). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пенза, 2003. 215 с.; Шорохова А.А. Становление и развитие советского суда в Башкирии: 1917 – 1927 гг. Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Уфа, 2007. 150 с.

⁷⁰ Десять лет власти Советов в Псковской губернии: 1917 – 1927. Псков: Псковский окружной исполнительный комитет, 1927. С. 121 – 127.

правоохранительной системы в первое послереволюционное десятилетие. В 1970-е гг. вышли коллективные обобщающие труды по истории Псковской области, в которых прослеживалась история края с древности вплоть до последних лет. Но история судебных органов в них не упоминается. А в 1967 вышла монография С.А. Иванова «Красный Октябрь на Псковщине», переизданная в 1984 г., но автор, описывая процессы формирования государственности в губернии, историю правоохранительной системы не коснулся.⁷¹ А.В. Филимонов в монографии «Псков в 1920-1930-е гг.: очерки социально-культурной жизни» также историю судебной системы напрямую не затрагивает, ограничиваясь очерком о развитии пенитенциарных учреждений, которые находились в ведении губернского суда.⁷² С 1999 г. Псковский филиал Санкт-Петербургского университета МВД РФ проводил ежегодные научно-практические конференции «Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность». С закрытием филиала конференции с несколько изменённым названием («Правоприменительная деятельность в Псковской области: истории и современность») с 2009 г. организуются юридическим факультетом Псковского университета. Однако история суда, в том числе первого советского десятилетия, не нашла отражения в их материалах.⁷³ Практически не затрагивается эта

⁷¹ Иванов С.А. Красный Октябрь на Псковщине. 2-е изд. Л.: Лениздат, 1984. 223 с.; Очерки истории Псковской организации КПСС. Л.: Лениздат, 1971. 542 с.; Псков: Очерки истории. Сборник. / Под ред. И.П. Шаскольского. Л.: Лениздат, 1971. 367 с.; Псковский край в истории СССР. Очерки истории / Под ред. Г.М. Дейча, С.И. Колотиловой. Л.: Лениздат, 1970. 478 с.

⁷² Филимонов А.В. Псков в 1920 – 1930-е гг.: очерки социально-культурной жизни. Псков: Псковская областная типография, 2005. С. 281 – 296.

⁷³ Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Межведомственная научно-практическая конференция: 23 апреля 1999 г., г. Псков. Материалы научных докладов. / Сост. И.М. Шаманов и др. Псков: Псковский областной государственный центр народного творчества, 1999. 183 с.; Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Вторая межведомственная научно-практическая конференция: 18 апреля 2000 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. Псков: Псковский областной государственный центр народного творчества, 2000. 197 с.; Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Материалы третьей межведомственной научно-практической конференции: 24 апреля 2001 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова. Псков: Псков-Инфопресс, 2001. 158 с.; Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Четвёртая региональная научно-практическая конференция: 16 октября 2002 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова, С.Е. Матвеева. Псков: Псков-Инфопресс, 2002. 211 с.; Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Пятая региональная научно-практическая конференция: 21 апреля 2003 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова, С.Е. Матвеева. Псков: Псков-Инфопресс, 2003. 223 с.; Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов шестой межрегиональной научно-практической конференции: 19 апреля 2004 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова. Псков: Псков-Инфопресс, 2004. 311 с.; Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов научно-

тематика и в диссертационных исследованиях, посвящённых организации органов советской милиции в Псковской губернии в 1920-е гг.⁷⁴

Источниковая база исследования включает две группы материалов. Первую группу источников составляют опубликованные законодательные акты советского правительства, в соответствии с которыми создавалась советская судебная система в 1917 – 1927 гг.: Декреты о суде № 1, № 2, № 3; Положения о народном суде и судопроизводстве РСФСР 1918 – 1922 гг., Положение об адвокатуре 1922 г., Положение о прокурорском надзоре 1922 г. Нормативный характер этих документов позволяет узнать заявленные законодателем общие принципы функционирования народных судов и комплектования их кадрового состава, особенности их административной структуры и системы контроля. Они дают возможность составить общее представление о советском суде.

Вторую группу источников включают неопубликованные архивные документы, являющиеся носителями информации об истории судебных учреждений Псковской губернии. В процессе исследования изучено 324 дела в 23 фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Псковской области (ГАПО) и Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). ГАПО содержит фонды губернского исполнительного комитета и его отделов, уездных и городских исполкомов, Псковского губернского суда и уполномоченного суда по Новоржевскому уезду, бюро народных судей Новоржевского и Псковского уездов, бюро съездов народных судей Порховского уезда. В ГАНИПО представлены фонды органов политического руководства: губернского комитета

практической конференции: 18 апреля 2005 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова. Псков: Псков-Инфопресс, 2005. 387 с.; Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов научно-практической конференции: 17 апреля 2006 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова, С.Е. Матвеева. Псков: Псков-Инфопресс, 2006. 451 с.; Правоприменительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 1. / Сост. С.Д. Лысых, А.А. Неробеев. Псков: Псковский государственный педагогический университет, 2009. 219 с.; Правоприменительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 2. / Сост. С.Д. Лысых, В.А. Попов. Псков: Псковский государственный педагогический университет, 2010. 200 с.

⁷⁴ Белоуков Д.А. Особенности организации и деятельности Псковской губернской милиции (1917 – 1927 гг.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Великий Новгород, 2003. 219 с.; Шаманов И.М. Организационно-правовые основы становления и развития советской милиции в Псковской губернии 1917 – 1924 гг. (историко-правовой аспект). Автореф. ... канд. юр. наук: 12.00.01. СПб., 1999. 22 с.

РКП(б) / ВКП(б), уездных и городских партийных комитетов, губернской контрольной комиссии. В ГАРФ в фонде Народного комиссариата юстиции РСФСР выявлено несколько документов, содержащих информацию по истории советского суда в Псковской губернии: материалы уголовного дела в отношении одного из руководителей ведомства юстиции, отчеты губернского суда о проведении выборных кампаний народных заседателей. Все изученные архивные материалы можно разделить на несколько категорий.

1. Нормативные акты местных органов власти и управления, представленные инструкциями, директивными письмами, циркулярами, позволяют выявить особенности применения законодательства в условиях Псковской губернии. В них регламентируются различные направления деятельности местных народных судов: организация выборов судей и народных заседателей; вовлечение женщин, а также представителей крестьянства и рабочих на службу в ведомство юстиции; разработка процедуры отправки дел на кассацию; реализация классового подхода в судопроизводстве.

2. Протоколы и выписки из протоколов заседаний секретариатов, пленумов и закрытых собраний губернских исполнительного комитета и комитета РКП(б) / ВКП(б), уездных и волостных органов партийной и советской власти, губернского отдела и уездных бюро юстиции. В них представлены данные о практической деятельности судов и их сотрудников, об особенностях взаимодействия представителей государственной и местной власти с судьями, об условиях работы судей в уездах и волостях, их образовательном уровне и социальном происхождении.

3. Отчёты народных судей, руководства губернского суда, ответственных работников партийных и советских органов губернии содержат статистические данные, более конкретизированная информация по политическому и хозяйственному положению судебных учреждений на местах.

4. Служебная переписка ответственных работников губернских и уездных исполкомов и комитетов РКП(б) / ВКП(б) и судебных учреждений несет информацию, отражающую проблемы, встающие перед народными судами

губернии в процессе развития революционной законности, о распространении коррупции среди судебных работников, о росте или падении влияния советского правосудия на население в различных административных образованиях.

5. Информационные сводки уездных уполномоченных ОГПУ и материалы губернской контрольной комиссии, включающие данные о взглядах жителей уездов на работу суда, на моральные и профессиональные качества его отдельных работников, в целом на народное восприятие законности и мер по её укреплению. Представлены в этой категории источники и результаты проверок в отношении судей, народных заседателей, их классовой принадлежности и возможностей оказания на них давления или влияния со стороны представителей чуждых социальных групп.

6. Акты передачи судебных камер и материалы ревизий, проведённых специалистами НКЮ РСФСР, губернского суда, органов исполнительной власти, содержащие информацию об условиях работы народных судей, о её качестве, о пропажах уголовных и гражданских дел и вещественных доказательств, статистические данные по конкретным участкам.

Несмотря на значительный объем выявленной и имеющейся в архивах информации о деятельности судебных учреждений Псковской губернии в 1917 – 1927 гг., ряд вопросов все же невозможно осветить. В архивах отсутствуют фонды отдельных судебных участков, бюро юстиции, канцелярий уполномоченных губернского суда, самого губернского суда. При наличии большого количества упоминаний в материалах различных фондов о низком уровне заработной платы судебных работников недостает репрезентативных данных по уездам и конкретным временным периодам. Сложно составить полное представление о повседневной жизни работников юстиции изучаемого периода. Также присутствует значительное количество единичных фактов, которые невозможно связать с общим ходом развития судебной системы. В частности, о деятельности трудовых и земельных сессий народных судов, судебных камер по разбору контрабандных дел. Выявлены упоминания о принятии тех или иных решений органов власти или судебного руководства в отношении отдельных работников

или какого-либо вопроса, выполнение которых невозможно проследить. Не удалось проследить действия органов управления по результатам большинства проведённых проверок и ревизий, ряда директив и циркуляров, информационных сводок ОГПУ. Практически отсутствуют конкретные дела, разбиравшиеся в судах губернии.

На защиту выносятся следующие основные положения исследования:

1. Организационное оформление судебных учреждений советского государства на территории Псковской губернии происходило поступательно, путем последовательного поиска приемлемой модели судоустройства и системы управления им. Судопроизводство осуществлялось по субъективным принципам «революционной совести», «революционной сознательности» и «революционного правосознания».

2. Определяющим направлением деятельности народных судов на территории Псковской губернии явилось укрепление революционной законности и создание приемлемых правовых условий для социальных групп, являющихся основой новой власти: пролетариата, бедного и среднего крестьянства, батраков, трудовой интеллигенции. Значимым фактором в деятельности народных судов стал избирательный подход к подсудимым, исходя из их классового происхождения.

3. В Псковской губернии значительное внимание уделялось целенаправленному и системному проведению народными судьями общественной и просветительской работы. Были выработаны несколько ее форм: проведение показательных процессов по резонансным или преобладающим в местности преступлениям (хулиганство, изготовление самогона); организация систематической юридической помощи населению посредством вовлечения народных судей в работу изб-читален; создание разветвлённой сети кружков по изучению советского права; работа с народными заседателями.

4. В Псковской губернии в течение 1918 – 1927 гг. со стороны уездных и волостных советских и партийных органов оказывалось воздействие на народные суды, на характер принимаемых ими решений и постановлений.

5. Классовые принципы, положенные в основу кадровой политики

большевиков, способствовали успешной реализации основных задач советского суда. Одновременно они создали значительные трудности, не преодоленных в течение 1917 – 1927 гг. Большинство лиц, претендовавших на замещение должностей народных судей в Псковской губернии, отвечали предъявляемым требованиям лишь формально, не соответствовали действительным потребностям судебной системы.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования представлены в виде докладов на конференциях всероссийского, регионального и местного уровней: «Правоприменительная деятельность в Псковской области: история и современность» (Псковский государственный педагогический университет (ПГПУ), 2010 г.), «Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории» (ПГПУ, 2010 г., 2011 г.); ежегодных Псковских архивных чтениях (ГАПО, 2010 г., 2011 г.), заочной научной конференции молодых ученых «Актуальные вопросы социально-гуманитарного знания» (2013 г., Ростов-на-Дону). Выпущено 14 статей и тезисы доклада на научной конференции, в том числе пять публикаций в изданиях, которые входят в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК.

ГЛАВА I. Создание советского суда в Псковской губернии в 1917-1922 гг.

1.1 Теоретические и правовые основы деятельности советского суда

Становление судебных учреждений советского государства в течение 1917 – 1927 гг. происходило нестабильно, претерпевало значительные изменения. Начало новому суду положил Декрет от 22 ноября 1917 г., в соответствии с которым началась ликвидация судебных учреждений Российской империи, формально осуществлявших свои полномочия в течение всего 1917 г., несмотря на политические изменения. Вместо них учреждались суды, образуемые «на основании демократических выборов». Процедура и регламент выборов судей в законе не раскрывались. Декрет предусматривал создание судов местного уровня, в полномочия которых входило рассмотрение уголовных дел и гражданских исков «ценой до 3000 рублей». Наказание, назначаемое местным судом по уголовным делам, не превышало 2 лет лишения свободы. В качестве кассационной инстанции выступал уездный съезд местных судей (см. Приложение 1). О порядке судопроизводства и подсудности по гражданским и уголовным делам предполагалось издать в дальнейшем «особый декрет». В судебных заседаниях на равных правах с профессиональными судьями принимали участие народные заседатели.⁷⁵ Представители общественности своим участием создавали легитимность принимаемым судами решениям и приговорам, поскольку реализовывали на практике идеи большевиков: создание системы правосудия, ориентированной на защиту интересов конкретных социальных групп. Советский суд в полной мере, во всяком случае, внешне, соответствовал названию – стал «народным», работа в нем перестала являться уделом профессионалов-юристов. Новые принципы комплектования кадрового состава были направлены на создание классового суда.

Декрет о суде № 1 стал нормативно-регламентирующим аргументом, представленным массам новой властью в условиях тотального, казалось,

⁷⁵ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

разрушения прежнего государственной аппарата. В ответ на революционные потрясения, когда на первое место как инструмент законности выходит принцип силы и субъективное представление о законности каждого конкретного человека, советское правительство предприняло попытку уравнивать сложные и зачастую противоречивые представления масс о новом порядке. Именно по этой причине в ноябре 1917 г. была выработана и относительно регламентирована на первое время деятельность судов первой инстанции. До выработки нормативной базы, соответствующей новым социально-политическим и экономическим реалиям, местным судам было разрешено использовать законы «свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию».⁷⁶ На практике это положение приобрело конкретную форму, выраженную в требовании Псковского губернского комитета РКП(б) к народным судьям и обозначенную в противоположной по смыслу и достаточно однозначной позиции: «Суд в своих решениях руководствуется совестью, обычным правом, новыми указаниями, а отнюдь не теми или иными законоположениями царского правительства».⁷⁷

В 1917 – начале 1918 гг. в советской России была создана единая система местных судов, уровень квалификации судей которых и ограничения, наложенные Декретом № 1, препятствовали рассмотрению сложных уголовных и гражданских дел. В марте 1918 г. СНК издал Декрет о суде № 2, учреждавший окружные народные суды «для рассмотрения дел, превышающих подсудность местного народного суда».⁷⁸ Они действовали только как суды первой инстанции; в качестве же кассационной инстанции для местных судов продолжали существовать учрежденные Декретом № 1 уездные (столичные) съезды (советы) местных судей. В связи со сложностью дел, предназначенных для рассмотрения в окружных судах, заседания проводились в составе председательствующего и не менее двух постоянных членов гражданского или уголовного отделения в зависимости от рассматриваемого дела (см. Приложение 2). Судопроизводство по

⁷⁶ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

⁷⁷ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 21. Л. 23.

⁷⁸ СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.

всем типам дел разрешалось производить по-прежнему «по правилам судебных уставов 1864 г.», если они «не противоречат правосознанию трудящихся классов».⁷⁹ Декрет № 3 разграничил подсудность между местными и окружными народными судами. На местные народные суды возложили рассмотрение большинства мелких гражданских и уголовных дел. Материалы о посягательствах на человеческую жизнь, об изнасиловании, разбое, бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции подлежали рассмотрению окружными народными судами. Кассационной инстанцией для дел, рассмотренных в местных народных судах, был сохранен уездный, а в столицах – столичный съезд местных народных судей.⁸⁰

Среди задач, которые ставились перед народными судами в эти годы, выделялась одна – распространение законности в контролируемых большевиками местностях. У них имелось своё представление о законности как категории права. По мнению В.И. Ленина, «...воля, если она государственная, должна быть выражена как закон, установленный властью; иначе слово «воля» пустое сотрясение воздуха пустым звуком».⁸¹ Основой государственного строительства является строгое соблюдение вновь появляющегося законодательства со стороны и граждан, и органов власти. В.И. Ленин, отмечая политическое значение процесса установления законности, заявил о взаимосвязи между положением на фронтах Гражданской войны и правовой ситуацией на контролируемых большевиками территориях: «Чтобы уничтожить Колчака и Деникина, необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания советской власти и следить за их исполнением всеми».⁸² Особую сложность для реализации, даже избирательно, принципов революционной законности у народных судей создавали постоянно возникающие противоречия по поводу исполнения постановлений центрального советского правительства на местном уровне. Проблема носила субъективный

⁷⁹ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50; 1918. № 26. Ст. 347.

⁸⁰ СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

⁸¹ Ленин В.И. Противоречивая позиция // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 340.

⁸² Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 155.

характер: с одной стороны, революция и Гражданская война подняли к жизни не самые лучшие качества народного сознания, ведущие к повсеместному нарушению не столько нового, только создаваемого советского законодательства, сколько права как такового вне зависимости от восприятия и принятия советской власти. С другой, как отмечало псковское губернское руководство: «У наших граждан, только что вышедших из-под опеки земских начальников, нет твёрдого осознания необходимости подчинения писаному закону, а не только физическому напору и давлению военной силы».⁸³ Представители местных властей, главным образом волостных и уездных исполкомов, не понимали идей социалистической законности. У них было скорее «смутное искание личных прав без обязанностей перед государством и обществом».⁸⁴ В свою очередь, простые граждане, не имеющие доступа к власти, не всегда чётко осознающие свои права, предоставляемые им советской властью, не стремились требовать от государственных органов, формально выступающих от их имени и «выделенных трудовым классом», исполнения своих прав и отстаивания законных интересов. В течение 1918 г. псковские народные суды не приобрели «тесной связи с населением». Не было субъективной потребности у него реагировать на зачастую незаконные действия местных органов власти, представляющих «из себя только совокупность личностей, не имеющих государственных и общественных задач, а преследующих личные интересы», обращением в суд. Поэтому уездные комиссары юстиции, или судебные комиссары, кроме управления правоохранительными органами на местах, были обязаны контролировать местные органы исполнительной власти в области применения норм советского законодательства.⁸⁵ Впрочем, их отдельные представители также пытались оказывать влияние на народные суды губернии. Так, начальник милиции одного из уездов губернии, будучи несогласным с приговором местного суда, назначившего недостаточно жёсткое наказание подсудимому, попытался его

⁸³ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 29. Л. 163.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 29. Л. 163.

наказать в соответствии со своими представлениями о справедливости.⁸⁶ Революционная законность, являясь следствием коренных изменений в обществе, по заявлениям партийных и советских функционеров Псковской губернии, - явление, которое «резко порывает со всем прошлым, уничтожает настоящее и создаёт новые условия для будущего».⁸⁷

Следующим этапом развития судебной системы РСФСР стало появление Положений о едином народном суде от 1918 и 1920 гг., в соответствии с которыми она приобрела следующую структуру: народный суд, Совет (съезд) народных судей в качестве губернской кассационной инстанции и административного органа. Одновременно координацией деятельности всех юридических учреждений занимались соответствующие отделы в составе губернских исполнительных комитетов. По Положению о народном суде 1918 г. в пределах РСФСР учреждался единый народный суд в составе одного постоянного народного судьи, двух или шести народных заседателей в зависимости от сложности и общественного значения рассматриваемого уголовного дела (см. Приложение 3). Число судебных участков в пределах административных единиц определялось уездными, городскими и губернскими исполнительными комитетами.⁸⁸ Эта норма отсутствовала в предшествующих декретах. Фактически, в том числе и в Псковской губернии, судебные районы формировались исходя из местных потребностей и на базе существующей системы волостей и городских районов. Большинство было образовано в местах функционирования дореволюционных волостных и мировых судов.⁸⁹ Все народные суды, входящие в состав губернии, составляли судебный округ. В качестве кассационной инстанции на губернском уровне, а также административного органа учреждался Совет народных судей. Он состоял из председателя, его заместителя и постоянных членов «в числе от двух до пяти» человек, которые избирались на губернском съезде народных судей, утверждались исполнительными комитетами губернских

⁸⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 31. Л. 611.

⁸⁷ ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 416. Л. 78.

⁸⁸ СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

⁸⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 1; ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 1. Л. 38; Д. 4. Л. 153.

советов рабочих и крестьянских депутатов и образовывали президиум Совета народных судей. Для рассмотрения поступающих дел Совет образовывал уголовное и гражданское отделения, которыми заведовали два члена президиума.⁹⁰ Изменения, содержащиеся в Положении о народном суде от 27 октября 1920 г., затронули главным образом процессуальные стороны судебного процесса.⁹¹

В течение четырёх лет сложившийся в годы Гражданской войны порядок устраивал и центральное правительство, и региональные власти, включая судебные. Однако поступательное развитие советского государства, усложнение характера распределения полномочий внутри властных структур и судов, политические и экономические последствия реализации новой экономической политики потребовали проведения судебной реформы. Новые реалии вызвали создание структурированной и компактной судебной системы, способной решать уголовные и гражданские и административные дела в сжатые сроки, но в условиях мирного времени. Потребовалось оптимизировать и систему управления судами. С момента создания советского государственного аппарата на региональном уровне сложился нерациональный и неэффективный порядок управления юридическими учреждениями страны. Они одновременно подчинялись и губернским отделам юстиции, и Советам (съездам) народных судей через местные представительства, представленные уездными бюро юстиции и совещаниями народных судей. Выборное руководство советов и совещаний народных судей и сами народные судьи несли прямую ответственность, как по судебной выборной вертикали, так и по советской административной (перед отделами и бюро юстиции). По замечанию одного из разработчиков судебной реформы 1922 г., Н. В. Крыленко, «из рук государственной власти выпал руль по управлению судебной политикой».⁹²

⁹⁰ СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

⁹¹ СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

⁹² Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР: Лекции по теории и истории судостроительства. М.: Юридическое издательство НКЮ, 1924. С. 204.

Становление советского суда начиналось с разветвлённой и сложно управляемой системы, включавшей одновременно существовавшие чрезвычайные органы и суды общей юрисдикции, с нечётко определённой подсудностью и непроработанной правовой базой, отражало как логику развития советского законодательства, так и изменение взглядов большевиков на государство вообще. Оно в первое десятилетие своего существования пережило постепенную трансформацию от идей мировой революции, правового нигилизма и стремительного построения коммунистического общества с преодолёнными правовыми проблемами до перехода к НЭПу, который потребовал разработки не громоздкой судебной системы. Итогом стало проведение в 1922 г. судебной реформы, целью которой явилось значительное упрощение системы. Она должна была в полной мере соответствовать исторической действительности, ибо структура, созданная в годы Гражданской войны, не всегда отвечала вызовам мирного времени. На VI Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, состоявшемся в январе 1922 г., было заявлено: «Теперь возникает в связи с новой экономической политикой целый ряд гражданских дел, которые будут в значительной степени решать важные вопросы нашей экономической политики, и мы народному суду не доверяем».⁹³ Из компетенции судов были изъяты некоторые несвойственные им функции: оперативное управление следствием и надзор за исполнением законодательства в различных сферах государства и общества. Постановлением III сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва от 25 мая 1922 года, в целях осуществления надзора за соблюдением законов и правильной постановки борьбы с преступностью, была учреждена в составе народного комиссариата юстиции государственная прокуратура и принято Положение о прокурорском надзоре. Надзорные функции отделов юстиции подлежали передаче в ведение прокуратуры, а сами отделы расформировывались.⁹⁴ В ведении губернского Совета народных судей остался нотариат, следственный аппарат в рамках

⁹³ Цит. по: Дзидзоев А.Д. Становление советской судебной системы (1917–1930-е гг.) // Вестник Владикавказского научного центра. 2008. Т. 8. № 4. С. 41 – 46.

⁹⁴ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

административного руководства, непосредственно суды, пенитенциарные учреждения и коллегии защитников. Деятельность последних теперь регламентировалась специальным Положением об адвокатуре.⁹⁵ В соответствии с Положением о судеустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. в РСФСР образовывалась единая система судебных учреждений: народный суд в составе постоянного народного судьи, губернский суд, Верховный суд (см. Приложение 4). Губернский суд действовал в качестве «судебного центра губернии и органа непосредственного надзора за деятельностью народных судов», а также являлся кассационной инстанцией на их решения и приговоры. Возглавлял его председатель, два заместителя которого стояли во главе гражданского и уголовной кассационных отделов. Помогали им осуществлять правосудие двенадцать постоянных членов суда. Подробно Положением определялись и полномочия председателя губернского суда, который осуществлял общее руководство подведомственными учреждениями, предоставлял на утверждение в органы исполнительной власти кандидатуры сотрудников, ведал вопросами распределения денежных средств, занимался составлением и предоставлением отчётности в губернский исполком и НКЮ РСФСР. Пленум губернского суда, собиравшийся в составе «всех наличных в данный момент членов суда», а также губернского прокурора или его помощника ведал административно-организационными (распределение сети судебных участков, назначение и перемещение народных судей, инструкторско-ревизионная деятельность) и дисциплинарными вопросами.⁹⁶ На местах вместо бюро юстиции, находившихся в структуре уездных исполкомов, и совещаний (съездов) народных судей создавалась должность уполномоченного губернского суда, объединившего полномочия обеих организаций.

Основой деятельности народных судов в 1920-е гг. стали классовый подход и судопроизводство по принципам «революционной совести», «революционного правосознания», «революционной сознательности», в том числе и уже во время

⁹⁵ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.

⁹⁶ СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

существования советского законодательства. Такой подход заменил необходимость следовать писаному праву, сведя целенаправленную работу судов к весьма условным категориям, что в целом соответствовало происходившим в стране политическим изменениям. Тем не менее, советскому правительству удалось создать эффективный суд, стабилизировавший законность в стране и разработать собственное законодательство, отвечающее новым реалиям.

1.2 Судебное строительство и судоустройство в Псковской губернии

Приход большевиков к власти в октябре 1917 г. ознаменовался коренными преобразованиями во всех сферах общества. Одно из особенных положений в процессе становления молодой советской власти занимает создание новой судебной системы. Сломав старый политический строй, большевики были вынуждены создавать основы нового государства, к числу которых относится и судебная система. Суды, формально защищая права граждан от произвола и беззакония, фактически в этих условиях становились проводниками политики и идеологии режима. Если власть не в состоянии защитить интересы своих граждан, то альтернативой ей станет либо противоборствующая политическая сила, которая сможет предъявить обществу адекватную его интересам систему правовой защиты, либо беззаконие, которое ослабит и обрушит её. Большевики начали формирование судебной системы, несмотря на разгорающуюся Гражданскую войну, в основе своей отрицающую любую законность. В качестве первоочередной задачи, стоящей перед большевиками в центре и на местах, определялась необходимость «на первое время поддержания, а затем и организации новой законности среди граждан республики».⁹⁷ Народный суд должен был стать «самым живым, самым подлинным откликом того правосознания, которое существует в населении». При этом решения суда и общественное мнение не должны были представлять «из себя двух разных понятий».⁹⁸

В Пскове установление советской власти произошло 26 октября 1917 г. В том же месяце началось формирование местных органов власти и учреждений. Однако большевикам пришлось отстаивать право на власть в вооружённой борьбе с противниками в пределах губернии, и воинскими и казачьими частями, прибывшими в город. К исходу первой недели ноября им удалось удержать и закрепить своё положение. Этому способствовали и события в Петрограде.

⁹⁷ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

⁹⁸ ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 416. Л. 79.

Однако в феврале 1918 г. немецкие войска, в ночь на 25-е число, оккупировали Псков. Все губернские учреждения были эвакуированы из Пскова сначала на станцию Дно, а затем в город Великие Луки. Там они находились до ноября 1918 г.⁹⁹

Юридический отдел Псковского губернского исполнительного комитета во главе с комиссаром юстиции был организован 29 декабря 1917 г.¹⁰⁰ Этот орган исполнительной власти занимался организацией и координированием деятельности советских судебных учреждений на территории губернии. На начальном этапе он ограничивался общей административной работой, не контролируя в действительности ситуацию в уездах. Значительные трудности составлял перевод функционирования судов в практическое русло, поскольку в неустойчивой и не всегда контролируемой советской властью обстановке судьи ограничивались решением организационных вопросов, а судебные участки «были только на бумаге». Отделу юстиции приходилось регулярно высылать «энергичные ноты о том, чтобы судьи занялись делом».¹⁰¹ Препятствовало созданию судов и отсутствие в уездах его местных представительств, срочного создания которых (уездных бюро юстиции) требовало и главное юридическое ведомство страны – народный комиссариат юстиции РСФСР. Он рассылал напрямую в исполкомы требования о «немедленном избрании комиссаров», которым вменялось «хранение архивов и имущества судов (предыдущего режима – авт.), направление неоконченных дел и выдача справок заинтересованным лицам».¹⁰²

Формирование советского суда на территории губернии началось с упразднения органов судебного ведомства прежней власти. Губернским отделом юстиции на места были направлены телеграммы с указанием «приступить немедленно к организации судов», уволив предварительно «с 1 января 1918 г., сохранив январское жалованье членов суда, следователей, товарищей

⁹⁹ Очерки истории Псковской организации КПСС. С. 98 – 104, 121.

¹⁰⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 28. Л. 73 об.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 5. Л. 6; ГАРФ. Ф. А353. Оп. 1. Д. 1. Лл. 3 - 40.

прокурора».¹⁰³ Одновременно напрямую из Петрограда народный комиссариат юстиции во все уезды Псковской губернии в начале января 1918 г. телеграфировал требование о создании «новых судебных органов и упразднении прежних».¹⁰⁴ 20 января 1918 г. на заседании Псковского губернского комитета РСДРП(б) было объявлено о создании «советского суда».¹⁰⁵ Это заявление носило декларативный характер, подтверждая не факт создания судов на всей территории губернии, а структурированной по административной вертикали региональной системы НКЮ в лице губернского и уездных комиссаров юстиции. Так, в Новоржевском уезде отдел юстиции начал функционировать с 4 января 1918 г., большинство его работников составляли бывшие служащие канцелярии местного царского суда.¹⁰⁶ 15 и 26 января 1918 г. губернский комиссар юстиции направил уже своим подчинённым в уездах требования «поспешить со скорейшей организацией» местных судов, если они «ещё не организованы». При этом руководство губернии напоминало о политическом значении своевременной организации судебной системы, отсутствие которой «в корне расшатывает жизненные устои и подрывает доверие к власти Советов».¹⁰⁷ Обращалось внимание и на эмоциональную сторону: «Товарищи! Поддержите же советскую власть. Организуйте суды – основу права, основу нормальной жизни народа и этот самый народ от всего сердца скажет Вам своё «Спасибо»».¹⁰⁸

К 20 января 1918 г. практически без сопротивления со стороны служащих были ликвидированы дореволюционные суды в Великолукском уезде. Более того, они приняли постановление «о добровольном подчинении советской власти», что позволило местному комитету РКП(б) заявить о «чисто эволюционном преобразовании» мировых судов в народные.¹⁰⁹ Это соответствовало положению Декрета о суде № 1, по которому «прежние мировые судьи не лишаются права,

¹⁰³ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

¹⁰⁴ Там же, лл. 3, 6.

¹⁰⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.

¹⁰⁶ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

¹⁰⁷ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

¹⁰⁸ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 5. Лл. 60, 60 об.

¹⁰⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.

при изъявлении ими на то согласия, быть избранными в местные судьи».¹¹⁰ В результате все мировые суды, находившиеся в структуре Великолукского окружного суда, после октября 1917 г. не свернули свою деятельность, а «пошли по пути, указанному пролетарской революцией».¹¹¹ Мировые судьи быстро перестроились, справедливо решив, что квалифицированные юридические кадры необходимы любой власти. А подсудность местных народных судов, как отмечено выше, не требовала преследования граждан за совершение действий, направленных, например, против большевиков.

В Новоржевском уезде к 5 февраля 1918 г. было открыто 9 судебных участков, которыми только за апрель 1918 г. было рассмотрено 520 гражданских и 225 уголовных дел.¹¹² А к 9 августа 1918 г. народные суды создали на всей контролируемой большевиками территории Псковской губернии. Не обошлось, правда, без нарушений. В Порхове к созданию народных судов приступили 16 июня, но, как выяснилось вскоре, с отступлениями от Декрета о суде № 1. Судебные заседания проводились без участия народных заседателей, единолично судьями, что, по мнению губернского отдела юстиции, воспроизводило «старый тип волостного суда».¹¹³ Порховский исполком 27 сентября 1918 г. в связи с несоответствием местных судов уезда своему назначению и тем, что от местного съезда народных судей «правильной работы ожидать не приходится», а судебная власть «не состоит из специалистов», расформировал их.¹¹⁴ В Опочечком уезде организовали 7 судебных участков.¹¹⁵

В начальный период оккупации и вынужденной эвакуации губернских учреждений в г. Великие Луки в обществе значительно вырос уровень криминализации. Псковский губернский исполком предпринял попытку самостоятельного нормотворчества. Её результатом стал декрет о создании в губернии временных революционных судов. Окончательный смысл появления

¹¹⁰ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

¹¹¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.

¹¹² ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 1, Л. 38; Д. 4. Л. 153; Д. 22. Лл. 53, 81; Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1, 29.

¹¹³ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 31. Л. 285.

¹¹⁴ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 10. Л. 5 об.; Д. 19. Л. 60.

¹¹⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 337. Л. 2.

этих учреждений выяснить не представляется возможным. Они действовали на контролируемой большевиками территории, а значит, сосуществовали с организуемыми народными судами. Революционные суды должны были стать жёстким ответом на «разграбление народного богатства», которое массово проявилось в это время. Появление временных революционных судов, их параллельная деятельность с народными судами объясняются лишь более широкими границами полномочий. В отличие от местных судов, революционные получили возможность использования практически всех возможных мер воздействия на осуждённых: взыскание, штрафы различных размеров, лишение свободы, общественное порицание, объявление врагом народа, лишение политических прав, конфискация имущества, общественные работы, объявление вне закона.¹¹⁶ Как представляется, губернский исполком, не вмешиваясь напрямую в работу только появляющихся судов, избежав прямого нарушения республиканского законодательства, смог ответить на вызовы времени. Однако целесообразность появления этих учреждений оставляет вопросы. В декрете содержалась посылка, что в местностях, где существуют местные суды, временные революционные – «излишни». В связи с этим получается неясная ситуация с распространением законности в различных местностях губернии. Наказание за одно и то же преступление могло быть в юрисдикции разных судов различным. Отсутствует прямое указание о чрезвычайном характере революционных судов, кроме запрета на апелляции и кассации на их решения и немедленное приведение приговора в исполнение, что также ограничивает правовое равенство населения. Общий же принцип осуществления судопроизводства полностью соответствовал требованиям времени и носил субъективный характер: вынесение приговоров осуществлялось на основе «гражданской революционной совести в зависимости от степени преступления и могущих произойти от него вредных последствий», определение наказания судья должен был проводить также «по мере революционной совести».¹¹⁷

¹¹⁶ ГАПО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 6. Лл. 72, 72 об.; Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 1. Лл. 17 об., 18.

¹¹⁷ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

Временные революционные суды носили публичный характер. Минимальное количество назначаемых на процесс судей было ограничено требованием «не менее 5 лиц». Формирование кадрового состава производилось местными советами депутатов из числа граждан, известных «самыми наилучшими нравственными качествами, безусловной честностью и справедливостью». Предпочтения отдавали лицам с юридическим образованием или хотя бы «юридическими познаниями», что должно было обеспечить дополнительный авторитет этим учреждениям в существующих условиях. Временные революционные суды действовали при губернском и уездных советах, а также в посёлках Дно и Сольцы, на станции Новосokolьники с 9 марта по 25 апреля 1918 г.¹¹⁸

С 1 июля 1918 г. начал функционировать в качестве губернского Великолукский окружной народный суд, который удалось сформировать во время относительной стабилизации обстановки. С 1 июля по 9 августа им проведено 14 заседаний уголовного и 7 гражданского отделений, на которых было разобрано 147 и 149 дел соответственно.¹¹⁹ Руководство губернского отдела юстиции создание окружного народного суда ставило в число особых своих достижений. Он был создан с некоторым опозданием и, будучи губернской кассационной инстанцией, а также судом первой инстанции по особо сложным делам, фактически занимался и административной деятельностью в судебной системе губернии, объединяя все правоохранительные учреждения (революционных трибунал, народные суды, коллегии правозаступников, нотариат, места лишения свободы).¹²⁰

После поражения Германии в Первой мировой войне и аннулирования положений Брестского мирного договора вооружённые формирования советской России приступили к освобождению территории Псковской губернии от немецких оккупантов. 25 ноября 1918 г. в результате тяжёлых боёв с

¹¹⁸ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 1. Лл. 18 об., 56.

¹¹⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 31. Л. 286; Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 20. Лл. 353 об., 358, 715, 814.

¹²⁰ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 19. Л.54 об.; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 35. Л. 139.

отступающими немецкими войсками и частями Северной армии белых был взят город Псков.¹²¹

Великолукский окружной губернский народный суд расформировали в начале 1919 г. За время его работы с 1 июля по декабрь 1918 г. в распорядительных заседаниях уголовного отделения было рассмотрено 583 дела. Члены суда проводили заседания с периодичностью в среднем не менее двух раз в неделю. Заседания уголовного отделения суда проводились не только в Великих Луках, но и на выездных сессиях в Торопце, Новоржеве, Порхове, Холме, Опочке. В целом работа судов в 1918 г. оценивалась удовлетворительно, «единый народный суд всё больше завоёвывает симпатию среди народа», - отмечалось в отчёте губернского отдела юстиции. Прежде всего, в Великолукском уезде, что связано, видимо, с непосредственной близостью управляющих органов юстиции.¹²²

С 25 мая 1919 г. вследствие перемещения фронтов Гражданской войны на территорию Псковской губернии, советский административный центр губернии вновь оказался в г. Великие Луки. 26 августа того же года большевики возвратили город.¹²³

Политическая обстановка вносила свои поправки в процессы формирования органов советской власти. Как и весной 1918 г., во время немецкой оккупации, отделам Псковского губернского исполнительного комитета пришлось организовывать деятельность подведомственных учреждений в сложных условиях в отсутствии стабильной связи с административными образованиями в уездах и волостях.

Отдел юстиции губернского исполкома приступил к сворачиванию деятельности в г. Пскове только 24 мая 1919 г., за сутки до взятия города белыми. Отделу и Совету народных судей удалось эвакуироваться практически со всем архивом, финансовой отчётностью и даже канцелярскими принадлежностями. В Пскове осталась только мебель. Срочный характер эвакуации привёл к кадровым

¹²¹ Очерки истории Псковской организации КПСС. С. 98 – 104, 121.

¹²² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 340. Лл. 38 об., 39.

¹²³ Очерки истории Псковской организации КПСС. С. 122 – 133.

потерям: кто-то из сотрудников по неизвестным причинам до Великих Лук не добрался, некоторые отказались от переезда по домашним обстоятельствам. Не обошлось и без финансовых потерь: секретарь Совета, воспользовавшись эвакуационной суматохой, сумел по подложным документам получить 6000 рублей и скрыться в неизвестном направлении.¹²⁴ Один из судей Порховского уезда также бежал, захватив 147 рублей, взысканных им в качестве судебных пошлин. Исчезла и приходно-расходная документация участка. В уездном исполкоме отметили и тот факт, что в помещении суда обнаружены только нерешённые дела – 145 уголовных и 88 гражданских.¹²⁵

Псковским народным судам пришлось осуществлять деятельность в тяжёлых условиях. Как отмечалось в отчёте отдела юстиции, «политическая борьба трудящихся, стальная напряжённость красной битвы рабочих и крестьян с врагами советской власти особенно усилилась в Пскове и Псковской губернии». «Там, где усиливается звук орудийной канонады, слабеет голос судьи», - оценивали своё положение народные судьи.¹²⁶ Политическая нестабильность привела к дезорганизации, оказалась нарушена последовательная и систематическая работа, особенно важная в начальный период государственного строительства. Большевики, осознавая идеологическое и стабилизирующее значение судебных органов, неоднократно заявляли, даже в самые непростые для них периоды, о невозможности прекращения «ни на один момент» их работы. Тяжёлые последствия, которые могут быть вызваны «хотя бы кратким замиранием судебной работы», не являлись желаемым результатом государственного строительства в условиях Гражданской войны. Одновременно деятельность суда приобрела не только значение сугубо практическое, правоохранительное, но и воспитательное. Отдел юстиции признал за народными судами функцию формирования нового, «народного права», внедрявшего в общественное сознание новые «социальные начала» и «высокое представление о гражданине советской республики». В условиях борьбы с белыми, эвакуации

¹²⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 340. Лл. 149, 149 об., 150.

¹²⁵ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 232. Л. 136 об.

¹²⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 340. Л. 87.

советского губернского центра в г. Великие Луки в народных судах за период с 1 февраля по 1 июня 1919 г. в производстве было 11532 дела, 852 из которых губернский Совет народных судей рассмотрел в качестве кассационной инстанции.¹²⁷

Советы народных судей, выполняющие административные и кассационные функции в губерниях, начали действовать с 1 января 1919 г. на территории РСФСР. Их организация началась на основании решения коллегии НКЮ от 4 сентября 1918 г.¹²⁸ В Пскове кассационную инстанцию сформировали лишь к маю 1919 г. В уездах по решению прошедшего в том же месяце губернского съезда народных судей были образованы бюро народных судей для координации деятельности местных подразделений ведомства юстиции, а также для консультационной работы.¹²⁹ Весь февраль 1919 г. губернский Совет народных судей был представлен только его председателем, О.И. Линским, который занимался организационными вопросами, пытаясь в промежутке между реэвакуацией ноября 1918 г. и эвакуацией мая 1919 г. сформировать полноценный кадровый состав учреждения из числа лиц, «опытных по судебным делам». Вновь сформированная канцелярия сразу же приступила к приёму, сортировке и регистрации дел бывшего губернского окружного суда в количестве 1105 единиц. Одновременно проводилась активная переписка с губернскими учреждениями (438 исходящих документов за месяц). В марте начался приём кассационных дел из судов губернии, причём с учётом военной обстановке план работы был распределён следующим образом: в апреле кассационные заседания Совета предполагалось провести в г. Пскове, а в мае уже в г. Великие Луки. Налаживались административные связи с судами губернии, велась переписка с губернскими учреждениями – исполнено 578 исходящих бумаг.¹³⁰

К апрелю 1919 г. наладилась и работа судов в уездах, несмотря на начавшиеся боевые действия с белыми: были созваны совещания народных судей,

¹²⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 340. Л. 87.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 4. Л. 109.

¹²⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 340. Лл. 87 об., 88.

¹³⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 334. Л. 247.

которые разрешали возникающие практические вопросы, касающиеся главным образом порядка и условий работы. Предприняли и попытку создания бюро совещаний, действующих на постоянной основе как координирующие органы. Начала формироваться система параллельных административных вертикалей по управлению судами губернии. Как представляется, эти действия оказались своевременными, хотя и увеличивали номенклатурную нагрузку на суды. Главным юридическим органом губернии являлся отдел юстиции при губернском исполкоме, который осуществлял свою деятельность через сеть уездных бюро юстиции, созданных при местных исполкомах. Отдел и бюро координировали работу практически всех организаций, связанных с правоохранительной деятельностью (суды, следственные комиссии, пенитенциарные учреждения, нотариат, правозаступники (адвокатура), судебные исполнители).¹³¹ Народные суды, имеющие, наверное, наибольшее политическое и идеологическое значение и влияние на массы, требовали особого внимания со стороны государственной системы. На губернском уровне существовал уже координирующий орган – Совет народных судей, который, являясь кассационной инстанцией, а по ряду дел и судом первой инстанции, в результате начал заниматься и административной деятельностью, непосредственно управляя судами. На местном уровне зачастую в структуре уездного исполкома существовал специализированный судебный отдел, создание которого признавалось «полезным и вполне продуктивным».¹³² Для решения частных и узкоспециализированных вопросов начали организовывать в качестве постоянно действующих уездные совещания народных судей. До этого момента роль судебного координирующего органа в уездах играл президиум съезда народных судей в составе трёх членов. В частности, в Острове президиум, образованный 21 февраля, с 7 марта приступил к работе, наладив контакты и с уездными, и губернскими учреждениями. Именно на его счёт начали поступать финансовые средства для хозяйственного обеспечения деятельности народных судов. Впрочем, в Новоржевском исполкоме приоритет административных

¹³¹ СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 29.

¹³² ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 93. л. 77.

полномочий в отношении народных судов ещё в январе 1919 г. отдавали именно судебному отделу, а не президиуму народных судей.¹³³ Уездные совещания занимались распределением уездов на судебные участки и назначением народных судей; передачей дел для разбора в другие суды из судов, в пределах которых они возникли; установление сроков и мест выездных сессий; установление очерёдности участия судей в заседаниях губернского совета народных судей и порядка замещения их; организация защиты, обвинения и представительства сторон в гражданском процессе в связи с местными условиями. В совещаниях принимали участие судьи, члены следственных комиссий и коллегий обвинителей и защитников.¹³⁴

14 – 15 мая 1919 г. в Пскове прошёл губернский съезд народных судей, целью которого было избрание состава Совета народных судей и разрешение ряда вопросов «по определению порядка и условий работы судебных органов». Предварительно в уезды и партийные органы были разосланы телеграммы с предложением о предварительной выработке предложений по разработке программы съезда.¹³⁵

Съезд принял решение об организации в качестве основного административного учреждения юстиции в уездах бюро юстиции вместо бюро совещаний народных судей и судебных отделов. На собраниях уездных судей в мае 1919 г. были выработаны полномочия бюро юстиции: осуществление прямой связи с Советом народных судей и губернским отделом юстиции; рассылка народным судьям циркуляров, инструкций, указаний, получаемых от Совета и отдела юстиции; снабжение судов печатными материалами, канцелярскими принадлежностями; организация и проведение выборов народных заседателей.¹³⁶

Одновременно губернский отдел юстиции обозначил проблему, заявив о том, что народные судьи «не вполне отдают себе ясный отчёт в важности статистики в деле отправления народного правосудия, в деле организации такого

¹³³ ГАПО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 51. Л. 125; Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 22. Л. 140; Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 7. Л. 50.

¹³⁴ ГАПО. Ф. Р-621. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.

¹³⁵ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 41; ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 87. Л. 368.

¹³⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 334. Л. 272 об.; Ф. Р-621. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.

важного аппарата, каким является народный суд советской России».¹³⁷ В непростых условиях военного положения, когда возникали сложности с регулярной связью местных судов с уездным и губернским руководством, а личный состав имел недостаточную квалификацию, было объявлено о необходимости сосредоточения внимания на развитии делопроизводственных навыков у судей. Они, пользуясь ситуацией, систематически не выполняли циркуляров и инструкций по организации правильного ведения делопроизводства, не отправляли требуемой от них отчетности. На рассмотрение съезду был даже предложен вопрос о применении «каких-либо репрессивных побудительных мер, принимая во внимание халатность судей», или о прикомандировании консультантов губернского отдела юстиции. В результате было принято решение об организации в губернии инспекторских поездок народных судей одного уезда по судам другого. Это мероприятие имело, по-видимому, несколько целей. Во-первых, происходила масштабная и сплошная проверка деятельности народных судов на всей территории губернии, во-вторых, судьи, проверяя работу своих коллег из других уездов, обменивались и делились опытом. Ревизии должны были пройти до 1 сентября 1919 г. по разработанному алгоритму: народные судьи Псковского уезда проводили ревизии в Островском, Островского – в Опочецком, Опочецкого – в Новоржевском, Холмского – в Торопецком, Торопецкого – в Великолукском, Порховского – в Псковском. Члены губернского Совета народных судей проверяли Порховский уезд.¹³⁸

В целом, руководство губернии, придавая работе народных судей в этот период особое значение, потребовало от них активизации работы «по отправлению народного правосудия в духе переживаемого политического момента».¹³⁹

Новоржевский исполком на основании решения губернского съезда народных судей немедленно приступил к созданию бюро юстиции вместо судебного отдела и вынес решение о ежемесячном созыве совещаний народных

¹³⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 334. Л. 319.

¹³⁸ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 7. Л. 117 об.

¹³⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 334. Л. 319.

судей уезда «каждого 3-го числа» либо «экстренно по заявлению судей» для обсуждения актуальных вопросов устройства и практики судов. Были определены полномочия судей в установлении места, времени и очередности проведения выездных сессий суда. Полностью организация бюро юстиции в уезде завершилась 3 июня 1919 г. В мае 1919 г. были утверждены составы бюро юстиции в Великолукском и Холмском уездах.¹⁴⁰

На 1 мая 1919 г. количество судебных камер в Псковской губернии несколько изменилось по сравнению с приведёнными выше (по отдельным уездам) данными (см. Приложение 5). Отдельные участки не функционировали «за неимением лиц, способных занять должности народных судей».¹⁴¹ В целом весной 1919 г. работа народных судов, организованных во всех уездах, «протекала нормально».¹⁴² В производстве судей Великолукского уезда с 1 января по 1 марта 1919 г. было 3593 дела, из которых 2512 удалось разобрать.¹⁴³ За март 1919 г. судами губернии было рассмотрено 2450 уголовных и 1799 гражданских дел. По результатам проведённых специалистами отдела юстиции ревизий, работа судов оценивалась как удовлетворительная, проникнутая «духом социалистического правосознания».¹⁴⁴ Руководство губернии в это время отметило, что «народный суд всё более вызывает симпатии со стороны трудового народа».¹⁴⁵ На проведённых весной 1919 г. уездных съездах деятелей юстиции, отмечая вклад народных судов в распространение законности в военное время, руководство местных исполкомов благодарило их работников «за энергичную, открытую и беспощадную борьбу против контрреволюционеров, спекулянтов, грабителей и прочих преступников, которые своими аппетитами готовы устроить беспорядочную анархию».¹⁴⁶ Учитывая то обстоятельство, что советская республика только находилась на пути формирования основных институтов

¹⁴⁰ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 5. Л. 314 об.; Д. 87. Л. 368; Д. 88. Лл. 1, 53; Д. 93. Лл. 136, 246, 247; Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 7. Л. 72.

¹⁴¹ ГАПО, Ф. Р-621. Оп. 1. Д. 5. Лл. 49, 49 об., 50, 50 об., 51, 51 об., 52, 52 об.

¹⁴² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 334. Л. 273.

¹⁴³ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 88. Л. 53; Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 22. Л. 289.

¹⁴⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 334. Л. 273.

¹⁴⁵ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 93. Л. 76; Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 7. Л. 44.

¹⁴⁶ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 35. Л. 92.

государственности, роль судов нельзя преувеличить. Народные судьи, согласно протоколам уездных съездов советов, в будущее смотрели уверенно, утверждая, что несмотря на сложную политическую и военную обстановку в Псковской губернии, они «руководствуясь революционным законом, найдут силы и средства для водворения справедливости».¹⁴⁷

Июнь 1919 г. оказался сложным для губернского отдела юстиции, который после эвакуации в Великие Луки испытывал острый недостаток кадров. На 18 июля 1919 г. на территории губернии насчитывалось уже 87 народных судов, при этом в штате совета губернских судей одновременно числилось ещё 8 добавочных судей. С рядом судебных участков в Псковском, Островском и Порховском уездах летом 1919 г. была прервана постоянная связь. В освобождённых от белых местностях приходилось заниматься организацией судов заново.¹⁴⁸ Успешно функционировали и повторно организованные, уже в соответствии с требованиями советского законодательства, 7 участков Порховского уезда, которыми за вторую половину 1919 г. было разобрано 4140 уголовных и 1251 гражданских дела. 10 судебных участках Опочецкого уезда в июне 1919 г. приняли в производство 461 уголовное и 290 гражданских дел. За июль 1919 г. в 10 участков Торопецкого уезда поступило 1326 уголовных и 507 гражданских, а также 36 бракоразводных дел. Успешно работали и 9 народных судов Новоржевского уезда.¹⁴⁹ В течение второй половины 1919 г. выявилась неполная укомплектованность личного состава судов. Осенью во время реэвакуации выяснилось, что ряд народных судей пожелал остаться на постоянное место жительства в Великих Луках, «часть удрала с белыми бандами».¹⁵⁰ В Городовищенской волости Порховского уезда в начале сентября 1919 г. были «зверски убиты» все члены местной судебно-следственной комиссии. К декабрю даже в Псковском уезде и городе не во всех 13 участках имелись народные судьи, что «страшно тормозило работу». Недостаток кадров приходилось

¹⁴⁷ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 35. Л. 92 об.

¹⁴⁸ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 334. Л. 347; Д. 342. Оп. 1. Лл. 39, 80 об., 109.

¹⁴⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 334. Л. 374; Д. 337. Лл. 87, 114, 114 об.; Д. 338. Л. 108; Д. 349. Л. 40; Д. 514. Л. 14; Д. 349. Л. 40.

¹⁵⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 342. Лл. 163, 252.

компенсировать работой судей на нескольких участках одновременно, что оказывало негативное влияние на качество судопроизводства.¹⁵¹

Осенью 1919 г. на народных судей были возложены дополнительные полномочия, как отвечающие общему направлению их деятельности (информирование и консультирование волостных и уездных исполкомов по правовым вопросам), так и несколько парадоксальные, особенно в свете выше обозначенных технических проблем, – помощь в «правильной постановке отчётности и делопроизводства исполкомов».¹⁵² Например, по данным ревизии, произведённой в Холмском уезде в сентябре 1919 г., выявлено, что «из-за малой осведомлённости судей» имеется ряд нарушений в организации делопроизводства и даже оформления приговоров и решений судебных заседаний. Народным судьям губернии было предложено чаще обращаться за консультациями в уездные бюро юстиции, чтобы по возможности избегать возникающих ошибок и научиться их своевременно исправлять. К середине октября 1919 г. началась разработка инструкции о «равномерном, одинаковом информировании исполкомов о сущности изданных и издаваемых СНК декретов, а также о делопроизводстве и отчётности».¹⁵³ Предполагалось, что кроме разъяснения положений законодательства, выпускаемого СНК, «в понятии, присущем истинному пролетарию, осознавшему и освоившему идею, проводимую в жизнь центром», народные судьи будут выполнять и функции ревизоров волостных исполнительных комитетов. Достаточно низкий профессиональный уровень работников исполнительных комитетов, которые были не в состоянии правильно реализовывать проводимую большевиками политику, было решено поднимать силами народных судей, не имеющих также достаточной подготовки. Но их принадлежность к ведомству юстиции должна была стимулировать и их самоподготовку, и развитие профессиональных навыков, т.е. способствовать «правильной постановке нормальной жизни».¹⁵⁴ Причём народные судьи,

¹⁵¹ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 175. Л. 20; Д. 189. Л. 166; Д. 302. Л. 8; Ф. Р-960. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

¹⁵² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 334. Л. 374 об.

¹⁵³ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 342. Л. 115.

¹⁵⁴ Там же. Л. 125.

несмотря на очевидные проблемы в своей профессиональной области, априори рассматривались при проведении ревизий исполкомов как «специалисты по делопроизводству и по знаниям декретов СНК». Одновременно исполкомы получили возможность напрямую консультироваться с уездными бюро юстиции.¹⁵⁵

А ещё летом 1919 г. в условиях недостатка сотрудников в отделах юстиции на народных судей была возложена обязанность проверки находящихся на территории их судебных районов тюрем.¹⁵⁶ Одновременно было выявлено неисполнение назначаемых судьями в приговорах и решениях такого наказания как «общественные принудительные работы без содержания под стражей». В обстановке боевых действий местные советские власти не всегда имели возможности для создания условий исполнения приговоров. Как результат – неисполнение решений народного суда, влекущее осознание со стороны подсудимых безнаказанности, что, безусловно, не способствовало укреплению законности в губернии. Губернский отдел юстиции вынес постановление о переводе таких подсудимых в места лишения свободы. Расчёт срока заключения был следующим: день пребывания в тюрьме за три дня общественных работ. В целом же, по мнению губернского отдела юстиции, борьба с преступностью как с социальным явлением только в том случае действительна, когда «будет поставлена на должную высоту организация трудовых лагерей на основе массового организованного принудительного труда».¹⁵⁷ Подобная проблема уже вставала перед судами в 1918 г., когда имела место практика назначения обвиняемым кратковременных сроков лишения свободы (до трёх месяцев). Зачастую срок заключения граждан заканчивался по пути в пенитенциарное учреждение, что приводило к значительным финансовым затратам и нарушениям воспитательного и исправительного смысла наказания. Именно поэтому в 1919 г. и началась замена наказания в виде лишения свободы на общественные работы.¹⁵⁸

¹⁵⁵ Там же. Лл. 125 об., 126.

¹⁵⁶ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 181. Л. 264.

¹⁵⁷ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 7. Лл. 17, 101 об.

¹⁵⁸ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 18. Л. 20.

Их назначение в течение 1919 – 1920 гг. всё больше приобретало классовое значение. Исходя из концептуального подхода новой политической системы – диктатура пролетариата, органы новой власти стремились в целях распространения революционной законности и поднятия авторитета народных судов реализовывать принцип неотвратимости наказания в любой обстановке. Поэтому неоднократно издавались распоряжения о замене наказаний экономического характера на общественные работы: назначаемые штрафы оплачивались «керенками», в которых нужды «республика не имеет», а «труд всех на пользу всем» оказался более предпочтительным и целесообразным.¹⁵⁹

На съездах народных судей неоднократно поднимались вопросы по реализации новой законности и необходимости именно трудового перевоспитания заключённых. Новый советский суд, в отличие от прежнего, дореволюционного, должен был защищать человека, «впавшего в преступление». Способ исправления казался простым – «приучение к труду осмысленному и производительному», в том числе путём привлечения к общественным работам. Тюремное же заключение осталось прерогативой рецидивистов. Руководство губернии надеялись, что нормально налаженная и конструктивно проводимая карательная политика будет способствовать тому, что суды станут «мощным органом революционно-пролетарского правительства республики».¹⁶⁰ Непонимание со стороны граждан, и не только обвиняемых и пострадавших, вызывало назначение так называемого «условного осуждения, наказания без наказания, которое имеет главной задачей предупредить повторение преступления».¹⁶¹ Формальный выход осуждённых на свободу вызывал сомнение населения в целесообразности функционирования народных судов. Отсюда заявления из уст уездных ответственных работников о том, что «суды работают худо», а «условное осуждение» означает на практике – «кради, да не показывайся». Губернское и уездное руководство органов юстиции, народные судьи на различных съездах и

¹⁵⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 342. Л. 25.

¹⁶⁰ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 88. Л. 53.

¹⁶¹ Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы российской коммунистической партии // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX-XX вв. / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. С. 550.

совещаниях были вынуждены разъяснять сущность института условного осуждения, указывая, что он является «одним из важнейших завоеваний рабочей революции», придавая тем самым политическое и идеологическое значение деятельности народного суда.¹⁶² Тем более, что порядок предоставления права на условно-досрочное освобождение раскрывался в соответствующем постановлении НКЮ.¹⁶³

Для повышения авторитета судебной системы, а также народных судей как государственных служащих, представителей народа, Псковским губернским исполкомом были предприняты некоторые усилия по определению их особого статуса. В частности, народные судьи, вынужденные в силу служебных обязанностей привлекать к ответственности граждан, обвиняемых в продаже и покупке распространяемых по нормам продуктов по спекулятивным ценам, сами приобретали эти же продукты на незаконных основаниях наравне с обычными гражданами, «чтобы не голодать». Это обстоятельство, абсолютно не допустимое с точки зрения законности, тем более революционной, ставило их «в ужасное положение, совершенно лишаящее возможности судить со спокойной совестью», «унижало уважение к суду». Столь двусмысленное положение, по мнению работников юстиции, можно было исправить только назначением народным судьям дополнительного продовольственного пайка, что позволило бы «творить дело правосудия без мучительного состояния совести, поставить суд на должную высоту».¹⁶⁴

В сентябре 1919 г., сразу после реэвакуации, возникли проблемы в работе губернского Совета народных судей. На 27 сентября 1919 г. в производстве совета находилось 533 уголовных и 256 гражданских дел (всего с начала года поступило 907 и 600 соответственно). «Залежи дел» объяснялись неполным составом членов Совета, находившихся либо в командировках с целью усиления личного состава народных судов на местах, либо после реэвакуации вернувшихся к месту прежней службы. Это привело к «полной дезорганизации кассационной инстанции».

¹⁶² ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 88. Л. 53.

¹⁶³ СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 890.

¹⁶⁴ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 7. Лл. 119, 119 об.

Впрочем, по замечанию председателя Совета, из-за недостаточной подготовки судей во вторую инстанцию поступал «невозможно громадный процент кассируемых дел». Отсюда появление требования к судьям, обращать больше внимания на «сущность и смысл выносимых приговоров», а не на «формальности». Для решения кадрового вопроса в губернском Совете 13 ноября 1919 г. был собран съезд народных судей.¹⁶⁵

К 1920 г. работа судебных учреждений Псковской губернии постепенно налаживалась, на 13 августа 1920 г. насчитывалось уже 79 «районов народных судов».¹⁶⁶ Судьи вновь получили циркулярное распоряжение об обязательном информировании «всех волостных исполкомов о сущности выходящих декретов СНК». Особо оговаривалась необходимость разъяснения Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.¹⁶⁷

В том же году в некоторых уездах для укрепления непосредственной связи административно-судебных органов с руководством исполкомов принимались решения о совмещении главами бюро юстиции должностей народных судей. В Новоржевском уезде начальник бюро юстиции одновременно занимал должность председателя уездного народного суда по особо сложным уголовным делам, который был упразднён в конце 1920 г., когда его существование было признано «излишним».¹⁶⁸

Деятельность народных судов Псковской губернии в первой половине 1920 г. «оценивалась удовлетворительно». Однако она во многом ограничивалась недостатком финансирования; несвоевременным поступлением на места нормативной документации, выпускаемой советским правительством и необходимой народным судьям не только непосредственно для своей прямой работы, но и для оказания консультативной помощи исполкомам и населению. На суды в обязательном порядке накладывалась дополнительная нагрузка – оказание юридической помощи населению, поскольку на волостном уровне именно они

¹⁶⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 342. Л. 126.

¹⁶⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 569. Л. 3 об.

¹⁶⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 514. Л. 14.

¹⁶⁸ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 5, 9.

оказывались единственным учреждением государственной власти, способным проконсультировать граждан по правовым вопросам.¹⁶⁹ Новым направлением борьбы за распространение законности на территории Псковской губернии стало судебное преследование граждан за самогонование, хулиганство и контрабанду. В течение года со стороны местного советского и партийного руководства звучали требования в адрес народных судей о применении «суровых репрессий к выгонщикам самогонки, применяя меры вплоть до конфискации части хлеба, скота и прочего». В ряде уездов издавались обязательные постановления о сохранении «революционного порядка», нарушаемого «путём разгула и пьянства, выделки спиртных напитков, спекуляции, карточной игры, хулиганства, краж, порчи государственного имущества, неисполнения распоряжений советской власти». Народным судам Порховского уезда было рекомендовано за совершение перечисленных правонарушений назначать наказания в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев и принудительных работ.¹⁷⁰ Совет народных судей губернии также, отмечая «весьма мягкое» отношение судов к лицам, занимающимся тайным винокурением, - обвиняемым выносили оправдательные приговоры, выпустил специальный циркуляр. В нем судьи обвинялись в способствовании мягкими приговорами распространению не только самогонования, но и преступности, вызываемой «пьяными разгулами». Появление циркуляра было вызвано обращением губернского комитета РКП(б) в отдел юстиции.¹⁷¹ По мнению руководства губернии, проведение кампаний по разбору дел о неплательщиках налогов, дезертирах, должностных преступлениях, о нарушении трудового законодательства, «и вообще борьба с преступностью», «есть ударная работа для народных судов».¹⁷²

Количество судебных участков продолжало оставаться нестабильным. На 19 апреля 1921 г. в Псковской губернии функционировало 66 судебных участков, в полном составе был и сформирован Совет народных судей (см. Приложение

¹⁶⁹ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.; Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 189. Л. 1; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 447. Л. 64 об.; Д. 512. Л. 133 об.

¹⁷⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 512. Л. 133 об.; Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 314. Л. 151.

¹⁷¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Лл. 87, 88.

¹⁷² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 309.

б).¹⁷³ В Псковском уезде по представлению губернского отдела юстиции в ноябре 1920 г. рассматривался вопрос о сокращении количества судебных районов до 9 из 13, имевшихся на тот момент. В качестве компромиссного варианта бюро юстиции предложило оставить формально 10 народных судей при условии, что один из них будет замещать должность его председателя. В результате оставили 10 полноценных судебных участков и один при губернской ЧК. В Опочечком уезде в августе 1921 г. было также 10 судебных участков. На 29 сентября 1921 г. в губернии насчитывалось уже 65 судов.¹⁷⁴ Их работа протекала успешно и напряжённо. Имеющиеся данные позволяют оценить уровень загруженности судебных участков в первое полугодие 1921 г. (см. Приложение 7).

На проведённом в Пскове в марте 1921 г. губернском съезде народных судей была выражена уверенность в успешном внедрении «новых правовых и нравственных начал, проводимых в работе народных судов». При этом народные суды губернии «не стояли на высоте в смысле авторитетности и работоспособности».¹⁷⁵ Они начинали действовать в сложное время, когда во главе органов государственной власти оказывались люди, полные революционного энтузиазма. Эти граждане, попадая во власть по воле случая и под влиянием революционных событий, переносили штурмовые методы и в деятельность государственного аппарата.

Псковский губернский отдел юстиции отмечал неоднократно, что «между некоторыми исполкомами и народными судами установились ненормальные отношения». На губернском съезде народных судей, состоявшемся в Пскове 20 – 21 мая 1920 г., назывались факты вопиющего нарушения принципа независимости судебной системы: вмешательство в работу судей, незаконные смещения с должностей, привлечение к административной ответственности, аресты. «Излишнюю канцелярскую волокиту» влекло и требование волостных и уездных исполкомов о предоставлении отчётов и докладов от народных судей. Причём перед исполкомами и так регулярно отчитывались бюро юстиции и Совет

¹⁷³ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 366, 369, 370, 371 об., 395, 399, 410, 410 об., 412, 412 об.

¹⁷⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 119. Л. 136; ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 189. Лл. 29, 31.

¹⁷⁵ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 3. Лл. 6, 28.

народных судей. Таким образом, это не могло не влиять на авторитет суда.¹⁷⁶ Причиной сложных взаимоотношений с органами власти могло служить ещё и то обстоятельство, что к маю в составе губернского Совета народных судей «на лицо был только один член президиума», который фактически в одиночку пытался координировать работу народных судов, в уездах их интересы защищать было некому.¹⁷⁷

9 июня 1920 г. президиум губернского исполнительного комитета приступил к разработке специального постановления, защищавшего народные суды от произвола местных органов власти.¹⁷⁸ Циркуляр был издан уже 21 июня 1920 г. Он в категоричной форме запрещал «уездным исполкомам вмешиваться в работу народных судей и оказывать на них то или иное давление в судебных делах». В частности, привлекать их за выносимые решения к административной ответственности или отстранять от работы. Тем не менее, документ содержал и ограничение для самих работников юстиции: они были обязаны, в случае необходимости, выступать на заседаниях исполнительных и партийных комитетов с информационными докладами о деятельности своих участков, а также о ходе ведения наиболее резонансных уголовных и гражданских дел. Также исполкомам разрешалось «в случаях, не терпящих отлагательств», увольнять народных судей. Правда, только при условии предоставления в губернский исполком компрометирующих данных – «на предмет привлечения к ответственности (судей – авт.), если этого требует ход дела». Авторы документа надеялись, теперь «уисполкомы станут на правильный путь во взаимоотношениях с органами народного суда и впредь все недоразумения прекратятся».¹⁷⁹

Действительность показала сдержанное отношение местных советских органов к решениям губернского центра. Для придания дополнительного политического веса своим действиям, исполкомы пытались, и небезуспешно,

¹⁷⁶ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 135. Л. 278; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 443. Л. 27; Д. 447. Л. 65.

¹⁷⁷ ГАПО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 130. Л. 57а.

¹⁷⁸ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 6. Л. 75.

¹⁷⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 443. Л. 27.

заручиться поддержкой партийных структур.¹⁸⁰ На участники партийных уездных конференций регулярно заявляли о необходимости контроля за народными судами, чтобы они «не отрывались от комитетов РКП(б) как организующих центров всей советской работы».¹⁸¹

Делегаты III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, в работе которого приняли участие и псковские юристы, в конце июня 1920 г. отметили многочисленные случаи незаконных увольнений народных судей практически по всей стране.¹⁸² На основе его резолюции в Псковской губернии выработали Положение, дополняющее циркуляр от 21 июня 1920 г. Оно содержало описание возможной процедуры отзыва судей местными исполкомами. Увольнение каждого народного судьи теперь должно было быть «подробно мотивировано», дискредитирующая информация подлежала проверке, а определяющее значение имело финальное решение губернского исполнительного комитета.¹⁸³ До момента разрешения вопроса об увольнении, судью можно было временно отстранить от должности.¹⁸⁴ Положение о народном суде от 21 октября 1920 г. это требование ввело на всей территории РСФСР.¹⁸⁵

В целом, за местными советскими органами оставили лишь функцию «политического контроля».¹⁸⁶ Решение спорных вопросов переходило на губернский уровень, уездные чиновники формально потеряли неограниченное влияние на работников судов. Впрочем, как показывают факты, они мириться с этим не собирались и продолжали достаточно активно оказывать давление на местный судебный аппарат. Начало 1921 г. принесло новые конфликты. Так, пленум Опочецкого уездного исполкома ещё в ноябре 1920 г. принял решение о смещении двух народных судей: одного как «не соответствующего назначению», другого как «не придерживающегося политики советской власти и за отсутствием

¹⁸⁰ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 37. Л. 128.

¹⁸¹ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 36. Л. 3 об.

¹⁸² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 443. Л. 43.

¹⁸³ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 98. Л. 200.

¹⁸⁴ Резолюции III-го Всероссийского съезда деятелей советской юстиции. М.: Московское отделение Военной типографии Всероссийского Главного штаба, 1920. С. 3.

¹⁸⁵ СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

¹⁸⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 569. Л. 3 об.

в нём революционного правосознания». Одновременно двух других просто перевели на судебные участки друг друга, «для пользы службы». Губернский отдел юстиции немедленно выслал запрос о конкретных основаниях этих действий, потребовав объяснения, в чём конкретно заключается отсутствие «революционного правосознания и отступление от политики советской власти». Исполком заявил, что руководствовался при вынесении постановления не только «правосознанием революционного долга», но и тем обстоятельством, что смещаемые судьи беспартийные. Отдельно было отмечено, что пленум исполкома состоит «из ответственных партийных товарищей», а потому запрос из Пскова «крайне удивителен и ясно говорит о недоверии».¹⁸⁷ Уездные ответственные работники стремились оправдывать незаконные действия партийной принадлежностью, искренне не понимали необходимости вмешательства центральной власти в местные дела. Возможно, в уезде пытались разрешить какие-то свои проблемы, связанные, например, со стремлением убрать с ответственных мест неугодных лиц. Можно предположить, что имело место проведение очередной чистки советского аппарата от неблагонадёжных лиц по инициативе «ответственных партийных товарищей». Однако подобные акции всегда санкционировались на губернском уровне и никаких возражений в таком случае не вызывали.¹⁸⁸

Опочецкий уездный исполком всё-таки попытался, «руководствуясь не только революционным отстаиванием интересов коммунистических идей советского строительства, для успокоения совести отдела юстиции», разъяснить одно из увольнений. Так, один из судей, проживая «в 1, 5 версты от камеры суда (судебного участка – авт.)», одновременно занимался крестьянским трудом, «хлебопашеством», из-за чего на работе появлялся лишь в дни разбора дел. Граждане, обращавшиеся в суд, были вынуждены «искать судью в поле». Должность секретаря при судебном участке занимал шурин судьи, также появлявшийся на рабочем месте лишь в случае крайней необходимости.

¹⁸⁷ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 8. Лл. 20, 22, 23.

¹⁸⁸ ГАНИПО. Ф.1. Оп. 3. Д. 303. Лл. 6 об., 74 об., 85 об.; Д. 305. Лл. 2 об., 3 об.

Постоянно был на работе только «неответственный корреспондент» (канцелярская должность – авт.). По другим случаям вообще никакого объяснения не последовало. Уверенная позиция исполкома вызывает некоторое понимание самого факта нарушения законодательства. Создаётся впечатление, что губернские власти, оговаривая с одной стороны процесс взаимодействия судов и исполкомов, закрепляя это в циркулярах, оставляли для себя отходные пути, а с другой, способствовали произволу, держа суды под контролем. Порой они просто не контролировали ситуацию, что в условиях партийно-административной системы было возможно из-за параллельного существования и влияния на политические процессы партийных и государственных органов в условиях зависимости последних от первых.¹⁸⁹

В Порховском уезде народного судью отозвали «в связи с тем, что на его участке развивается выгонка самогонки благодаря бездействию, а может быть и при его содействии». Решение было принято на партийном уровне – местным комитетом РКП(б), исполком его лишь поддержал, согласившись что судья допустил «выгонку в широких размерах самогонки». Проверка, проведённая совместно губернскими отделом юстиции и Советом народных судей, выявила следующие факты: на участке было разобрано всего два «самогонных» дела (в конце 1919 г. и в начале 1920 г.), приговоры вынесены обвинительные, возражений у проверяющих не вызвали. Более того, обнаружено два распоряжения судьи в адрес начальника милиции и одно порховского уголовного розыска о принятии соответствующих мер, датированные 20 сентября, 20 и 24 декабря 1920 г. соответственно. Характеризовался судья положительно, поэтому «за недостаточностью конкретного материала, характеризующего деятельность», отзыв губернским исполкомом был отклонён.¹⁹⁰ Максимовский волостной исполком Великолукского уезда вообще принял решение об аресте всего состава

¹⁸⁹ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 8. Лл. 15, 20.

¹⁹⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 515. Л. 3; Ф. Р-608. Оп.1. Д. 415. Л. 3.

народного суда, по приговору которого обвиняемый по делу был оправдан. Приговор волисполком также отменил.¹⁹¹

В марте 1921 г. в резолюции губернского съезда деятелей юстиции вновь прозвучали требования об «ограждении» народных судей «от чисто личных влияний» местной власти, «колеблющих их достоинство», о принятии мер о «неуклонном исполнении» административными учреждениями законных требований судов. Имели место случаи увода из-под судебной ответственности путём давления на работников юстиции родственников и знакомых местных чиновников.¹⁹²

Значительно обостряло ситуацию то обстоятельство, что в хозяйственном отношении народные суды также зависели от уездных и волостных исполкомов. Работники судов в обращениях в губернский исполком, губернский комитет РКП(б), в Совет народных судей неоднократно сообщали об острой необходимости в помещениях, пригодных для их деятельности. В частности, в Великолукском уезде некоторые судебные участки имели в распоряжении всего одну комнату, в которой производился разбор дел. Одновременно здесь же присутствовали служащие, участники процесса, подсудимые, ожидающие в очереди разбора своих дел, заходили посторонние лица.¹⁹³ В самих Великих Луках двухэтажное здание суда находилось в непригодном для эксплуатации состоянии. Второй этаж был «разрушен и необитаем», первый не имел «печей и вторых рам». С наступлением зимы судьи на свои средства вставили стёкла, «установили пару небольших чугунок». При этом в городе находилось в хорошем состоянии здание дореволюционного суда, занятое местными исполнительным комитетом и комитетом РКП(б). Выездные сессии губернского суда в этом уезде также не получали «мало-мальски приличного помещения и ютились в малых, тёмных и сырых, случайно отведённых помещениях».¹⁹⁴ Народный судья седьмого района Островского уезда за три года службы шесть раз «переезжал» в

¹⁹¹ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

¹⁹² ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

¹⁹³ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 414. Л. 47; ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 4. Лл. 54, 68, 69, 76 об.

¹⁹⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 448. Л. 5.

неприспособленные здания. Даже в Псковском уезде суды нуждались в подходящих помещениях.¹⁹⁵ Аналогичные трудности преодолевали и судьи Порховского уезда.¹⁹⁶ В связи с такой сложной ситуацией губернский комитет РКП(б) принял решение об издании циркуляра «по советской и партийной линии об оборудовании камер народных судей». Появление этого распоряжения связано с тем, что самостоятельные просьбы судей о помощи не получали положительного ответа.¹⁹⁷

Неоднократные протесты вызывали случаи привлечения работников судов на различные мероприятия, не имеющие отношения к их профессиональной деятельности. Например, в результате проведённой мобилизации сотрудников уездных учреждений на продовольственный фронт в 1920 г. в ряде судебных районов не было ни одного заседания суда в течение нескольких месяцев. Исполкомы вопрос об освобождении от мобилизации рассматривали персонально, но, как правило, выносили отрицательные решения. В частности, Псковский уездный исполком отказался вернуть из продовольственного комитета работниц канцелярии 2-го судебного района. Это значительно осложняло работу народного судьи, вынужденного исполнять не только свои непосредственные обязанности, но и заниматься технической работой.¹⁹⁸ В Новоржевском уезде народного судью местному бюро юстиции удалось освободить в связи с тем, что его отсутствие «действительно затормозит» судопроизводство.¹⁹⁹ В связи с началом в 1921 г. новой экономической политики, вызвавшей рост в судах количества гражданских дел, Великолукское уездное бюро юстиции с настоятельной просьбой обратилось в исполком об освобождении народного судьи одного из городских участков от совмещаемой им должности руководителя продовольственного комитета. Там же, в Великих Луках, народный судья по распоряжению исполкома был вынужден в рабочее время принимать участие в открытии кирпичного завода. Поступали сообщения, что некоторые народные

¹⁹⁵ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 119. Л. 15.

¹⁹⁶ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 555. Л. 34.

¹⁹⁷ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 360. Л. 155.

¹⁹⁸ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 107, 116, 117.

¹⁹⁹ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 140. Лл. 61, 192.

судьи «выходят из рамок своей деятельности и работают как представители рабоче-крестьянских инспекций».²⁰⁰ Мобилизациям подвергались даже члены губернского Совета народных судей.²⁰¹ Имели место случаи, когда судья в результате ряда перемещений утрачивал профессиональные навыки, и даже забывал, где его основное место работы.²⁰² Руководство отдела юстиции потребовало в таких условиях от губернского исполкома «вообще освободить работников судов от принудительных мобилизаций».²⁰³

В адрес уездных исполкомов поступали также совместные телеграммы от руководства губернского исполкома, отдела юстиции и заинтересованных ведомств (например, от председателя губернской топливной тройки) с требованием организовать выездные сессии народных судов по разбору дел об уклонении от мобилизационных мероприятий. Председателем сессии предлагалось назначать «надёжного судью». В качестве желательного наказания для трудовых дезертиров рекомендовались принудительные работы.²⁰⁴

На 1920 г. пришлось и начало реформирования административной структуры ведомства юстиции в регионе. В январе появилась идея объединения двух дублирующих друг друга губернских учреждений – отдела юстиции и Совета народных судей. Это было связано с тем, что отдел юстиции, не соприкасаясь напрямую с судами, но управляя ими, зачастую не имел точных данных об их действительной работе, ограничиваясь исключительно административной деятельностью, не всегда оперативно реагировал на возникающие у судов проблемы. Совет народных судей, наоборот, чаще взаимодействовал с местными судами, являясь к тому же кассационной инстанцией. Оказывала влияние и текущая ситуация: в условиях продолжающейся Гражданской войны в отделе юстиции ощущалась острая

²⁰⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 447. Л. 64 об.; Д. 783. Л. 51.

²⁰¹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 786. Л. 73.

²⁰² ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 98. Л. 208 об.

²⁰³ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 114, 115

²⁰⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 777. Л. 631; Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 578. Л. 4 об.

нехватка кадров. Совет же в силу кассационной направленности своей деятельности имел полный штат, избираемый раз в год.²⁰⁵

Результатом объединения двух учреждений должны были явиться экономия сил и средств, сокращение расстояния между звеньями административной вертикали. Отдел юстиции, являясь структурным подразделением губернского исполнительного комитета, свой кадровый состав формировал не самостоятельно, а только получив соответствующее решение от НКЮ. Совет народных судей в этом отношении представлял менее номенклатурно-регламентированную организацию. Его члены избирались на съезде народных судей губернии, утверждение проходили на заседании губернского исполкома, которое носило характер формальный, поскольку кандидаты проходили проверку предварительно, перед съездом.²⁰⁶

Проект объединения предполагал создание нового органа на основе Совета, но с функциональной нагрузкой обоих учреждений. Новый Совет народных судей создавался как отдел губернского исполнительного комитета. Во главе его должен был находиться председатель и президиум из пяти членов. Председатель избирался губернским исполнительным комитетом и утверждался НКЮ. Членов президиума предполагалось избирать на губернском съезде народных судей и утверждать на один год. В полномочия президиума должно было входить: затребование отчётов о деятельности местных учреждений юстиции; утверждение личного состава; выработка сметной документации; принятие мер против незаконных действий местных органов власти в отношении народных судей и других учреждений ведомства юстиции. Председатель Совета получил возможность «принимать единоличные решения по всем вопросам». Новое ведомство включало административно-хозяйственный, уголовный и гражданский отделы. Административно-хозяйственный отдел имел следующие полномочия: разрешал юридические вопросы, возникающие в исполнительных комитетах губернии; редактировал проекты наказов и инструкций, издаваемых отделами и

²⁰⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 454. Л. 13.

²⁰⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 449. Л. 29.

учреждениями губернского исполкома; информировал губернский исполком и НКЮ о случаях невыполнения или нарушения местными учреждениями советского законодательства; контролировал исполнение Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви; осуществлял общий надзор за регистрацией актов гражданского состояния; наблюдал за деятельностью судов, трибуналов, следственных комиссий, нотариусов, коллегий защитников; созывал съезды народных судей; составлял списки кандидатов для занятия должностей членов следственных комиссий, народных судей, трибунала; надзирал за производством дознания и деятельностью карательного отдела губисполкома; организовывал правовую помощь населению; собирал статистические сведения о деятельности народных судов и уголовно-следственных комиссий и представлял их в НКЮ; распределял финансовые средства между подведомственными организациями. Уголовный и гражданский отделы являлись кассационными инстанциями по соответствующим делам. Штат новой организации составлял 25 человек и включал также ряд работников канцелярии и бухгалтерии. Очевидность экономии средств на организацию нового органа явственно наблюдается при сравнении штатного расписания действующих отдела юстиции и Совета народных судей – 25 и 18 человек соответственно.²⁰⁷

Эта инициатива была отклонена после попытки по применению на практике. 20 февраля 1920 г. слияние отдела юстиции и Совета народных судей было утверждено. Однако уже 13 августа 1920 г. президиум губернского исполкома отметил, что слияние учреждений – «неудачный выход».²⁰⁸ Новое учреждение сосредоточило свою деятельность главным образом на практической работе народных судов и следственных комиссий, ограничиваясь формальным взаимодействием и с органами власти, и другими юридическими организациями. Вместо планомерного исправления наметившихся управленческих ошибок и просчетов в губернии предпочли вернуться к прежней модели. К тому же в это время выявилась значительная задолженность по заработной плате и «другим

²⁰⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 454. Лл. 13, 14, 15, 17.

²⁰⁸ ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 38. Л. 91; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 569. Л. 2.

статьям расходной сметы». Отсутствие средств на путевые расходы парализовало деятельность выездных сессий народных судов и губернского Совета народных судей, в том числе и его кассационной инстанции.²⁰⁹ Это обусловило «нерадение к делу» народных судей, которые, не получали ни зарплаты, ни средств на текущие расходы.²¹⁰

Советское и партийное руководство губернии рассчитывало на значительное улучшение работы народных судов в связи с началом реализации реформы судебной системы РСФСР в 1922 г. Народные суды губернии в течение «за малым исключением, не оправдывали возложенных на них задач», не следовали указаниям центральных органов власти, «уклонялись от указываемого пути».²¹¹ Тем не менее, на декабрь 1922 г. в Псковской губернии функционировали 58 судебных участков. По данным Совета народных судей в кассационном порядке за год было отменено 28% их решений, постановлений и приговоров по гражданским, 26% по уголовным делам. Всего ими было рассмотрено только за 1922 г. 37063 уголовных и 10044 гражданских дел.²¹²

В 1917 – 1922 гг. народные суды Псковской губернии были вынуждены устанавливать и распространять законность в условиях формирования новой государственности, пройдя путь от принципов «революционной законности» и «революционной совести» в судопроизводстве до постепенно сформированного в начале 1920-х гг. советского законодательства. Став представителями власти, стоящими официально на защите закона, суды в числе прочих факторов положили начало новой политической системе, став её же заложниками. Проводя правовую волю государства, обеспечив переход на мирные, правовые, отношения, через вертикали партийного и советского аппарата они оказались жёстко связаны с властью. Государственно-партийная система, формально защищая их как свой составной элемент, создала ситуацию, в которой судьи были вынуждены поступаться авторитетом и своим, и судебной системы в целом. Возможно, это

²⁰⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 968. Л. 159.

²¹⁰ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 553. Л. 17.

²¹¹ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1010. Л. 104.

²¹² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 972. Лл. 48, 50.

обстоятельство в череде многих и способствовало дальнейшему развитию в России правового нигилизма и формированию т.н. «телефонного права», получившего распространение в дальнейшем. Тем не менее, народные суды не только выполнили свою основную задачу, но и смогли создать разветвлённую правовую сеть, пусть и руководствующуюся зачастую сомнительными принципами «революционной законности» и «революционной совести». В обстановке масштабного государственного строительства учреждения юстиции Псковской губернии в течение 1918 – 1922 гг. не остались в стороне, стремились самостоятельно искать оптимальные и наиболее эффективные формы функционирования народных судов.

1.3 Кадровая политика в народных судах Псковской губернии

Большевики во время создания нового государственного аппарата столкнулись с нехваткой квалифицированных кадров. Вызвана она была особым, классовым, положением судов, которое Псковским губернским комитетом РКП(б) определялось следующим образом: «Народный суд, помимо прямой своей задачи, имеет цель политического воспитания масс и своими приговорами в духе пролетарского правосознания должен являться одним из средств агитации и просвещения».²¹³ Реализация идеологических функций политической системы нового государства оказалась, таким образом, возложена и на народных судей. В связи с отсутствием на местах в должном количестве соратников или сочувствующих с необходимым уровнем образования, большевики были вынуждены набирать на ответственные должности лиц, не соответствующих по своему профессиональному уровню предъявляемым судебной системой требованиям. Рассчитывать же на имеющихся дореволюционных специалистов в условиях разгорающейся Гражданской войны не всегда представлялось возможным: в меняющейся обстановке те не стремились к сотрудничеству с советским правительством, которое также относилось к ним на данном этапе с осторожностью. Вновь создающаяся судебная система с самого начала рассматривалась как государственный механизм по осуществлению задач диктатуры пролетариата. Поэтому приходилось выбирать между возможным и необходимым, результатом чего стал приём на достаточно узкоспециализированные должности граждан, имеющих стаж общественной деятельности. Основанием для утверждения в должности народного судьи являлся не уровень образования, а классовое происхождение, недостающий опыт предполагалось приобрести в ходе практической деятельности. Впрочем, эта модель профессиональной подготовки не всегда успешно работала: в Псковском уезде исполкомом был отстранён от должности судья, который не только «оказался неподготовленным для занятия должности», но и «не проявил желания

²¹³ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1010. Л. 104.

усвоить необходимые знания».²¹⁴ Дилемма между заслугами в революционной деятельности и юридической подготовкой оказалась неоднозначной. Это способствовало формированию политически лояльного судейского корпуса, обеспечивающего «государственный правопорядок и общественную безопасность».²¹⁵ Одновременно подобное «укрепление кадров» вело к снижению и без того невысокого профессионального уровня судейского корпуса.²¹⁶ На заседаниях уездных исполкомов уже в 1918 г. неоднократно звучали претензии в адрес народных судей, вызванные отсутствием должного образования. Выяснилось, что «проводниками новых законов оказались люди, совершенно не подготовленные для этой великой, почётной и вместе с тем невыносимо тяжёлой работы».²¹⁷ Так, в п. Сольцы Порховского уезда первым народным судьёй, избранным в феврале 1918 г., стал кузнец, которого вскоре сменил бывший земский писарь.²¹⁸

В соответствии с Декретом о суде № 1 до появления «прямых демократических выборов» прерогатива назначения народных судей, принадлежала советским исполнительным органам волостного, районного, уездного, городского и губернского уровня в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Декрете о суде от 7 марта 1918 г. о «демократических выборах» народных судей речи уже не шло. Не содержали оба документа и требований к образовательному и профессиональному уровню претендентов на замещение должностей народных судей.²¹⁹

На практике это привело к созданию многоступенчатой системы отбора судейских кадров. Кандидат должен был являться если не партийным, то обязательно лояльно настроенным в отношении новой власти. Это выяснялось уже на этапе анкетирования кандидата в народные судьи, где среди вопросов общего характера имелись и такие: «Социальное положение: до Первой мировой

²¹⁴ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.

²¹⁵ ГАПО. Ф. Р-180 ОАФ. Оп. 1. Д. 7. Л. 32 об.

²¹⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1397. Лл. 23-24 об.; ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 3. Лл. 31-109; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1311. Л. 104.

²¹⁷ ГАПО. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

²¹⁸ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 98. Л. 6.

²¹⁹ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50; 1918. № 26. Ст. 347.

войны, до Октябрьской революции, после 1917 г.»; «Преследовался ли репрессиями: если да, то какими»; «Как смотрите на Гражданскую войну»; «Как смотрели на Брестский мир»; «Какого мнения были о перевороте в октябре 1917 г.», «Уверены ли, что Советская власть устоит: почему уверен или не уверен»... Примечанием к анкете являлось предупреждение: «Лица, не ответившие на поставленные вопросы или давшие ложные сведения, будут преследоваться судом». Лишь в завершение анкеты следовал вопрос о наличии опыта работы в учреждениях юстиции.²²⁰ На следующем этапе следовало последовательное утверждение кандидата уездными и губернскими партийными и советскими органами.²²¹ Уполномоченный губернского суда по Псковскому уезду позже так охарактеризовал сложившуюся тогда обстановку: «Судейские органы должны были приблизиться к населению и сделаться в руках пролетариата орудием борьбы с буржуазией. Пролетарский суд выступил с самого начала как классовый, без прикрас, сразу заявил, на чьей он стороне».²²² Способом ликвидации сословной и профессиональной замкнутости судебных работников, «куда могли попасть только лица с высшим юридическим образованием», стала доступность профессиональной деятельности в качестве народных судей практически всем гражданам вне зависимости от уровня образования, за исключением социального происхождения. Процесс формирования судейского корпуса в таких условиях обозначался как «пролетаризация суда», каждый гражданин мог «научиться судить в народном суде».²²³

Порховский исполком предъявлял в 1918 г. к кандидатам на должности народных судей следующие требования: образование не ниже «сельского»; стаж «известной общественной службы в каком-либо комитете (уездном, волостном, солдатском)»; «безусловно, честная репутация как неподкупного, мужественного и справедливого гражданина трудового класса». Будущие народные судьи

²²⁰ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

²²¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 196; Д. 119. Лл. 25 об., 110, 110 об.; Д. 206. Л. 130; Д. 249. Лл. 27, 35, 48, 52, 64, 72, 131; Ф. 109. Оп. 1. Д. 95. Л. 50; Д. 361. Л. 1; ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 91. Лл. 7, 9, 12, 30, 48, 62 об.; Д. 98. Л. 114, 119; Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 8. Л. 9; Д. 10. Лл. 25, 86, 91, 117, 210, 211, 455, 456; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 513. Лл. 23, 136, 149; Д. 513а. Лл. 43, 44, 45, 147; Д. 520. Л. 28.

²²² ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 416. Л. 78.

²²³ Там же, л. 79.

должны были «прослушать известный курс лекций по юридическим предметам».²²⁴ В соответствии с Положением о народном суде 1918 г. на замещение должностей народных судей могли претендовать граждане, обладающие избирательными правами; имеющие опыт политической работы в пролетарских организациях, профессиональных союзах, рабочих кооперативах, фабрично-заводских комитетах и советских учреждениях; прошедшие теоретическую и практическую подготовку в области права. Гражданин должен был «безусловно, удовлетворять первому условию и хотя бы одному из последних двух».²²⁵ В январе 1919 г. губернский отдел юстиции призвал при избрании народных судей обращать особое внимание на нравственное и умственное развитие претендентов, которым предстоит стать «воспитателями пролетарского правосознания среди населения».²²⁶

Псковский губернский исполком, несмотря на подозрительное в целом отношение, поднимал вопрос о привлечении к работе в советских судебных учреждениях дореволюционных кадров, которые избегали сотрудничества с большевиками. Местными большевиками курс на привлечение к работе в судебных учреждениях был взят с самого начала процесса формирования правоохранительной системы. Основное внимание обращалось главным образом на сохранение лояльно настроенных профессионалов в узкоспециализированных ведомствах. Уже в начале 1918 г. ситуация с кадрами в складывающейся судебной системе Псковской губернии была обозначена как «саботаж юристов», которые предпочитали «трудиться на неответственных должностях в разных отделах совдепов, в особенности в канцеляриях разных».²²⁷ Тем не менее, в Великолукском уезде сумели безболезненно перейти к формированию советских судебных органов, «быстро, не растеряв бывшие кадры», причём практически все – от бывших судей до служащих канцелярии.²²⁸ В отношении «низших и канцелярских чинов» в Декрете о суде № 1 содержалось требование о

²²⁴ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 29. Л. 163.

²²⁵ СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

²²⁶ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 7. Л. 118 об.

²²⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 31. Л. 286 об.

²²⁸ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 57. Лл. 4, 178.

необходимости «оставаться на своих местах и под общим руководством комиссаров исполнять все необходимые работы по направлению неоконченных дел и давать заинтересованным лицам справки».²²⁹ В результате в великолукские народные суды передавались наиболее сложные дела из сопредельных уездов. Исключительно юристы вошли также в первый состав судебных органов в Холме. Напротив, в Опочке их не было, что компенсировалось наличием «товарищей со значительным образовательным уровнем, практическим стажем», которые «работают удовлетворительно». В Торопце и Порхове было по одному человеку с юридическим образованием, в то время, как Новоржеве, Островском и Псковском уездах «опытных лиц нет».²³⁰ Ситуация с кадрами всё же не представляется однозначно положительной в уездах, где, казалось бы, не было трудностей с профессиональной подготовкой работников юстиции. Идеологический фактор с какого-то момента стал преобладающим – в мае 1919 г. главным препятствием в деятельности органов юстиции в уездах начал восприниматься «недостаток партийных работников».²³¹

С вступлением в действие Положения о народном суде 1918 г. местные исполкомы с целью пополнения кадрового состава народных судов в печати и распространяемых листовках начали оповещать население о начале набора кандидатов из числа жителей административных образований. Основное требование к будущим претендентам звучало следующим образом – «иметь понятие и разбираться в партиях, союзах». Пожелание о наличие «практической подготовки» не представляется выполнимым в полной мере в связи с низким образовательным уровнем и граждан, и действующих служащих местных бюро юстиции.²³² В 1918 г. в народные суды поступали на работу лица, обладающие «опытом политической и советской работы», в то время как наличие в анкете пометки «бывший нотариус» уменьшало возможность положительного решения вопроса о назначении. Определяющее значение имела формулировка в

²²⁹ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

²³⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 31. Л. 287.

²³¹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 340. Л. 38.

²³² ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 1. Л. 120; Д. 4. Л. 153; Д. 14. Л. 35.

характеристике «лицо партийное». Получали отказ и лица, известные «своими недобросовестными действиями». Некоторыми гражданами предпринимались попытки пройти утверждение на должности судей, несмотря на провозглашаемую классовую политику. Уже на уровне уездных исполкомов отзывались кандидатуры бывших священнослужителей и помещиков, стремившихся попасть в органы государственной власти, возможно, без всяких корыстных мыслей, вполне искренне, используя как аргумент наличие образования, в том числе и специального, в частности, бывшие полицейские.²³³ Впрочем, доходило и до случаев достаточно нелепых и мало соответствующих общему настрою советского правительства, в том числе и содержанию Декрета об отделении церкви от государства. В 1918 г. Псковский губернский исполком разрешил привлечение Островским совдепом в качестве «сведущего лица» в бракоразводных процессах местного священника с формулировкой: «Признать законной возможность примирения церкви и государства». А в 1921 г. уже Порховское бюро юстиции «согласия не изъявило» на приём в канцелярию 7-го судебного участка бывшего священника, «с начала революции совмещающего службу с работой в местных учреждениях».²³⁴

В марте 1919 г. в целях преодоления недостатка сотрудников судов губернский исполнительный комитет освобождал имеющихся служащих от призыва на фронты Гражданской войны как «абсолютно незаменимых работников, специалистов, организаторов». Правда, по «своим политическим убеждениям» они должны были «стоять вполне на платформе советской власти». Более того, губернский отдел юстиции пытался через наркомат юстиции «откомандировать» профессиональных юристов-псковичей, проходящих службу в Красной Армии, в распоряжение судебного ведомства.²³⁵

25 июня 1919 г. губернский исполком, отметив «весьма прискорбное положение некоторых народных судей, которые совершенно не разбираются в самых простых правилах судебного процесса», объявило о создании «курсов для

²³³ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 14. Л. 31; Д. 93. Л. 203; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 519. Л. 23; Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 176. Л. 2.

²³⁴ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 376, 377 об.; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 31. Лл. 172 об., 173.

²³⁵ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Л. 28.

их подготовки».²³⁶ В качестве преподавателей было решено задействовать сотрудников отдела юстиции, имеющих высшее образование и опыт практической работы. В народном комиссариате юстиции РСФСР положительно отнеслись к идее организации курсов для народных судей, более того, готовы были откомандировать лекторов для помощи.

Программа курсов включала следующие дисциплины: Конституция РСФСР; Пролетарская революция и суд; История русского права; Закон о труде; Закон об отделении церкви от государства и школы от церкви; Судостроительство; Уголовное судостроительство; Гражданское судостроительство; Уголовное право; Техника расследования преступлений и уголовный розыск; Гражданское право; Пенитенциарное право; Техника делопроизводства; Советское законодательство о земле.²³⁷

С июля губернский отдел юстиции начал рассылку требований уездным бюро о направлении на них народных судей, курсы приступили к работе уже 1 сентября 1919 г.²³⁸

Руководство Псковской губернии попыталось переломить сложную ситуацию с качеством профессиональной подготовки народных судей, дать исчерпывающие правовые знания своим специалистам, большинство которых имело даже не среднее, а низшее образование. Что же скрывалось под определением «низшее образование» в анкетах работников юстиции остаётся фактически неизвестным, зачастую многие определяли свой образовательный уровень как «грамотный».²³⁹

В условиях Гражданской войны и начального этапа становления судебной системы необходимый минимум знаний, полученных на курсах, вполне удовлетворял потребности и молодого государства, и его граждан. Однако в связи с окончанием боевых действий на территории Советской России, переходом к новой экономической политике, начала усложняться и правовая сфера. Возросли

²³⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 259. Лл. 45, 49; Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 7. Л. 115 об.

²³⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 259. Лл. 48, 49 об.; Д. 342. Л. 25; Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 51. Л. 365.

²³⁸ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 7. Л. 115; Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 25. Л. 432.

²³⁹ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 3. Лл. 31 – 109.

ещё больше требования к качеству профессиональной и политической подготовки народных судей. Курсы начали рассматриваться как средство обеспечения «судебных учреждений необходимым кадром теоретически и практически подготовленных ответственных судебных работников в отношении юридических познаний с марксистским кругозором». К 1923 г. программа губернских юридических курсов была значительно доработана и стала содержать дисциплины и юридического, и политико-идеологического направления. Тематически она делилась на два раздела: «политический» и «юридический». Каждый в свою очередь разбивался на специальные направления. В «политическом» слушатели изучали Политэкономии; Классовую борьбу и, как её «особое отделение», Новую экономическую политику; Исторический материализм. Предполагалось, что обозначенные направления подготовки будут изучаться, в том числе и самостоятельно, для чего прилагался обширный список литературы, содержащий работы К. Маркса, К. Каутского, В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого. «Юридический» в целом отражал процесс развития советского права к маю 1923 г. и предполагал освоение: Общего учения о праве и государстве; Государственного устройства и административного права; Судопроизводства; Уголовного права; Уголовно-процессуального права; Гражданского права (в том числе Кодекса актов гражданского состояния); Гражданского процессуального права; Земельного права; Трудового права; Административно-хозяйственных вопросов. В целом, как было отмечено в пояснительной записке к программе, курсы были рассчитаны на «товарищей, имеющих лишь основное понятие о марксизме и коммунизме и общее знакомство с ныне действующими советскими законодательствами».²⁴⁰

Псковские губернские юридические курсы работали с августа 1919 г. по август 1923 г., когда были закрыты за недостатком средств. Как отмечалось в отчётных документах отдела юстиции, большинство курсантов «работают по судебскому ведомству».²⁴¹

²⁴⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1323. Лл. 651, 651 об.; Д. 977. Л. 98 об.

²⁴¹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 31. Л. 286 об.

Другим способом повышения квалификации и образовательного уровня работников юстиции Псковской губернии являлось обучение на сокращённых курсах при юридическом факультете Петроградского университета, на которые НКЮ РСФСР выделял определённое количество учебных мест. В 1921 г. на трёхмесячные курсы их было выделено 13. В 1922 г. Псковский губернский суд изыскал средства для направления пяти работников народных судов.²⁴²

Несмотря на успешное функционирование губернских юридических курсов, даже в кассационной инстанции, среди членов Совета народных судей губернии, в эти годы выявлялись «неподготовленность и неосведомлённость». Ситуация складывалась таким образом, что приходилось неоднократно в срочном порядке производить перевыборы Совета и «вводить в состав опытных судей». Одновременно отмечалось, что вообще «на местах незначительно число лиц, способных работать в народных судах». Новоржевский исполком в 1920 г. охарактеризовал личный состав местных органов юстиции как «случайный, который не исполняет свои обязанности».²⁴³

В качестве способа формирования кадрового состава в это время была использована масштабная мобилизация лояльно настроенных пролетариата и служащих. Это мероприятие привело к внедрению в состав судебных органов сотрудииков, уровень компетенции которых также не соответствовал качеству предъявляемых и законодательством, и действительностью задач. Это привело к проблемам, которые приходилось разрешать на губернском уровне. В одном из отчётов губернского отдела юстиции за 1920 г. констатировалось: «Назначение незнакомых с судебной практикой, а иногда совершенно не способных к работе лиц разрушает даже налаженную уже работу».²⁴⁴ А «весьма прискорбное положение некоторых народных судей, которые совершенно не разбираются в самых простых правилах судебного процесса», оборачивалось «недовольством, а порой недоверием к советскому правосудию». Имело место даже закрытие уголовного дела в одном из уездов с формулировкой «в связи со смертью

²⁴² ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 262, 432, 435; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 977. Л. 98 об.

²⁴³ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 98. Л. 208; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 340. Лл. 374, 374 об.

²⁴⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 259. Лл. 45, 72 об.

истца».²⁴⁵ В 1918 г. губернский исполком совместно с отделом юстиции вёл обширную переписку с НКЮ РСФСР по делу комиссара юстиции Великолукского уезда В.П. Гусарова, обвиняемого в совершении кражи и убийстве. В числе прочего выявились случаи прямого давления со стороны местного руководства на деятельность судебно-следственной комиссии со стороны местного руководства.²⁴⁶ Холмским уездным исполкомом «за враждебное и пристрастное отношение к бедному и среднему крестьянству» был уволен народный судья 8-го участка.²⁴⁷ Президиум губернского исполкома санкционировал отзыв судьи из Псковского уезда «ввиду недостаточной подготовленности».²⁴⁸ По результатам проведённой в Новоржевском уезде ещё в августе 1919 г. ревизии 6, 7, 8, 9-го судебных участков был выявлен ряд недочётов в оформлении финансовой отчётности, массовые нарушения в делопроизводстве. Заявленное количество рассмотренных дел не соответствовало действительности. В камерах хранения вещественных доказательств ревизоры не обнаружили ни «банок и бутылок с самогоном», ни официально оформленных актов их уничтожения.²⁴⁹ В Островском уезде исполнительный комитет санкционировал снятие с должности народного судьи, который на предыдущей работе «обвинялся в небрежном исполнении служебных обязанностей и растрате казённого имущества».²⁵⁰ В Порхове народный судья был осуждён по делу местного союза кооператоров за соучастие в расхищении социалистической собственности и пьянство,²⁵¹ который был назначен судьёй переводом из органов милиции уезда с формулировкой «как вполне знакомый с судейским делом и являющийся членом РКП(б)».²⁵² Оказался в рядах народных судей губернии даже бывший черносотенец.²⁵³ А в Торопце в суде работал гражданин, осуждённый «в царское время за присвоение денежных сумм». По ходатайству уездного бюро юстиции в

²⁴⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 269. Лл. 4, 4 об.; Д. 342. Л. 126; Д. 972. Л. 49 об.

²⁴⁶ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 1. Д. 232. Лл. 1-25.

²⁴⁷ ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 7. Л. 131.

²⁴⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 119. Л. 126.

²⁴⁹ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 106. Л. 87.

²⁵⁰ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 354. Л. 354.

²⁵¹ ГАПО. Ф. Р-626. Оп. 3. Д. 194. Лл. 1-533 об.

²⁵² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 514. Л. 69.

²⁵³ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 259. Л. 73 об.; Д. 342. Л. 126 об.

связи с тем, что «его прошлое, создавшееся под влиянием пережитого царского гнёта, в данное время совершенно аннулировано добропорядочной жизнью и действительным сочувствием существующему пролетарскому строю жизни» и «в высшей степени добросовестным отношением к службе», он не был уволен.²⁵⁴ В том же 1920 г. в Порхове был отстранён председатель уездного бюро юстиции, который использовал служебное положение «для достижения личных интересов».²⁵⁵ Великолукское бюро юстиции в июне 1921 г. разбирало дело народного судьи, который при рассмотрении дел получал показания обвиняемых под предлогом «замолвить перед кем нужно словечко», назначить мягкий приговор. За допущенную дискредитацию своими действиями народного суда, ему было назначено наказание в виде одного года лишения свободы. Наказание он отбыл не полностью, выйдя на свободу досрочно. Великолукское бюро юстиции в связи с недостатком квалифицированных кадров выразило готовность принять его вновь на работу в качестве народного судьи. В Островском уезде за пьянство и дискредитацию советского суда был арестован личный состав 5-го судебного участка, включающий народного судью, работников канцелярии и народных заседателей. Причём Островским бюро юстиции судья участка, И.В. Герасимов, характеризовался исключительно положительно как «энергичный, в высшей степени дельный работник, сумевший в самое короткое время водворить надлежащий порядок».²⁵⁶

Исполкомы неоднократно заявляли о необходимости назначения на должности судей лиц «не случайных, а фактически знакомых со своими обязанностями».²⁵⁷ В 1921 г. губернский исполнительный комитет объявил о необходимости пополнения личного состава народных судов гражданами с высшим юридическим образованием или «работавших в этой сфере и знакомых с советским законодательством». В связи с началом НЭПа в судах возникли проблемы с осуществлением производства гражданских дел, ставшие следствием

²⁵⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 514. Л. 84.

²⁵⁵ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 175. Л. 247; Д. 259. Лл. 74, 92; Д. 342. Л. 253.

²⁵⁶ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 197 об., 219, 220, 221, 260.

²⁵⁷ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 98. Л. 208 об.

недостатка действительно квалифицированных судей-юристов, имеющимся приходилось «блуждать впотьмах».²⁵⁸ Вопрос о возможной неблагонадёжности будущих претендентов даже не поднимался.²⁵⁹ Для разрешения ситуации с кадрами в органах юстиции ещё 11 мая 1920 г. СНК РСФСР издал Постановление «О регистрации лиц с высшим юридическим образованием», согласно которому в трехдневный срок указанные лица обязаны были зарегистрироваться в органах исполнительной власти под угрозой судебного преследования.²⁶⁰ Псковский губернский отдел юстиции с подобной инициативой выступил за год до решения СНК. Он предложил «войти в губисполком с представлением об объявлении требования» о предоставлении юристами, не работающими по специальности, «автобиографических сведений о времени окончания ими курса юридических наук, о прежней их служебной и профессиональной деятельности, занимаемой ныне должности».²⁶¹ Получив законодательно закреплённые полномочия, уже в августе 1920 г. одной из задач на ближайшее время псковские органы юстиции ставили проведение мобилизационных мероприятий в отношении юристов. В развитие Постановления СНК губернский исполнительный комитет издал соответствующей циркуляр в отношении «лиц с высшим юридическим образованием». Мобилизационные мероприятия проводились силами губернских отделов юстиции, учёта и распределения рабочей силы. Губернский комитет по всеобщей трудовой повинности занимался обжалованием действий названных отделов и всех «заинтересованных учреждений». Лица, подлежащие «учёту и переводу и не подчинившиеся указаниям», а также ответственные руководители, не выполнившие требования Положения СНК и циркуляра губернского исполкома, «подлежали суду» как трудовые дезертиры и «как за укрывательство дезертиров».²⁶²

В Холмском уезде в штате бюро юстиции на различных должностях трудился бывший городской судья, покинувший пост после октября 1917 г., а

²⁵⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 253. Л. 46 об.

²⁵⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 119. Л. 61; ГАПО. Ф. Р-626. Оп. 3. Д. 19. Л. 4.

²⁶⁰ СУ РСФСР. 1920. № 47. Ст. 211.

²⁶¹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 259. Л. 20.

²⁶² ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 132. Лл. 592, 592 об.

народным судьёй по особо сложным делам был утвержден бывший секретарь уездного исполкома, имеющий «стаж судебной работы 12 лет». В Псковском уезде провели мобилизацию дипломированных юристов из губернских союза кооперативов и отдела охраны труда, поскольку «вести работу совершенно неподготовленным штатом не представляется никакой возможности».²⁶³

Сложная обстановка с квалифицированными работниками в уездах приводила и к конфликтам внутри административной структуры органов юстиции. Так, в марте 1921 г. был избран очередной состав губернского Совета народных судей, в составе президиума которого оказался сотрудник Новоржевского бюро юстиции. Последнее заявило, что у него нет «лиц, могущих заменить» переводимого в Псков и предложило сначала выслать достойную замену. А в октябре Новоржевский исполком признал настоятельную необходимость «освежить новыми силами и поставить на должную высоту» бюро юстиции. Годом ранее на заседании президиума этого же исполкома успешно прошёл утверждение на должность народного судьи гражданин, «исключённый из партии и по слухам пользующийся плохой репутацией». Члены президиума об этом были проинформированы.²⁶⁴

В 1921 г. Совет народных судей губернии отметил: «Кто у нас судьи – те же крестьяне и рабочие. И вполне возможно ожидать от наших судов «не всякое лыко в строку». Было озвучено предложение об улучшении качественного состава органов юстиции «путём точного учёта и целесообразного распределения по губернии специалистов права».²⁶⁵ В Псковском уезде «постановка дела в нарсудах» в связи с «недостаточной подготовленностью» личного состава оказалась неудовлетворительна.²⁶⁶ Народные судьи Островского уезда на совещании в декабре 1921 г. взяли обязательство «приложить все усилия к укреплению советского строительства на местах», понимая ответственность, накладываемую на них государством. Великолукское бюро юстиции сообщило о

²⁶³ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 9. Л. 73; Д. 10. Л. 14; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 519. Л. 17.

²⁶⁴ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 468. Л. 5; Д. 475. Л. 18; ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 89, 134.

²⁶⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 309.

²⁶⁶ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 3. Лл. 28, 111.

необходимости пополнения штата судей, в связи с тем, что имеющиеся «обессилены».²⁶⁷

На очередном заседании президиума губернского исполнительного комитета, состоявшемся 29 сентября 1921 г., было заявлено, что усилия народных судей по борьбе с преступностью слишком незначительны. Однако эта задача не могла быть решена в короткое время, в том числе и в предлагавшиеся отделом юстиции полгода, для этого требовался продолжительный период. Поднять авторитет и уважение к народным судам, судьям, необходимо было не только путём общественно-политической развития населения. Большевики пришли к пониманию, что распространение законности в массах связано не только с просветительской деятельностью среди них, но и личностными и деловыми качествам работников юстиции. Только к сентябрю 1921 г. удалось «подкрепить» губернский отдел юстиции и Совет народных судей «достаточно сильными свежими работниками».²⁶⁸ Коллегия губернского отдела юстиции в 1921 г. разрешила гражданину, прошедшему в конце 1890-х гг. «кратковременную службу» в полиции, и имеющему опыт долговременной работы «по судебному ведомству» до 1917 г., трудиться в учреждениях советской юстиции как «зарекомендовавшему себя с лучшей стороны». Сохранилось обращение в губернский отдел юстиции и бывшего служащего царского Митавского окружного суда, дипломированного юриста, трудившегося с 1917 г. в губернии учителем.²⁶⁹

Претендовали на работу в суде люди с различным образованием. В Великолукском уезде, например, обратился в бюро юстиции «актёр русской драмы», в качестве единственного образования назвавший, тем не менее, только военное – Николаевское кавалерийское училище. Однако военная карьера его, видимо, не задалась, т. к. прослужив всего 5 лет, он устроился на службу земским чиновником. В Первую мировую войну гражданин дослужился до должности командира батальона, после революции служил секретарём 10-го судебного

²⁶⁷ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 4. Лл. 2, 32.

²⁶⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 199. Л. 136; ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 729. Л. 10.

²⁶⁹ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 9. Л. 120.

района Великолукского уезда. Ему было отказано в замещении вакансии судьи, возможно, из-за неясности происхождения специальности «актёр русской драмы»: в достаточно подробной анкете получение актёрского образования нигде не обозначено.²⁷⁰

По-прежнему имели место случаи попадания на должности народных судей граждан, которых президиум губернского исполкома определил как «личности с тёмным прошлым». В апреле 1921 г. стало известно, что один из судей Островского уезда совсем недавно ещё «состоял в бело-эстонской армии», за что был даже осуждён. Во время избрания на пост народного судьи ему удалось утаить информацию о прошлом. А в Торопце из состава судей был исключён бывший помещик.²⁷¹ В целом, подавляющее большинство лиц, претендовавших на замещение должностей народных судей, имели значительный дореволюционный стаж работы в качестве писарей в земских учреждениях.²⁷²

Необходимо также обратить внимание на деятельность прямых представителей народа в судебной системе РСФСР. Советское правительство, предпринимая шаги по формированию народного суда, сделало основной акцент на привлечение в процесс судопроизводства представителей общественности. Декрет о суде № 1 содержал положения об участии в заседаниях нового суда «очередных заседателей». В связи с отсутствием республиканской нормативной базы, регламентирующие акты должны были выпустить губернские советы.²⁷³ В начале 1918 г. Псковский губернский исполнительный комитет выработал временные правила об избрании народных заседателей. Право быть избранными в состав заседателей получали граждане от 18 до 70 лет, проживающие в «уездах губернии» и «говорящие и пишущие по-русски». Народные заседатели не должны были иметь судимость, в том числе и до октября 1917 г., «за исключением политических дел». Не подлежали назначению священнослужители, профессиональные работники судебных органов и служащие учреждений

²⁷⁰ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 9. Лл. 115, 124.

²⁷¹ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 8. Лл. 28, 32-33.

²⁷² ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Д. 10. Л. 258.

²⁷³ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

стратегического направления: железных дорог, почты и телеграфа, национального банка. Ответственность за подбор кандидатов на низовом уровне легла на волостные и уездные исполнительные комитеты.²⁷⁴ На общегосударственном уровне состав, функции и полномочия народных заседателей описывались в Декрете о суде № 2. Заседатели получили право отвода председателя суда «во всё время процесса», решения вопроса «не только о факте преступления, но и о мере наказания», в том числе смягчения «положенного в законе».²⁷⁵ Народные заседатели в Псковской губернии активно включились в работу судов. Так, по сообщению губернского отдела юстиции, «отмечено недовольство народных заседателей ограничением их свободы при определении наказания», они «выносили оправдательные приговоры, когда находили установленный минимум наказания слишком обременительным и несоответствующим обстоятельствам дела».²⁷⁶

По Положению о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. они приобрели возможность избирать «в судебном присутствии с участием шести очередных народных заседателей» одного из заседателей председателем заседания. Списки заседателей составлялись советами на шесть месяцев. На каждую сессию народного суда их избирали по жребию по 8 (6 очередных и 2 запасных) или по 3 человека (2 очередных и 1 запасной) в зависимости от рассматриваемых дел. За каждым сохранялась заработная плата по месту работы или выплачивались суточные в размере минимального размера оплаты труда «для данной местности из общегосударственных средств», если лицо являлось безработным или «получающим средства существования от сельского хозяйства или ремесла».²⁷⁷

Народный комиссариат юстиции рассматривал участие народных заседателей в судебном процессе как средство повышения авторитета советского суда среди населения. Способствовало этому массовое приобщение трудящихся в рассмотрение дел, возникающих среди тех них же. Народные заседатели

²⁷⁴ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 22. Л. 102; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 32. Лл. 1-4; Ф. Р-960. Оп. 1. Д. 5. Л. 275.

²⁷⁵ СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.

²⁷⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 340. Л. 38 об.

²⁷⁷ СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

становились элементом внедрения «среди политически отсталых слоёв населения пролетарского правосознания». Знакомство с советским правом происходило не только путём погружения в соответствующую среду или обстановку отдельных представителей крестьянства и рабочих, но и в результате формирования из состава народных заседателей «политически сознательных групп», участвующих в просветительской деятельности народных судей на местах (общественные отчёты, доклады по различным вопросам советского законодательства). Тем не менее, руководство губернского отдела юстиции отмечало, что состояние комплектования кадров народных заседателей обстоит неудовлетворительно, низовые органы власти подходили к процессу формирования списков очередных народных заседателей не всегда ответственно.²⁷⁸ В 1920 г. Деожский волостной исполком Порховского уезда задержал набор очередных народных заседателей на пять месяцев, за что было «решено весь президиум подвергнуть семидневному аресту».²⁷⁹ Председателя Верхне-Шелонского волостного исполкома того же уезда в августе 1921 г. подвергли пятидневному аресту.²⁸⁰ Списки народных заседателей составлялись и предоставлялись в вышестоящие исполкомы и комитеты РКП(б) на утверждение каждые полгода, начиная с 1918 г. регулярно. Губернский исполнительный комитет и отдел юстиции, в свою очередь, утверждённые списки направляли непосредственно в НКЮ РСФСР с подробными персональными данными о социальном происхождении, уровне образования, месте жительстве каждого лица.²⁸¹

В более сложной ситуации с 1921 г. оказались правозаступники, как тогда начали называть граждан, занимающихся на профессиональной основе адвокатской деятельностью. После революции их кадры формировались по общей для советской юстиции того времени схеме. Претендент на соответствующую должность подавал заявление в уездный отдел юстиции, проходил утверждение в

²⁷⁸ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 514. Л. 69.

²⁷⁹ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 201. Л. 130.

²⁸⁰ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 416. Лл. 18-18 об.

²⁸¹ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 224. Лл. 30, 33, 45; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 29. Лл. 60-61; Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 175. Лл. 35, 44; Д. 302. Лл. 11, 15, 20-21, 40, 143, 200; Д. 303. Л. 1; Д. 375. Лл. 13-87а; Д. 553. Л. 78; ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 196. Лл. 1-170.

уездных и губернских партийных и советских органах. По результатам проверки органами ВЧК/ОГПУ, кандидат мог приступать к выполнению должностных обязанностей.²⁸² Декретом о суде № 1 к участию в судебном процессе в качестве защитника допускались «все не опороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами».²⁸³ В свою очередь Декрет о суде № 2 предусматривал уже не только создание при советах рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов коллегий правозаступников, но и право участия в судебных прениях одного обвинителя и одного защитника «из присутствующих на заседании лиц».²⁸⁴ Положением о народном суде от 30 ноября 1918 г. также подтверждалось учреждение «для содействия суду в деле наиболее полного освещения всех обстоятельств, касающихся обвиняемого или интересов» коллегий защитников, обвинителей и представителей сторон.²⁸⁵ Они формировались в губернии одновременно с судами, но в отличие от них не всегда были востребованы. В Порховском уезде бюро юстиции, отмечая успешную работу народных судов, выяснило, что за 1919 г. в уездную коллегия правозаступников население «почти не обращалось», вследствие чего «коллегия почти не функционирует». Правда, оказалось, что она вообще существует лишь формально, поскольку «сотрудники выбыли». Практически весь штат был мобилизован на работу в другие учреждения и в армию. Причины подобного положения выявить не представляется возможным: то ли сотрудников мобилизовали из-за отсутствия занятости по основному месту работы, то ли деятельность коллегии прекратилась из-за недостатка работников. Таким образом, Порховский уездный исполком ликвидировал прекратил коллегия с формулировкой «до приискания соответствующих работников, принимая во внимание, что в судах пока нет дел, по которым необходимо принимать участие правозаступникам».²⁸⁶

²⁸² ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 8. Л. 9; Д. 10. Лл. 25, 86, 91, 117, 396; Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 114. Лл. 30, 126, 127.

²⁸³ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

²⁸⁴ СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.

²⁸⁵ СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

²⁸⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 514. Лл. 14, 17.

Учитывая специфику института адвокатуры, выражающуюся в защите интересов конкретного гражданина вне зависимости от его отношений с законом, новая власть, будучи прямолинейно относясь к системе социально-политических и правовых отношений, с большим подозрением относилась к правозаступникам. На состоявшемся в июне 1920 г. III Всероссийском съезде деятелей юстиции констатировалось, что институт правозаступников не оправдал доверия советского государства. В качестве подтверждения был приведён пример ареста полного состава петроградской коллегии по обвинению в коррупции.²⁸⁷ В Псковской губернии также был выявлен случай мздоимства среди защитников. Холмский уездный исполком сообщил в губернский Совет народных судей о незаконном взимании платы за юридическую помощь населению. Правда, как пояснял позже Совет, возможна добровольная оплата их работы, но получаемые суммы должны официально оформляться и поступать в «доход республики».²⁸⁸

Следствием такого отношения к этим участникам судебного процесса явилось появление в начале 1921 г. распоряжения Псковского губернского отдела юстиции «Всем профессиональным и партийным организациям, коллективам сотрудников советских учреждений, нарсудам, Совету народных судей, ревтрибуналу». Там отмечалось, что «старые адвокаты существовали не для бедняка рабочего и крестьянина, так как их помощь обходилась очень дорого и была не по карману беднейшему населению», поэтому для защиты интересов трудящихся создан институт правозаступников, которые осуществляют свою деятельность бесплатно. Однако советское правительство нашло необходимым организовать защиту на суде «в виде общегражданской повинности». Списки защитников составлялись во всех организациях и утверждались в окончательном виде исполкомами волостей, уездов и городов. Предоставлялись они раз в полугодие: к первому января и первому июля. В соответствии с положением «никто из внесённых в списки не должен быть отвлечён от обычных своих служебных занятий более, чем на шесть дней в полугодие». За отказ от

²⁸⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 443. Л. 42 об.

²⁸⁸ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 452. Л. 169.

исполнения обязанностей защитника или препятствование этому со стороны руководства учреждения, а также за несвоевременное представление списков виновные подлежали «ответственности в судебном порядке».²⁸⁹ Идеи этого положения содержались в резолюции III Всероссийского съезда деятелей юстиции – в части, касающейся участия в советском судопроизводстве представителей общественности.²⁹⁰

Уездные комитеты РКП(б) на основании документа выработали следующую позицию для определения готовности граждан к общественной работе к качеству защитников и, возможно, оказания некоего давления на сопротивляющихся: «Защита на суде установлена общегражданской повинностью для тех граждан, которые по своей профессии, партийности или служебному стажу являются подготовленными для исполнения этих обязанностей».²⁹¹ Организации и учреждения стремились, по мере возможности, направлять в суды лиц с образованием не ниже среднего. Так, губернский исполком предоставил список из шести кандидатов, трое из которых имели юридическое образование (один – неоконченное), остальные – среднее. Правда, одна из кандидатов являлась слушательницей Высших женских курсов. В свою очередь от предприятий швейной промышленности было представлено трое кандидатов, в анкетах двоих из которых в графе «образование» значилось: «первоначальное». Лиц с преобладающим высшим и средним образованием представили президиум и отдел управления губернского исполкома, губернский комитет труда и отдел коммунального хозяйства.²⁹² Если проанализировать общие данные по ряду уездов, то выясняется, что подавляющее число составляли граждане со средним образованием. Соотношение же лиц с высшим образованием к общему количеству защитников по уездам было приблизительно одинаковым: Порховский – 11 человек из 55, Псковский – 12 из 48, Островский и Великолукский – 1 из 9. По профессиональному составу это были работники

²⁸⁹ ГАНИПО. Ф. 9. Оп.1. Д. 89. Л. 12; ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об.

²⁹⁰ Резолюции III-го Всероссийского съезда деятелей советской юстиции. С. 3.

²⁹¹ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 200. Л. 66.

²⁹² ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 11. Лл. 10, 30.

милиции, судебно-следственных органов, местных партийных и советских организаций и учреждений, учителя и врачи, крестьяне и рабочие.²⁹³

В профсоюзе работников искусства оказался один профессиональный юрист, занимающий в Пушкинском театре должность режиссера, в губернском отделе народного образования – один «кандидат прав Петроградского университета». Профессиональных юристов готовы были откомандировать также псковские уездное бюро юстиции и уездно-городской финансовый отдел. Псковский губернский отдел союза рабочих полиграфического производства не смог предоставить список представителей «за отсутствием практической подготовки и образовательного стажа». Случались и курьёзные случаи. Так, например, самоотвод попросил начальник Островской уездной милиции, совмещающий одновременно несколько общественных и государственных должностей – от командира батальона милиции и отряда особого назначения до члена секции при отделе здравоохранения и волостной ячейки РКП(б).²⁹⁴

Принудительный, мобилизационный способ набора защитников, объявленный как государственная повинность, мог оказать негативное влияние на качество их работы. Сохранилось заявление учителя И.Н. Богданова из Порховского уезда с просьбой «освободить от непосильной миссии», т. к. «не знаком с делом». Учитель даже пытался читать уголовные дела, но тщетно – «оказался не в состоянии разобрать, кто прав, кто не прав». Он же желал «избавиться от насмешек публики и нареканий защищаемого».²⁹⁵ Таким образом, граждане, в отличие от представителей советской власти оказались меньше подвержены революционной романтике в судебной системе, понимая, что оказываясь один на один с действительностью, они берут на себя ответственность, вынести которую без наличия соответствующих способностей и знаний невозможно.

Впрочем, институт профессиональных правозаступников в губернии успешно функционировал и в 1921, и в последующие годы. Они и выборные защитники

²⁹³ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 4. Лл. 27-28; Д. 11. Лл. 40, 45, 52-55, 60-64, 65, 67, 68, 70, 71, 77, 79, 82.

²⁹⁴ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 11. Лл. 16, 19, 26, 85.

²⁹⁵ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 11. Лл. 84, 84 об.

действовали в судебном процессе параллельно. Тем более, что образовательный уровень и тех, и других был одинаково невысок.²⁹⁶ С 1922 г. граждан прекратили привлекать в судебный процесс.²⁹⁷

Таким образом, эксперимент властей Псковской губернии по созданию института общественных правозаступников закончился неудачно. Они не смогли заменить профессиональных правозаступников. Граждане опасались брать на себя ответственность. Им было сложно разобраться в специфике судебного процесса и работы адвоката, преодолеть себя, защищая незнакомого человека, порой действительно виновного.

В целом, в губернии с начала функционирования советского суда, по замечанию судебного руководства, наблюдался устойчивый интерес граждан к процессам с участием профессиональных правозаступников. Имели место случаи, когда в залах заседаний не хватало мест из-за большого количества желающих присутствовать при разборе дел. Большевики такое внимание населения, особенно сельского, стремились использовать в «воспитательном и агитационном значении».²⁹⁸ Губернский съезд деятелей юстиции 5 марта 1921 г. отправил в Москву приветственную телеграмму на имя наркома юстиции Д.И. Курского, выразив «глубокую уверенность в укреплении социалистического строя республики путём внедрения в широкие народные массы новых правовых и нравственных начал, проводимых в работе народного суда».²⁹⁹

В секретном письме от 18 ноября 1922 г. председателя Псковского губернского суда секретарю губернского комитета РКП(б) охарактеризовал общее положение судов как «чрезвычайно тяжёлое». Судьи приносили «своими выходками больше вреда», чем пользы. Имели место пьянство и мздоимство.³⁰⁰ Уполномоченный губернского суда по Новоржевскому уезду открыто признавался, что в честности своих подчинённых он не уверен. Судьи приносили «своими выходками больше вреда», чем пользы. Порховское бюро юстиции

²⁹⁶ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 448. Л. 85.

²⁹⁷ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 415. Лл. 13, 18.

²⁹⁸ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 340. Л. 39.

²⁹⁹ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

³⁰⁰ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 121. Л. 18

заявляло о «полнейшем кризисе в нарсудьях».³⁰¹ Губернским отделом юстиции неоднократно выпускались уведомления о лишении некоторых народных судей права занимать ответственные государственные должности.³⁰² По замечанию судебного руководства губернии, в честности народных судей «может ручаться высший идеалист». Не соответствовали своему назначению и народные заседатели, попадались среди них и вовсе неграмотные, не способные «провести партийно-классовую точку зрения» в приговорах.³⁰³ Уездные партийные и советские чиновники пытались укреплять кадры с помощью набора в состав судей членов РКП(б), или хотя бы беспартийных, но «стоящих на платформе советской власти».³⁰⁴

Интересно заметить, что за полгода до этого была выпущена инструкция для руководства комиссии по проверке и чистке личного состава народных судей Псковской губернии, в которой звучало следующее определение: «До сего времени народные суды, за малым исключением, не оправдали возложенных на них задач. Они не прислушивались к голосу центральной власти, уклонялись от указываемого пути. Те преступления, с которыми государство призывало вести усиленную борьбу, зачастую оставались безнаказанными. В настоящее время в связи с новой экономической политикой необходимо уяснить те задачи, которые сейчас стоят перед рабоче-крестьянской властью в области права, закона и суда, так как единственным органом вмешательства права при проведении экономической политики и надзором за соблюдением законов являются народные суды».³⁰⁵ Противоречивый характер НЭПа вызвал острую необходимость в тщательном контроле деятельности судов. Советское правительство было заинтересовано в поддержке социально близких групп населения. В отчетной документации судебных учреждений в это время особо выделяется понятие «классовый принцип», означавшее на практике создание благоприятных условий

³⁰¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 309; ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 578. Л. 13.

³⁰² ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 4. Л. 20 об.

³⁰³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 200. Л. 38 об.; Ф. 9. Оп. 1. Д. 119. Л. 15.

³⁰⁴ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 121. Л. 18.

³⁰⁵ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1010. Л. 104.

для обращения в суд малоимущих слоев. В частности, они освобождались от уплаты судебных пошлин и сборов.³⁰⁶

В состав комиссии по проверке и чистке личного состава народных судей Псковской губернии в соответствии с инструкцией от 24 апреля 1922 г. входили: председатель (председатель губернского Совета народных судей или член его президиума), по одному представителю местных уездного исполнительного комитета и уездного комитета РКП(б). Судей представлял местный председатель уездного бюро юстиции, который должен быть «партийным товарищем, развитым, легко разбирающимся с новой экономической политикой, знакомым с советскими законами и судоустройствами», либо беспартийным, если ему «исполнительный комитет и комитет РКП(б) доверяют как человеку, вполне стоящему на платформе советской власти».³⁰⁷

Проверке подлежали судебно-следственные работники и технический персонал. Основанием для увольнения становились: членство в настоящее время или в прошлом в «антисоветских партиях, если это известно уездному исполнительному комитету и уездному комитету РКП(б)»; наличие судимости; «привычка к пьянству»; «склонность к преступлениям, могущим подорвать авторитет суда». Также внимание привлекали лица, которые «не стоят на платформе советской власти как бывшие земские начальники, мировые судьи, члены окружных судов и прокуроры».³⁰⁸

Правда, инструкция содержала существенную оговорку, придающую ей компромиссный характер. При отстранении народных судей было необходимо серьёзно взвешивать все обстоятельства и помнить: «Может ли быть назначено лицо вместо отстраняемого, которое обладает всеми хорошими качествами и может легко справиться с должностью народного судьи, дабы его отстранение не ослабило больше и так слабый аппарат судебных работников».³⁰⁹ Комиссия по

³⁰⁶ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 176. Л. 82 об.

³⁰⁷ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1010. Л. 104.

³⁰⁸ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1010. Л. 104.

³⁰⁹ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 79. Л. 6.

чистке личного состава народных судов губернии получила неограниченные полномочия в области сбора информации о личности проверяемых.³¹⁰

Ещё 21 апреля 1922 г. Псковский уездный комитет РКП(б), получив, видимо, соответствующее указание от губернского, принял решение о составлении списков «нежелательных элементов» среди народных судей, а также начать поиск кадров на «открывающиеся вакансии». Немедленно приняли решение об отзыве двух народных судей.³¹¹ Порховский исполнительный комитет санкционировал проведение чистки личного состава народных судей ещё в феврале-марте 1922 г.³¹²

26 апреля комиссия по чистке личного состава народных судей была сформирована в Опочечком уезде, которая начала работу с проверки собственных работников. На первом же заседании было принято решение об увольнении заведующего местным бюро юстиции И.В. Архипова с формулировкой: «Недостаточно подготовлен технически, хотя, безусловно, честный». Двух народных судей сместили «как ведущих нетрезвый образ жизни». Комиссия выявила бывших члена партии эсеров и земского начальника и одного «антисоветского элемента».³¹³ С 15 августа по 15 сентября в Опочке прошла вторая волна чистки личного состава, теперь уже всех учреждений уезда и под руководством губернской контрольной комиссии.³¹⁴ Контрольная комиссия выявила неблагонадёжного работника даже в руководящем составе губернского Совета народных судей. Его председатель, Г.А. Годунов, был исключён из партии за заключение церковного брака.³¹⁵

Имеющиеся факты позволяют сделать вывод о преобладании политического характера проводимых в течение 1922 г. чисток. Председатель Совета народных судей объяснял их целесообразность несоответствием «состава своему назначению», но в «большей мере» отсутствием «авторитета масс и местных

³¹⁰ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1010. Л. 104.

³¹¹ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 121. Л. 18.

³¹² ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 576. Лл. 11, 11 об.; Д. 578. Лл. 13, 39, 90.

³¹³ ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 220. Л. 22.

³¹⁴ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 175. Л. 7.

³¹⁵ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 176. Лл. 51, 53.

учреждений ввиду расхождения взглядов по политическим вопросам».³¹⁶ При всём компромиссном подходе к проверкам кадров основной упор делался все же исключительно на набор на освобождающиеся места членов РКП(б), образовательный уровень которых не имел принципиального значения. Материалы губернской контрольной комиссии позволяют сделать вывод, что масштабная проверка личного состава народных судов была основана на данных, полученных в ходе сплошной проверки в течение 1921 г. членов ведомственных ячеек РКП(б). В частности, только в партийной организации губернского отдела юстиции из партии было исключено 6 человек с формулировками «за равнодушное отношение к партийным обязанностям», «как неспособных членов РКП(б)», «как примазывавшегося». Выявили также коммуниста – «бывшего полицейского надзирателя».³¹⁷ В Новоржеве политическое бюро заявило, что местные суды «являются органами, спекулирующими преступностью». Были выявлены многочисленные факты использования служебного положения в личных целях со стороны судей 1, 2, 3, 6 и 7-го участков И.А. Кириллова, В.Я. Михайлова, И.О. Осипова, А.Т. Душелихинского, А.А. Матвеева. Выяснилось, что эти народные судьи «являлись часто» на работу и общественные места в нетрезвом виде, «имеют широкое дружественное знакомство с кулацкими преступными элементами и самогонщиками», «слабы к подсудимым, а некоторые судят крепко, но по выбору».³¹⁸ Президиум губернской контрольной комиссии вынес представление о необходимости укрепления кадров народных судей «честными и стойкими коммунистами, которые могли бы повести за собой всю беспартийную массу и воодушевить её личным примером».³¹⁹

В результате чистки за июнь-июль 1922 г. был проверен весь судейский корпус губернии, 40 % которого оказались заменены, главным образом, членами РКП(б).³²⁰ Процесс проходил со значительными трудностями, вызванными недостатком лиц, способных занять судейские должности. Точнее, губернское

³¹⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 310.

³¹⁷ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 48; Д. 42. Лл. 40, 41, 42, 44, 68, 69, 70; Д. 50. Лл. 1 – 22.

³¹⁸ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 224. Л. 1.

³¹⁹ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 40.

³²⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 310.

руководство не смогло подобрать должного количества «партийных работников», которых были вынуждены мобилизовать по всей Псковской губернии.³²¹ Впрочем, уже 1 декабря 1922 г. на пленарном заседании губернского комитета РКП(б) выяснилось, что «на местах судейский аппарат на 50 % беспартийный».³²² В Псковском уезде судьи-коммунисты работали только в городских участках. В Торопце даже глава бюро юстиции оказался беспартийным, в связи с чем «принципиальная линия судей не всегда соответствует времени». Пополнение же личного состава членами РКП(б) было «затруднительно ввиду слабого контингента» уездных организаций.³²³ Слабый партийный состав народных судов, в особенности на местном уровне, способствовал, по мнению работников контрольной комиссии, защите «интересов лиц враждебного класса».³²⁴ Губернский исполком требовал от местных властей «усиливать списки» претендентов на замещение должностей народных судей «партийными товарищами».³²⁵ В Порховском уезде в сентябре 1922 г. «для усиления» была проведена «всеобщая переброска судей» в целях относительно равномерного распределения членов РКП(б) по судебным районам, а также для предотвращения развития личных связей с местным «кулацким и нэпманским элементом».³²⁶

Подводя итоги масштабной проверки личного состава судов, председатель губернского Совета народных судей сообщил о назначении на принципиальные должности уполномоченных Совета в уездах членов РКП(б). Правда, в Новоржевском, Псковском, Торопецком и Холмском уездах пришлось остановиться на беспартийных кандидатурах, выдвинутых по соглашению с уездными партийными советскими органами «как пользующихся доверием».³²⁷

Но уже ноябре 1922 г. губернский комитет РКП(б) объявил о начале мобилизации ответственных партийных работников, занимавших различные должности в учреждениях губернии. В том числе в мобилизационные списки

³²¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 310.

³²² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 325 об.; Ф. 2. Оп. 1. Д. 207. Л. 82.

³²³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 200. Л. 38 об.; Оп. 3. Д. 201. Л. 20 об.

³²⁴ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 207. Л. 82 об.

³²⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 977. Л. 62.

³²⁶ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 555. Л. 34.

³²⁷ Там же.

попали и уполномоченные Совета в Порховском и Опочечком уездах. Причём это решение было принято без согласования с отделом юстиции губернского исполкома и Советом народных судей. Эти обстоятельства вносили дезорганизацию в функционирование судебной системы в Псковской губернии. В определённой степени здесь налицо пример несогласованности между органами власти и судами, поскольку тот же губернский исполком неоднократно требовал усиления борьбы с преступностью, утверждения среди населения принципов революционной законности и классового подхода в судопроизводстве. Основными проводниками этих идей должны были быть на местах члены РКП(б) как лица и лично заинтересованные, и наиболее подготовленные идеологически, хотя бы на теоретическом уровне, наименее зависимые от личных предпочтений и принципов. Советские и партийные органы были неоднократно информированы об ограниченном количестве партийных в судебном ведомстве. Председатель Совета просил остановить мобилизацию работников судов-членов РКП(б) и в будущем воздержаться от подобных мероприятий в отношении судей. В противном случае, судебное руководство слагало себя ответственность за последствия такого ослабления народных судов губернии.³²⁸

Практические, к тому же отрицательные, результаты проведённых чисток личного состава народных судей были озвучены в 1923 г. на заседаниях уездных и губернских органов юстиции. Масштабные проверки привели к тому, что «работа в судебных районах приостановилась», так как «в 1922 г. почти все старые народные судьи были смещены с должностей».³²⁹

Для укрепления среди населения, представленного в условиях Псковской губернии в большинстве своём сельскими жителями, «пролетарского правосознания и ознакомления с советским правом», для поднятия авторитета суда, на должности народных судей предполагалось выделять из состава других

³²⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 310.

³²⁹ ГАНИПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 37.

учреждений, а также из среды крестьянства и рабочих «наиболее подготовленных и политически сознательных лиц».³³⁰

Таким образом, кадровая политика в советских судах в начале 1920-х гг. была обусловлена необходимостью проведения государственной политики молодой страны Советов на местах. Являясь одним из факторов укрепления законности и власти большевиков на территории страны, суд должен был завоевать авторитет у населения. Приходилось чем-то поступаться, проводя официальную линию – отсюда и низкий образовательный уровень судей, и повышенное внимание к их партийности. Поиск компромисса между идеологией и профессионализмом оказался характерной чертой развития народных судов. Постоянные чистки личного состава в свою очередь не только нарушали налаженную работу, создавали не самую благоприятную ситуацию в судах, но и, как ни странно, способствовали развитию самоконтроля у судей, возможно, предотвращая ошибки и нарушения.

Народные судьи Псковской губернии осуществляли свою деятельность, пытались сначала в сложнейших условиях Гражданской войны и создания государственного аппарата молодого советского государства, преодолевать возникающие трудности, не всегда зависящие непосредственно от них. Тем не менее, они распространяли законность, пресекали распространение преступности. Зачастую этот процесс шёл путём проб и ошибок. Кадровые проблемы советского суда, находясь, казалось бы, на периферии политических процессов, оказывали негативное влияние не только на сам процесс судопроизводства, но и, как следствие, на развитие уважения у населения губернии к новой власти и её суду. Однако Псковский губернский суд активно стремился к разрешению возникающих противоречий. Наиболее удачным решением явилась организация губернских юридических курсов, через которые прошел ряд работников псковской юстиции и которые обеспечивали правовую стабильность советской судебной системы.

³³⁰ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1010. Л. 104.

ГЛАВА II. Функционирование народных судов Псковской губернии после реформы 1922 г.

2.1 Деятельность судебных учреждений Псковской губернии в условиях НЭПа

Переход к реформированию судебной системы в Пскове начался в начале 1922 г., когда губернские судебные учреждения, сформировав личный состав на следующий год, приступили к поиску приемлемой модели управления. Отдел юстиции губернского исполкома прекратил существование, а вновь избранный Совет народных судей в составе «лучших работников» оказался «вполне работоспособен», чтобы приступить к деятельности в новых условиях. Его президиум получил широкие полномочия: надзор за личным составом всех подведомственных учреждений; проведение ревизионных мероприятий; созыв губернских съездов и уездных совещаний работников юстиции; организация курсов повышения квалификации, семинаров и библиотек юридической литературы в губернии; предоставление отчётов и докладов о деятельности подведомственных учреждений в губернский исполком и НКЮ; организация юридической помощи населению через коллегии защитников и путём образования подчинённых совету консультаций, бюро справок; руководство составлением списков кандидатов на должности народных судей, следователей, заседателей, защитников; ведение бухгалтерской отчётности; направление в порядке надзора дел «в Высший судебный контроль».³³¹

В уездах губернии вместо бюро юстиции образовывались совещания работников юстиции под председательством одного из народных судей, в состав которых также входили уполномоченный президиума губернского Совета народных судей и помощник прокурора губернии. Председатель совещания действовал в строгом соответствии с распоряжениями и директивами Совета. В его ведении находились хозяйственно-финансовые вопросы, наблюдение за составлением списков народных заседателей и распределение их по судам уезда,

³³¹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 968. Л. 258.

составление докладов о деятельности и нуждах органов юстиции для уездных исполкомов, созыв уездных совещаний работников юстиции, взаимодействие с милицией и рабоче-крестьянской инспекцией и губернской контрольной комиссией.³³²

Летом-осенью 1922 г. в Псковской губернии структура уездных судебных органов ещё больше упростилась. Повсеместно были упразднены уездные бюро юстиции. Совещания стали периодичным явлением, собираемым по необходимости и чаще под новым названием – «съезд уездных деятелей юстиции». Административным органом стал образованный институт уполномоченных губернского Совета народных судей (с вступлением в силу нового Положения о судоустройстве – губернского суда). В каждом уезде действовал такой уполномоченный, совмещавший в целях экономии средств одновременно должность народного судьи в уездном центре.³³³ С 15 января 1923 г. суды Псковской губернии «начали функционировать» уже в строгом соответствии с Положением о судоустройстве РСФСР от 1922 г.³³⁴ Губернский суд приобрёл структуру (председатель суда и пленум, дисциплинарную коллегия, административно-хозяйственное управление, гражданское и уголовное отделения), которая продолжала оставаться без изменений до октября 1927 г.³³⁵

С 1923 г. губернский комитет РКП(б) приступил к целенаправленному осуществлению контроля над судебными органами губернии. Главным образом это было связано с продолжавшейся политикой установления революционной законности на территории губернии, особенно во время реализации новой экономической политики, обострившей политические и социальные проблемы советского государства.³³⁶ В это время не наблюдается отождествления понятий «законность» и «революционная законность» в представлениях советских и партийных организаций, как это происходило в 1917 – 1922 г., когда в условиях

³³² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 968. Л. 258 об.

³³³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 20; Д. 260. Л. 310; Ф. 5713. Оп. 1. Д. 223. Л. 27; ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 482. Л. 13.

³³⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 972. Л. 48.

³³⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. Л. 226.

³³⁶ Рогалина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство // НЭП: приобретения и потери. М.: Наука, 1994. С. 139 – 150.

Гражданской войны и распространения власти большевиков определяющее значение приобретала стабилизация социальной обстановки страны, борьба с преступностью в самом общем смысле. С 1923 г. в документах органов юстиции «революционная законность» всё больше приобретает классовый характер и начинает восприниматься как средство и способ реализации на практике диктатуры пролетариата. «Революционная законность, - отмечалось комитетом РКП(б) Островского уезда, – одна из основ социалистического строительства, учреждение которой даёт возможность скорейшего достижения намеченных целей на пути к социализму.³³⁷

В 1923 г. уездные комитеты РКП(б) в директивной форме требовали от уполномоченных губернского суда «усилить связь и надзор за участковыми судьями».³³⁸ Для повышения эффективности мероприятий по установлению революционной законности особое внимание продолжало обращаться на партийность народных судей, что предоставляло дополнительные возможности для властей оказывать влияние на их деятельность. В Торопецком уезде было принято решение об организации ячейки РКП(б) при уполномоченном суда.³³⁹ А Островский комитет РКП(б) в январе 1923 г. предложил укрепить личный состав местных судов своими сотрудниками.³⁴⁰ В 1924 г. «в целях сохранения классового принципа нарсудов в деревне» в ряде уездов губернии было принято решение о назначении во все волостные участки партийных судей.³⁴¹ Одновременно местными административными органами продолжало оказываться давление на судебные органы. При этом оно зачастую осуществлялось под предлогом нарушения как раз классового подхода к судопроизводству, отсутствия работы по укреплению революционной законности. Несмотря на предпринятые губернским исполкомом в 1920 – 1922 гг. усилия ситуация практически не изменилась. Новое Положение о судоустройстве также содержало строгую и выдержанную систему

³³⁷ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 172. Л. 180.

³³⁸ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 149. Л. 72.

³³⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 293. Л. 60.

³⁴⁰ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 106. Лл. 1, 2.

³⁴¹ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 174. Л. 49 об.

перевыборов, отзывов и смещения судебных работников.³⁴² Руководство губернского суда в обращении к комитету РКП(б) потребовало оказать влияние на местные партийные и советские учреждения, «чтобы прекратить частые перебои судебного аппарата, вызываемые частыми смещениями», что позволит «дать устойчивость судебным работникам и тем самым поднять их авторитет в глазах населения».³⁴³ 29 мая 1923 г. губернский исполком издал инструкцию «О порядке проведения пересмотра личного состава советских учреждений и предприятий и укомплектования их пролетарским элементом»,³⁴⁴ в соответствии с которой проводились чистки и народных судов (см. Приложение 9). Инструкция носила общий характер, отличалась подробно расписанными процессуальными особенностями, способствовавшими преодолению в ходе проверки личного влияния на результат как проверяемого, так и проверяющих. Она содержала не только многоступенчатый механизм отзыва работника с привлечением партийных и советских контролирующих органов, но и чёткую процедуру обжалования решений.

Впрочем, уездные советские и партийные власти продолжали не выполнять требования ни республиканского законодательства, ни регионального руководства. В отчете губернского суда за 1923 г. назывались следующие способы влияния на местные суды со стороны уездных властей: самовольные отзывы и назначения судей, произвольное сокращение и увеличение числа судей и судебных участков, невыплата заработной платы, не предоставление средств на административно-хозяйственные расходы. Однако «неустанная борьба» органов юстиции с «этим злом» была малоэффективна из-за невнятной позиции губернского исполкома. Руководство судов прямо указывало: «Благоприятный исход получится лишь в том случае, если и губисполком произведёт соответствующий нажим на уисполкомы».³⁴⁵ Получалось, что исполнительная власть, строя новую государственную систему, в мирных условиях НЭПа

³⁴² СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

³⁴³ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 296. Л. 11.

³⁴⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1323. Л. 643.

³⁴⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1311. Л. 8.

продолжала руководствоваться методами, которые могли быть оправданны только во время Гражданской войны. Здесь показателен доклад за август 1924 г. представителя Ашевского волисполкома Новоржевского уезда, напрямую предупреждающего комитет РКП(б), что в случае отказа со стороны суда представлять информационные отчёты «будут приняты меры к убеждению».³⁴⁶ Губернский исполнительный комитет при этом требовал от народных судов устанавливать «наиболее правильные взаимоотношения с административными органами».³⁴⁷ Их стремление подчинить суд своему влиянию вызывало недоразумения и конфликты субъективного характера, «в результате коих места, руководствуясь методами революционной законности 1917 – 1919 гг., предъявляют совершенно неосновательные требования о смещении судебных работников только потому, что те или иные их действия не соответствуют усвоенной точке зрения».³⁴⁸

В сентябре 1923 г. председателю губернского суда и руководящим работникам уездных исполкомов было предписано «при выдвижении кандидатур на судейские должности строго руководствоваться принципами создания суда классового, избегая в то же время частых необоснованных отзывает».³⁴⁹ В 1923 г. было отмечено, что «суд в Холме не существует самостоятельного суда».³⁵⁰ Уполномоченный губернского суда в Новоржеве в 1924 г. выражал непонимание по поводу «запоздалых возражений» уездного исполкома по поводу избрания и утверждения в губернском исполкоме одного из судей. Отзыв и поиск нового судьи в таких условиях наносили «непоправимый ущерб работе судебных органов». Отмечал он и «в целом недоброжелательное отношение местных организаций» к отдельным работникам юстиции.³⁵¹ При этом прокуратура губернии в 1925 г. заметила, что «наблюдается ещё в некоторых случаях покровительство со стороны отдельных организаций членам ВКП(б),

³⁴⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 299. Л. 43 об.

³⁴⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 445. Л. 80 об.

³⁴⁸ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 296. Л. 11; ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1311. Л. 40.

³⁴⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1463. Л. 57.

³⁵⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1345. Л. 168.

³⁵¹ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 211. Л. 142.

совершающим уголовные преступления (вплоть до вмешательства компетенцию судебных органов и прокуратуры)».³⁵²

Не всегда претензии местных властей были необоснованными. Классовый принцип предполагал избирательное отношение к гражданам, преступившим черту закона. В народные суды губернии постоянно поступали распоряжения о необходимости проведения карательной политики в правильном направлении, в которых звучало требование: «Трудящимся дома заключённых не набивать, предоставляя таковые для паразитических элементов: кулаков, нэпманов, воров-рецидивистов, подрывающих хозяйственную мощь трудящихся». При назначении меры наказания от судей требовали учитывать условия жизни и имущественное положение подсудимого, «дабы суровостью репрессий не подорвать мощность его хозяйства».³⁵³ А в целях «облегчения беднейшему крестьянству ведения судебных дел», народным судам предписывалось использовать различные механизмы предоставления льгот при уплате судебных сборов и пошлин, вплоть до полного освобождения неимущих».³⁵⁴ Обращалось внимание судей и на борьбу с кабальными сделками в деревне.³⁵⁵ В Торопецком уезде среди лиц, привлечённых к суду в 1923 г. по уголовным делам, 90 % являлись малообеспеченными. По гражданским делам основными фигурантами были горожане, среди которых 40 % также необеспеченных.³⁵⁶

Тем не менее, в течение 1923 – 1924 гг. в губернскую контрольную комиссию неоднократно поступали сообщения от граждан о том, что в народных судах «нет защиты трудящимся, в суде берут взятки». Большинство фактов подтверждались в ходе проверок, проводимых контрольной комиссией и рабоче-крестьянскими инспекциями. Как было отмечено на пленуме контрольной комиссии в конце 1924 г.: «Дело хорошего «кума» разбирается в первую очередь, а правое дело труженика в насмешку рабоче-крестьянскому суду не месяцами, а годами не разбирается судьями-коммунистами». «О беспартийных (народных

³⁵² ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 423. Л. 9.

³⁵³ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 174. Л. 217.

³⁵⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 466. Л. 230.

³⁵⁵ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 173. Л. 315а.

³⁵⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 293. Л. 313.

судьях — авт.) говорить, конечно, пока и не следует, а просто чистить», - призвал председатель комиссии.³⁵⁷

На 1 октября 1923 г. в губернии насчитывалось 49 судебных участков, а в ноябре уже 52. НКЮ РСФСР рекомендовал губернскому суду в приграничных уездах создать дополнительные камеры по разбору дел о контрабанде и незаконном пересечении границы.³⁵⁸

Хозяйственная работа различных бюро юстиции уже в 1922 г. проходила со значительными затруднениями. С 1 июня 1922 г. они были переведены на финансирование уездных бюджетов, которые оказались не готовы к новой нагрузке. В результате отдел юстиции предпринял попытку временного, до 1 сентября, самофинансирования за счёт средств, которые составляли доходные статьи судов, исправительных учреждений и нотариусов – судебные пошлины, гербовый и канцелярский сборы, штрафы, нотариальные сборы, доходы мастерских исправительных домов.³⁵⁹ В 1923 г. состояние существенно не улучшилось. Негативное влияние на повседневную деятельность судей и на их отношения к профессиональным обязанностям оказывали тяжёлые условия, в которых они были вынуждены работать.³⁶⁰ Работники судов в обращениях в губернский центр неоднократно сообщали об острой необходимости в помещениях. В частности, в Великих Луках двухэтажное здание суда находилось в непригодном для эксплуатации состоянии. Второй этаж был «разрушен и необитаем», первый не имел «печей и вторых рам». С наступлением зимы судьи на свои средства вставили стёкла, «установили пару небольших чугунок». При этом в городе находилось в хорошем состоянии здание дореволюционного суда, занятое местными исполнительным комитетом и комитетом РКП(б). Выездные сессии губернского суда в этом уезде также не получали «мало-мальски приличного помещения и ютились в малых, тёмных и сырых, случайно

³⁵⁷ ГАНИПО. Ф. 2, Оп. 1. Д. 233. Л. 128; Отчёт за 1923 – 1924 хозяйственный год XIV губернскому съезду советов. Псков: Псковский губернский исполнительный комитет, 1925. С. 204.

³⁵⁸ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1311. Лл. 7, 10.

³⁵⁹ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 3. Лл. 28, 111; Д. 4. Лл. 63 об., 67; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 968. Л. 159.

³⁶⁰ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 842. Л. 36.

отведённых помещениях».³⁶¹ В это же время в уезде произошло сокращение камер народных судей с 11 до 8, возможно, из-за недостатка финансирования. Тем не менее, ими до 1 октября было принято в производство 5423 уголовных, 1803 гражданских дела.³⁶²

В Пскове суды также не имели приспособленных мест для размещения. Несвоевременно поступали средства на текущие расходы и специальная литература. Однако, несмотря на все трудности, судьи Псковского уезда продолжали «сознательно и энергично исполнять возложенные задания по борьбе со всеми мешающими мирному труду и процветанию республики трудящихся». В первую очередь ими разбирались дела «государственного значения»: контрабандные, лесорубочные, дезертиров и по выгонке самогона. За январь-октябрь 1923 г. в производство поступило 7581 уголовное и 1789 гражданских дел.³⁶³

Деятельности судей Порховского уезда также препятствовало постоянное отсутствие денежных средств на хозяйственные расходы, «ибо те, кои отпускались, едва покрывали нужды канцелярии уполномоченного губернского суда и двух участков народного суда, расположенных в г. Порхове». На зиму 1923 – 1924 гг. не было закуплено топливо. По сообщению из уезда: «Во многих участках отсутствуют совещательные комнаты, а весь суд занимает лишь одну комнату. Превращение же канцелярии в судебный зал, в совещательную, и выгонять в зимнее время публику недопустимо».³⁶⁴ В связи с такой сложной ситуацией в уездах губернским комитетом РКП(б) было принято решение об издании циркуляра «по советской и партийной линии об оборудовании камер народных судей».³⁶⁵

В соответствии с декретом ВЦИК от 4 февраля 1924 г. с 24 марта в состав Псковской губернии вошли три уезда Витебской губернии Белорусской ССР – Велижский, Невельский и Себежский. В начале апреля туда была направлена

³⁶¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 448. Лл. 5, 5 об.

³⁶² ГАНИПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 15. Лл. 18, 37.

³⁶³ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 149. Лл. 75, 75 об.

³⁶⁴ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 555. Л. 34.

³⁶⁵ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 154. Л. 160; Ф. 109. Оп. 1. Д. 360. Л. 155.

специальная комиссия, которая по возвращении представила в губернский исполнительный комитет доклад об обследовании судебных участков. Она выявила, что в Велижском уезде уполномоченным губернского суда работает бывший городской голова, беспартийный, имеющий удовлетворительные взаимоотношения с органами власти. Однако у большинства служащих оказались «сложные личные отношения с ответственными работниками». Имели место даже случаи исключения народных судей из партии. Непростой была ситуация и с помещениями судебных камер. В 7 судебных участках уезда на 1 марта имелось 860 уголовных и 364 гражданских дела. В других уездах положение народных судов оказалось лучше. В Невеле в 6 судах в производстве находилось 424 уголовных и 120 гражданских дел. Взаимоотношения с органами исполнительной власти и партийными организациями были «хорошие». В целом, от уезда «впечатление осталось хорошее», все работники юстиции были «на своих местах». Аналогичная ситуация была и в Себеже, где в 6 участках на 1 марта оставалось 662 уголовных и 247 гражданских дел, а качество кадрового состава оказалось «удовлетворительное».³⁶⁶

В начале января 1924 г. на бюро Псковского губернского комитета РКП(б) был заслушан секретный доклад о деятельности судебных органов, из которого следовало, что «работа за истекший год, хотя и велась с достаточной интенсивностью и заметны некоторые улучшения, достигнутые результаты недостаточны».³⁶⁷ На территории губернии после территориальных приобретений и внутренней реорганизации насчитывалось 64 судебных района.³⁶⁸ Ими в течение года было рассмотрено 65933 уголовных и 13800 гражданских дел, из которых 6970 и 1518 соответственно поступили в губернскую кассационную инстанцию.³⁶⁹ В отдалённых уездах «в целях приближения суда к населению», и экономии средств и времени уполномоченным губернского суда было представлено право разбора дел губернской подсудности (в Новоржеве, Холме,

³⁶⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 448. Лл. 3, 3 об., 4, 5.

³⁶⁷ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 167. Л. 10.

³⁶⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 448. Л. 226 об.

³⁶⁹ Отчёт за 1923 – 1924 хозяйственный год XIV Губернскому съезду советов. С. 205.

Невеле, Себеже и Велиже).³⁷⁰ В Себежском уезде в 5 судебных камерах с 1 января по 1 мая 1924 г. было разобрано 87 дел о тайном винокурении и 68 о контрабанде, 215 о незаконной рубке леса.³⁷¹ В ноябре 1924 г. в Псковском уезде было 8 участков.³⁷² В Новоржевском уезде на 16 апреля 1924 г. функционировали 5 судебных участков.³⁷³ В течение этого же года в Опочке, по заявлению местного руководства, во всех пяти судебных участках «карательная политика проводилась с применением революционной совести и классового происхождения преступника». Однако была выявлена «слабая связь с партийными организациями».³⁷⁴ В январе же 1925 г. Опочецкий исполком проводимую судами «в сторону снижения наказания карательную политику признал правильной», призвав «строго руководствоваться классовыми принципами при наложении наказания, направляя острие карательной политики в сторону чуждого советской власти элемента». Особое внимание партийные и советские уездные учреждения по-прежнему обращали на взаимодействие народных судов с волостными исполкомами и комитетами РКП(б), на расширенных пленумах которых судьи были обязаны «выступать с докладами не реже двух раз в год».³⁷⁵ Это виделось способом преодоления «слабой связи» с ними. В сентябре 1924 г. была отмечена «повышенная потребность политического развития судебных работников». Губернский суд потребовал при выборах народных судей и заседателей следить, чтобы не проходили «элементы явно враждебные советской власти». Также было предложено углубить работу судов в плоскости классового подхода при рассмотрении дел, стремиться всемерно к облегчению участи рабочих и крестьян, совершивших преступление по неосознанности или в силу стечения тяжёлых обстоятельств.³⁷⁶

В июле 1924 г. в Новоржеве действовало 6 судебных участков с «удовлетворительным составом» – пятью партийными судьями, которые

³⁷⁰ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 262. Л. 295.

³⁷¹ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 80. Л. 60; Д. 81. Лл. 25 об., 26.

³⁷² ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 497. Л. 89 об.

³⁷³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 384. Л. 40.

³⁷⁴ ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 326. Л. 239; Д. 404. Лл. 54, 57.

³⁷⁵ ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 570. Лл. 31, 32.

³⁷⁶ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 198. Л. 153.

пользовались доверием крестьянских масс. Народные суды этого уезда не испытывали, «благодаря исполкому», финансовых затруднений. В Себежском уезде на начало 1924 г. имелось 6 народных судов и 4 дежурных контрабандных камеры. Год спустя их количество сократилось до пяти и одной соответственно.³⁷⁷

В Велижском уезде, несмотря на проблемы с помещениями, за десять месяцев 1924 г. в производство пяти судебных участков поступило 4882 уголовных и 1260 гражданских дел.³⁷⁸

Одним из направлений работы по распространению и установлению законности с 1923 г. стало проведение показательных процессов и выездных сессий судов на местах совершения преступлений.³⁷⁹ Через постоянную и систематическую работу суда массы должны были познавать начала советского права. Народный суд, являясь элементом системы государственного управления, был «призван не только судить, но и воспитывать», «внедрять идеи советской законности». Для этого было необходимо, чтобы суд «не бюрократизировался, т.е. не замыкался в себе, а вел свою работу на виду у граждан». Особенно важным это казалось при рассмотрении дел о незаконных абортах, изготовлении самогона. Средством реализации этого подхода являлись показательные процессы, которых «до настоящего времени за недостатком средств было мало». Уездным и волостным исполнительным комитетам предписывалось также «всемерно способствовать организации выездных сессий».³⁸⁰

Инициатива в этом вопросе исходила, как правило, от губернского или уездных комитетов РКП(б). Именно они требовали, «учитывая, что разбор дел, имеющих общественное значение, на месте преступления даёт воспитательное значение», переносить судебные заседания «на места, в деревню».³⁸¹ Судьям предлагалось активнее «приближать суд к населению», организовывая показательные процессы и выезжая для разбора дел в крупные центры

³⁷⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 528. Лл. 127, 201.

³⁷⁸ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1530. Л. 50.

³⁷⁹ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 174. Л. 217; Ф. 109. Оп. 1. Д. 145. Л. 29.

³⁸⁰ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

³⁸¹ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 170. Л. 150.

волостей.³⁸² «Хорошо проведённый показательный процесс в самой гуще бедняцких и середняцких масс стоит десятка посредственных докладов и больше увеличит беспартийный актив, чем любая инсценировка суда, к которой иногда, но без надобности, прибегают на местах в то время, как в исправдомах содержится и ожидает суда много растратчиков, конокрадов, прочих нарушителей спокойной трудовой жизни. Процессы показали бы массам, что у них в лице суда есть защитник, достаточно могучий и твёрдый, чтобы оградить их и покарать виновных», - отмечалось также судебным руководством.³⁸³ В планах народных судов на 1924 г. была обозначена необходимость «вести более планомерную и постоянную борьбу с преступностью, в частности, с самогонкой, хулиганством и кражами, усилив репрессию» по указанным преступлениям.³⁸⁴ За этот год судами было организовано 53 выездных сессии, которыми было разобрано 1189 дел.³⁸⁵ В мае 1925 г. прокуратура губернии также потребовала от уполномоченных губернского суда «оживить работу нарсудов в целях проявления ими собственной инициативы, как в устройстве показательных процессов, так и внедрения революционной законности среди широких масс».³⁸⁶ Беднейшему крестьянству по-прежнему продолжали создавать условия для обращения в суд: в их отношении предлагалось использовать право отсрочки, рассрочки и даже полного освобождения неимущих от уплаты судебных сборов и пошлин.³⁸⁷ Правда, в этом направлении в 1925 г. был выявлен ряд нарушений. Освобождения сторон от пошлин зачастую происходило «на основании удостоверений волостных исполкомов, сельских советов, милиции». Тогда как факт отсутствия средств должен был устанавливаться «только в судебном порядке».³⁸⁸

В феврале 1925 г. губернским судом в Холмском уезде была организована сессия по нескольким резонансным делам (избиения крестьян и поджог уездного отдела милиции). Её возглавил лично председатель губернского суда, из Пскова

³⁸² ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 692. Л. 24.

³⁸³ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 13. Л. 84.

³⁸⁴ ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 570. Л. 25.

³⁸⁵ Отчёт за 1923 – 1924 хозяйственный год XIV Губернскому съезду советов. С. 207.

³⁸⁶ ГАНИПО.Ф. 9. Оп. 1. Д. 500. Л. 121.

³⁸⁷ ГАНИПО.Ф. 9. Оп. 1. Д. 192. Л. 178.

³⁸⁸ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.

были направлены народные заседатели «для более беспристрастного разрешения дел». Губернский комитет РКП(б) предложил «поставить процесс» с привлечением широких масс крестьянства, а председательствующему применить «самую суровую меру наказания». Показателен факт отношения представителей советской власти к выездным сессиям, оценки ими значения подобных мероприятий – процесс предполагается именно «поставить». Как представляется, идеологическую направленность выездных сессий, их прямое предназначение определяется неоднократным и последовательным использованием глагола «поставить», придавая судебному заседанию определённую искусственность и тенденциозность, направленные на достижение политических целей всего действия.³⁸⁹ Весной 1925 г. судами губернии был проведён ряд выездных сессий по делам о растратах в кооперации и государственных учреждениях.³⁹⁰ Однако имели место случаи неудачной «постановки» процессов, проводимых, как правило, уездными судами. Так, например, в Порховском уезде в конце 1922 – начале 1923 гг. была проведена «продналоговая кампания». Ввиду неподготовленности, срочности работы приговоры выносились без соблюдения требуемых законом «форм и обрядов судопроизводства, а дела перепутали так, что губсуд не в силах был их распутать». В конечном итоге «громадный процент этих дел пошёл на отмену».³⁹¹

Провели в губернии и «ударные кампании» по борьбе с экономическими преступлениями, выгонкой самогона, злоупотреблением властью.³⁹² В Псковском уезде в 1925 г. было 18 процессов, из которых 11 с выездом на места совершения преступлений. Под особым вниманием общественности оказались дела о хулиганстве, конокрадстве, убийствах и о проведении незаконных абортов.³⁹³ В Опочке от комитета ВКП(б) звучали призывы «усилить постановку показательных процессов в деревне над кооперативными растратами и по бытовым преступлениям, усилить репрессии к явной контрабанде, соблюдая

³⁸⁹ ГАНИПО. Ф.1. Оп. 3. Д. 464. Л. 33.

³⁹⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 469. Л. 39; Д. 508. Лл. 103, 119.

³⁹¹ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 555. Л. 34.

³⁹² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 466. Л. 139. Ф. 100. Оп. 1. Д. 238. Л. 7.

³⁹³ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 545. Л. 208.

строго классовую линию».³⁹⁴ Аналогичные требования были предъявлены и судам в Невеле.³⁹⁵ В Великолукском уезде в 1926 г. показательные процессы «устраивались иногда, нет средств».³⁹⁶ В августе 1926 г. «эпидемия растрат, представляя серьёзную угрозу для экономической и политической мощи республики» вызвала острую необходимость принятия «мер исключительного характера». От судов требовали проведения «суровых репрессий независимо от социального происхождения, революционных заслуг и партийной принадлежности растратчика».³⁹⁷

В секретной докладной записке от 7 июня 1925 г. председатель губернского суда сообщил секретарю Псковского губернского комитета РКП(б) о существенных проблемах, встающих перед народными судами губернии при реализации целенаправленного и систематического установления законности среди населения (см. Приложение 6). Оказалось, что «слаба связь народного суда с губернским, и совершенно этой связи нет губернского суда с Верховным судом, а если есть, то шаблонно-бумажная. Суд второй инстанции слишком формален, нередко далёк от того, что переживают места по тому или другому конкретному делу». Приводимые председателем губернского суда факты свидетельствуют о системных сбоях в работе суда и исполкомов губернии, об отсутствии «живой тесной работы, не на бумаге, всех проводящих, внедряющих революционную законность».³⁹⁸

В 1926 г. на пленуме губернского суда было заявлено, что карательная политика народных судов «за последнее время в достаточной мере не получила правильного выполнения, и положение это ненормально». Судами губернии за 1924 г. было осуждено 78732 человек, из которых 5535 условно, а 16183 - к принудительным работам.³⁹⁹ При этом руководство губернии выявило «решающие ошибки, допускаемые судом при рассмотрении ходатайства об

³⁹⁴ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 141. Л. 97.

³⁹⁵ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 149. Л. 25.

³⁹⁶ ГАНИПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 125. Л. 6.

³⁹⁷ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 13. Л. 69.

³⁹⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 111; Д. 294. Лл. 111, 112.

³⁹⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 897. Л. 5.

условно-досрочном освобождении». Органами ОГПУ и комитетом ВКП(б) было заявлено, что «в этом вопросе судом нарушается применение классового принципа, в результате чего осуждённые к изоляции на длительные сроки ловкие нэпманы путём различных ухищрений добиваются досрочного освобождения, отбыв совсем незначительную определённого судом срока наказания». Имели место случаи досрочного освобождения осуждённых с отрицательными отзывами администрации исправительных учреждений.⁴⁰⁰ В 1925 г. произошло резкое сокращение количества осуждённых – 23348, из которых 3959 условно, 5223 к принудительным работам.⁴⁰¹ Одновременно в это же время в губернии отмечался рост «хулиганства в сельской местности».⁴⁰² За 8 месяцев 1926 г. было осуждено только 12253 человека, из которых 1152 условно, а 2226 к принудительным работам. Однако по-прежнему «истинный смысл и значение условного лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей» ни осуждёнными, ни населением правильно не воспринимались. Гражданами не было «усвоено содержание проводимой судами карательной политики», которая «недостаточно отражает действительные намерения рабоче-крестьянской власти». Народные судьи некачественно вели разъяснительную работу с населением, не доносили смысла назначения новых для страны мер наказания. Отмечалось, что они «есть не что иное, как ставка на психику осуждённого посредством длительного нанесения воздействия во время испытательного срока, в течение которого у испытуемого должны вырабатываться необходимые навыки для пребывания в обществе». Как представляется, сами народные судьи не всегда имели ясное представление об эффективности и правильной последовательности при назначении гражданам РСФСР наказаний, не влекущих заключения под стражу. Осложнял ситуацию и классовый подход. Условное наказание, как следовало в разъяснении губернского суда, «применимо далеко не ко всякому, а лишь к такому случайному преступнику, который достаточно развит, не испорчен, чтобы

⁴⁰⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 312. Л. 142.

⁴⁰¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 897. Л. 5.

⁴⁰² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 622. Л. 21.

понять, что его осудили, а не оправдали».⁴⁰³ Судебная система в некоторой степени стала заложницей принципа, озвученного судьями Опочецкого уезда, – проведение карательной политики «согласно существующим законоположениям *и с применением* (курсив – авт.) революционной совести и классового происхождения преступника».⁴⁰⁴ На практике «подавляющая масса» условно осуждённых «по своему невежеству» вынесенный приговор воспринимала оправдательным и «меньше всего думает о не повторении преступления». «Не мудрено, что при таких условиях у населения начинает складываться убеждение о безнаказанности преступников», - констатировали руководство советских и партийных органов губернии.⁴⁰⁵ От судей ожидали «применения лишения свободы в деревне в крайних случаях», обращали их внимание на то, чтобы не происходило «ослабления общей линии карательной политики», а также просили изыскивать возможности «усиления её там, где это будет необходимо».⁴⁰⁶ Например, в Опочке судьям было предложено «рассматривать дела всесторонне, как с политической, так и с экономической стороны, учитывая степень опасности и общественное значение преступления».⁴⁰⁷ Отсутствие должным образом организованной просветительской работы периодически в отдельных уездах губернии вызывало конфликты народных судей и с населением, и с местной властью. Так, в Островском уезде было проведено за первую половину 1927 г. 16 показательных процессов, результаты которых местному населению показались сомнительными. Большинство осуждённых за достаточно широко распространенные преступления (хулиганство, убийства на бытовой почве, выгонка самогона) освобождались условно-досрочно. Однако народные судьи рост подобных правонарушений обосновывали следующим образом: «Мы сажаем, а исправдома выпускают раньше времени хулиганов и поножовщину».⁴⁰⁸

В связи распространенности подобных явлений президиум губернской

⁴⁰³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 897. Л. 5.

⁴⁰⁴ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 141. Л. 306.

⁴⁰⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 897. Л. 5.

⁴⁰⁶ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 849. Лл. 27, 28.

⁴⁰⁷ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 141. Л. 303.

⁴⁰⁸ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 185. Л. 71.

контрольной комиссии предложил «через соответствующие партийные и советские органы принять меры к их изжитию».⁴⁰⁹ Напоминало о проведения строгой карательной политики в отношении квалифицированных преступников и чуждого элемента» и губернское судебное руководство.⁴¹⁰ Предлагалось «усилить революционную законность» и реагированием на случаи эксплуатации крестьян и батраков.⁴¹¹

Для разрешения возникающих у населения вопросов в области права и профилактики правонарушений губернский суд приступил к организации целенаправленной общественной работы народных судей. Именно она должна была стать средством преодоления юридической неграмотности масс. Были предложены следующие формы взаимодействия с населением: проведение встреч; организация докладов на различных собраниях и сходах, на предприятиях; ведение просветительской деятельности через созданную разветвлённую сеть кружков, бюро, консультационных столов при избах-читальнях. Одновременно правовое просвещение населения в глазах власти приобрело идеологическое значение и оказалось направлено на решение политических задач: выявление отношения «сельских масс» к советской власти, привлечение «бедняцких и середняцких слоёв сельского населения на сторону пролетариата». Для успешной реализации этого направления деятельности губернский суд обещал усовершенствовать внутриведомственную работу, бороться с произволом, взяточничеством, грубым отношением и волокитой в подведомственных учреждениях.⁴¹² Ещё в 1924 г. инспекторы-ревизоры НКЮ РСФСР вынесли предписание об организации юридического кружка при губернском суде, «для участия в коем привлечь всех наличных судработников».⁴¹³ В течение 1925 г. губернский исполком неоднократно напоминал о необходимости «проведения работы по внедрению революционной законности в широкие массы посредством

⁴⁰⁹ ГАНИПО. Ф. 6077. Оп. 1. Д. 368. Л. 34.

⁴¹⁰ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 141. Л. 305.

⁴¹¹ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 952. Л. 280.

⁴¹² ГАПО, Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 13. Л. 84.

⁴¹³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 448. Л. 226 об.

устройства лекций, докладов».⁴¹⁴ Для повышения эффективности этих мероприятий от судей требовали на крестьянских собраниях не читать «доклады с цифровыми данными – это не интересно», а указывать на конкретных примерах, «за что сажают в исправтруддома».⁴¹⁵

В Новоржеве в уже марте 1924 г. было принято решение об организации справочно-юридических бюро «для дачи разъяснений госучреждениям».⁴¹⁶ С сентября при канцелярии уполномоченного губернского суда в уезде заработала юридическая консультация.⁴¹⁷ При всех пяти судебных участках Себежского уезда помощь населению оказывалась в виде «консультаций, советов и разъяснений», в том числе с выездами уполномоченного губернского суда и членов коллегии защитников в волости и г. Пустошку. С марта 1925 г. в Себеже организовали постоянный юридический кружок, целью которого была популяризация советского законодательства «посредством докладов на крестьянских собраниях и сходах по волостям». На местах юридическую помощь оказывали народные судьи. Эта схема работы с населением местным уездным комитетом РКП(б) была признана «удовлетворительной».⁴¹⁸ В Опочке при выездах на места судьями производилось «инструктирование сельских избачей по вопросам советского права».⁴¹⁹ В Невеле, по замечанию уполномоченного губернского суда, крестьянство было «мало знакомо с судебными законами».⁴²⁰ В результате в уезде при волостных исполкомах создали бюро юридической помощи. Однако они оказались недостаточно востребованы населением. В связи с чем, «в целях приближения суда к населению» от народных судей начали требовать «широко практиковать выступления по советскому праву на крестьянских собраниях, отчётные доклады в ВИКах и сельсоветах», «обращать серьёзное внимание на устройство показательных процессов, тщательно подбирая

⁴¹⁴ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 848. Л. 8 об.

⁴¹⁵ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 141. Лл. 302, 306.

⁴¹⁶ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 266. Л. 28 об.

⁴¹⁷ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 200. Л. 63.

⁴¹⁸ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 82. Л. 187; Д. 84. Л. 215.

⁴¹⁹ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

⁴²⁰ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 149. Л. 25.

и подготовляя дела».⁴²¹ В Торопецком уезде работники суда и прокуратуры совершали совместные выезды в каждую волость, «не менее двух раз ежемесячно». На массовых собраниях «ставились доклады о революционной законности, карательной политике, о задачах суда и участии в нём народных заседателей», рассматривались вопросы гражданского и семейного права, особенности административного, трудового, земельного и лесного законодательства. В мероприятиях принимало участие до 400 крестьян.⁴²²

В январе 1926 г. губернский комитет ВКП(б) разработал директиву, в соответствии с которой организовали комиссию по пропаганде советского права и оказанию юридической помощи населению в составе губернского прокурора, председателя губернского суда, представителей губернского комитета просвещения, губернского профсоюза, представителя коллегии защитников. В уездах создавались аналогичные организации, которым в волостях подчинялись кружки по изучению и пропаганде юридической помощи населению.⁴²³ Директива была призвана систематизировать проводимую просветительскую работу судов, создать единую и однородную систему юридической помощи гражданам. К декабрю в Пскове кружки хотя и были организованы, но не приступили к ещё работе, а в уезде ещё находились в процессе создания. В сельской местности их создавали при избах-читальнях.⁴²⁴ Однако по сообщениям самих судей Псковского уезда в течение 1925 г. ими проводились беседы с крестьянами о строительстве советской власти, о перевыборах сельских советов, об уголовном и гражданском праве, о правовых вопросах полеводства и огородничества, общественной запашки земель.⁴²⁵

Тем не менее, руководство губернии качество проведения судьями общественной работы оценивало не высоко, предоставляемой в Псков отчетной документации не доверяло. Было отмечено, что большинство ограничилось «простой канцелярской отпиской», которая содержала сухое перечисление

⁴²¹ ГАНИПО. Ф. 6077. Оп. 1. Д. 304. Л. 26.

⁴²² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 630. Л. 54.

⁴²³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 668. Л. 34.

⁴²⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 697. Лл. 177 – 180.

⁴²⁵ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 545. Лл. 53, 208, 208 об., 209.

докладов и лекций, с указанием тем и мест выступления. Как правило, систематическую общественную работу вели «почти исключительно только судьи-партийцы».⁴²⁶

Недостатки были обусловлены тем, что губернский суд не осуществлял «надлежащего руководства» по активизации общественно-политической работы народных судей. Периодически издавались и распространялись директивы «общего характера», которые не воспринимались как обязательные для исполнения. Не наблюдалось и системной работы со стороны и судебных работников, и губернского руководства. Не использовался в печати политико-идеологических целях «громадный бытовой материал», имеющийся у судей. Ими при проведении приёма населения в своих камерах и консультационных столах «не всегда проявлялась достаточная внимательность и чуткость», зачастую они ограничивались «формально-безразличными действиями». Председателю губернского суда было предложено обратиться «с товарищеским письмом» к народным судьям, в котором объяснить им необходимость «самого внимательного отношения к нуждам крестьян, учитывать их темноту и правовое невежество, разъяснять им советские законы и правила ведения дел».⁴²⁷ Пленум губернского суда 16 ноября 1926 г. издал постановление «Об общественной работе судебных работников и приближении суда к населению» (см. Приложение 14). В соответствии с ним народные судьи Псковской губернии должны были проводить её целенаправленно и систематически. До выхода документа подобная деятельность воспринималась как непрофильная, выполняемая лишь в силу определённых обстоятельств. Наряду с рядом идеологических посылов предлагались решения, выработанные на практике, которые не позволяли судебным работникам превратить ее во второстепенное и исполняемое от случая к случаю явление.⁴²⁸

По данным прокуратуры в Островском уезде в 1926 г., в области оказания народными судьями юридической помощи были «достигнуты вполне

⁴²⁶ Десять лет власти Советов в Псковской губернии. С. 125.

⁴²⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 565. Лл. 123 об., 124, 125.

⁴²⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 897. Лл. 15, 16.

положительные результаты». Бюро комитета РКП(б) также оценило работу по созданию кружков «организационно законченной». «При каждой волости» были образованы правовые комиссии, на базе которых для деревенской бедноты «проведено 16 докладов о законодательстве и революционной законности». Успехи особенно показательны по сравнению с данными за 1925 г., когда выезды в отдалённые населённые пункты уезда отсутствовали, была плохо организована пропаганда советского права.⁴²⁹ В Великолукском уезде судьи также включились в общественную работу, были проведены: дискуссия «Брак, семья, опека», отчётные доклады на пленумах волостных исполкомов, сельских советов, проводились собрания народных заседателей, организованы юридические кружки в волостях. Однако здесь они столкнулись с трудноразрешимой проблемой: «Желание работать есть, но волостные организации не обращают на нас должного внимания. Местами даже не считают нужным заслушивать доклады. Если нужно кого-либо выселить из народных судей, то тогда местные организаторы проявляют особую инициативу». Однако сами представители исполнительных органов заявили в ответ, что это происходит «по вине самих судебных работников, которые не проявляют инициативы». И в таких условиях работники юстиции проводили «классовую политику при неуклонном и последовательном соблюдении классового подхода», боролись «с хулиганством довольно энергично».⁴³⁰ Судьи Новоржевского уезда также достаточно активно занимались общественной работой, ими за первое полугодие 1926 г. было прочитано на различных собраниях и сходах населения 25 докладов по вопросам революционной законности и советского права, а также 19 отчётных докладов на заседаниях, съездах и пленумах уездных и волостных партийных и советских органов.⁴³¹ В дальнейшем судьям губернии предлагалось действовать с той же интенсивностью, увеличивать и углублять «внедрение революционной законности».⁴³²

⁴²⁹ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 170. Л. 150.

⁴³⁰ ГАНИПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 131. Лл. 87, 87 об., 88, 88 об.

⁴³¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 701. Лл. 374, 379.

⁴³² ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 174. Л. 159; Д. 185. Л. 72.

Для оценки работы народных судей губернии и определения качества их губернским судом был разработан «Отчётный опросник о работе судебных органов в деревне за 1925 г. и первый квартал 1926 г. (январь-март)» (см. Приложение 11). В нём собиралась подробная информация об организации выездных сессий и показательных процессов судами губернии, оказании юридической помощи населению, о работе среди народных заседателей. А секретариат губернского комитета ВКП(б) на заседании от 24 июля 1926 г. распространил по партийным организациям требование об усилении руководства судебными органами в «части проведения революционной законности в жизнь с последующей проверкой выполнения».⁴³³ А президиум Холмского уездного исполкома 21 августа 1926 г. предложил уполномоченному губернского суда: «Усилить работу работников судебного аппарата, дав им живое руководство путём личных выездов на места».⁴³⁴

В 1926 г. работа народных судов Псковской губернии проходила напряжённо и со значительными затруднениями, прежде всего экономического характера, вызванными несвоевременным и неаккуратным финансированием со стороны местных советских финансовых органов. Суды из-за отсутствия средств не выплачивали зарплаты служащим, испытывали недостаток канцелярских товаров, остро нуждались в текущем ремонте. Более того, в адрес ряда судей трудовыми сессиями народных же судов были вынесены предписания за нарушение трудового законодательства (несвоевременная выплата заработной платы канцелярским служащим судов).⁴³⁵ В уездах отсутствовала специальная литература, недоставало канцелярских принадлежностей, дров.⁴³⁶

В Опочецком уезде, по сообщениям судей, «хозяйственная часть хромала»: камера народного судьи в посёлке Пушкинские горы располагалась в помещении, в котором «почти не имелось стёкол»; были участки, в зале заседаний которых «вообще отсутствует инвентарь». Судьи отмечали: «Нужного впечатления на

⁴³³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 669. Л. 237.

⁴³⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 116. Л. 335.

⁴³⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 897. Л. 71; Ф. 100. Оп. 1. Д. 238. Л. 7.

⁴³⁶ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 141. Л. 305.

преступников создать не представляется возможным, ведь впечатление на них оказывает не только суровость приговора, но и окружающая обстановка».⁴³⁷ В июне 1926 г. в Великолукском уезде работали 9 участков. Все суды в городе (1, 2, 3 и 8-я камеры) «до некоторой степени были обеспечены инвентарём». В волостях ситуация была сложнее: помещения были «абсолютно непригодны, требовали громадного ремонта»». Выделенных средств на хозяйственные нужды оказалось недостаточно, зимой 1925 – 1926 гг. «сотрудники сидели в холодных помещениях». Тем не менее, с 1 января по 1 июня в судьи приняли в производство 1264 уголовных, 3505 гражданских дел.⁴³⁸

Продолжала изменяться и сеть судебных участков: за период с октября 1925 по октябрь 1926 гг. их численность сократилась с 70 до 64.⁴³⁹ Так, с января 1926 г. в Псковском уезде работало уже не восемь, а только четыре. За период с октября 1924 г. по октябрь 1925 г. в них рассмотрели 5564 уголовных и 165 гражданских дел. Под руководством уполномоченного губернского суда за год было проведено 4 уездных совещания работников юстиции, на которых участники ознакомились с текущими изменениями законодательства, с принципами распространения революционной законности, особенностями проведения народными судьями политико-просветительской работы среди населения.⁴⁴⁰ В Себеже в январе 1925 г. в имеющихся шести камерах народных судей в производстве находилось 710 уголовных и 322 гражданских дела.⁴⁴¹ Год спустя в уезде функционировало уже 5 судебных камер, которыми за январь-февраль было рассмотрено 394 уголовных и 455 гражданских дел. Здесь, в отличие от других уездов, «во взаимоотношениях с административными органами наблюдались стремление к контактной работе и поддержка материально и морально».⁴⁴² В Новоржевском уезде на первую половину 1926 г. насчитывалось также 5 судебных участков.⁴⁴³ Судами

⁴³⁷ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 138. Л. 63.

⁴³⁸ ГАНИПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 125. Л. 6.

⁴³⁹ Отчёт за 1925 – 1926 хозяйственный год XVI Губернскому съезду советов. Псков: Псковский губернский исполнительный комитет, 1927. С. 87.

⁴⁴⁰ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 545. Лл. 53, 208, 208 об., 209.

⁴⁴¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 627. Л. 8.

⁴⁴² ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 200. Л. 74.

⁴⁴³ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 240. Лл. 55, 236 об.

Велижского уезда было получено в производство 2324 гражданских и 2708 уголовных дел. По уголовным делам привлекли к ответственности 2790 человек, из которых 1866 осуждено.⁴⁴⁴

Несмотря на сложившиеся условия, в суды губернии за 1926 г. поступило в производство 28334 уголовных и 35564 гражданских дела, из которых 4938 и 3766 соответственно было рассмотрено в кассационном порядке губернским судом.⁴⁴⁵

Применительно к реализации на территории губернии классового подхода в судопроизводстве и установления революционной законности в начале января 1926 г. в народные суды был направлен циркуляр, затрагивающий главным образом организационный процесс подготовки дел, назначенных на пересмотр в губернскую кассационную инстанцию (см. Приложение 12). А 29 апреля 1926 г. председатель губернского суда разослал директивное письмо, в котором звучало требование оптимизации деятельности и экономии средств, выделяемых государством на функционирование судебной системы, путём качественного улучшения работы судей (см. Приложение 13). Освобождение судов от рассмотрения «маловажных дел», сокращение количества «кассируемых» материалов, имело целью сосредоточить их внимание на борьбе «с социально и общественно опасными действиями, угрожающими основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».⁴⁴⁶ За рядом прагматичных и практически выверенных замечаний и требований в адрес народных судей скрывалась очередная попытка решения вопроса об установлении революционной законности в губернии. Одновременно в 1926 г. в судах некоторых уездов имели место случаи недопущения защитников на судебное заседание, в том числе, когда обвиняемым выступал представитель национальных меньшинств, плохо понимавший русскую речь.⁴⁴⁷ В Велижском уезде было выявлено, что судебные работники «вместо того, чтобы быть примерными проводниками революционной

⁴⁴⁴ ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 533. Л. 211 об.

⁴⁴⁵ Отчёт за 1925 – 1926 хозяйственный год XVI Губернскому съезду советов. С. 88.

⁴⁴⁶ ГАПО. Ф. Р-180 ОАФ. Оп. 1. Д. 9. Л. 91.

⁴⁴⁷ ГАПО. Ф. Р-180 ОАФ. Оп. 1. Д. 9. Лл. 6, 110.

законности» имели «личную заинтересованность в кооперации».⁴⁴⁸ По результатам ревизии, проведённой председателем губернского суда в уезде, было установлено, что дела о преступлениях, связанных с хулиганством, драками прекращаются за примирением сторон, в том числе, когда эти преступления совершены из явно хулиганских побуждений. А в Островском уезде обнаружили «слабый классовый подход к делам о хулиганстве», судьям было предложено прекратить практику досрочного освобождения осуждённых за подобные правонарушения.⁴⁴⁹ Холмский уездный исполком на заседании президиума от 21 августа 1926 г. поручил уполномоченному губернского суда: «Усилить карательную политику по делам о бытовых преступлениях, стремясь к более частой постановке показательных процессов».⁴⁵⁰ В Торопецком уезде в начале 1927 г. было проведено межведомственное совещание по борьбе с преступностью и ускоренном рассмотрении дел о хулиганстве и шинкарстве.⁴⁵¹

От комитетов РКП(б) также поступали настоятельные рекомендации об обращении особого внимания народными судьями к случаям эксплуатации бедняцких хозяйств.⁴⁵² В Новоржеве, по мнению местного партийного руководства, судьи не всегда последовательно проводили карательную политику: «Несвоевременно учитывали общественное мнение по некоторым преступлениям, выносили мягкотелые приговоры и только тогда начинали усиливать репрессию, когда об этом говорили в центре».⁴⁵³ В Опочке партийные органы также были недовольны проводимой народными судами карательной политикой, в которой имелись «разнобои, вызывающие недоумение населения». В частности, назначение наказания не всегда происходило «в соответствии с содеянным и требованиями переживаемого момента». Причиной нарушения принципов карательной политики и классового было объявлено «компрометирующее поведение отдельных народных судей».⁴⁵⁴

⁴⁴⁸ ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 477. Л. 17.

⁴⁴⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 705. Л. 168.

⁴⁵⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 116. Л. 335.

⁴⁵¹ ГАПО. Ф. Р-180 ОАФ. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

⁴⁵² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 676. Л. 34.

⁴⁵³ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 239. Л. 180.

⁴⁵⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 85. Л. 6.

Председатель губернского суда так охарактеризовал работу своих подчиненных за первое полугодие 1927 г.: «Процент прекращённых дел весьма велик, борьба с поножовщиной и хулиганством совершенно не достигает цели».⁴⁵⁵ Карательная политика в судах губернии была «очень мягкая», преобладали такие наказания как имущественные взыскания, лишение свободы на срок до 1 года. Оправдательные приговоры составляли 30 % от общего числа.⁴⁵⁶ Претензии к народным судам предъявляла и губернская контрольная комиссия.⁴⁵⁷

Уездные уполномоченные ОГПУ докладывали в Псков содержание разговоров крестьян: «Народные суды очень слабо судят хулиганов. Осудят какого-либо хулигана на несколько лет, а через 3 месяца его выпускают».⁴⁵⁸ В Усвятской волости Велижского уезда, согласно сводке ОГПУ, население крайне отрицательно относилось к избирательному проведению карательной политики: «Интересно будет знать, что сделает суд с гражданином д. Глазуново Насущенко, который обвиняется в вооружённом грабеже. Ведь он был кандидатом партии и его, пожалуй, коммунисты помилуют. Ежели суд не расстреляет его, то мужики сами после где-нибудь его топорами изрубят».⁴⁵⁹ Аналогичная ситуация была и в Великолукском уезде: «Нарсуд слабо наказывает за растраты. Осудили на 1 год одного. Его оправдали, наверняка, потому, что коммунист». 8 апреля 1927 г. в Великолукском уезде обвиняемый в растрате, несмотря на доказанность преступления, был оправдан, граждане пришли к выводу: «Можно кооперацию обворовывать, так как всё равно за это ничего не будет».⁴⁶⁰

В указаниях по отчёту о работе губернского суда за второе полугодие 1926 г. НКЮ РСФСР указал, что процент отменённых Верховным судом приговоров, вынесенных судами Псковской губернии, на 9,2 % выше средней нормы по республике. Губернский суд заявил о необходимости изменения качества работы судей в связи с «недостающим уровнем квалификации».⁴⁶¹ 5 апреля 1927 г.

⁴⁵⁵ ГАПО. Ф. Р-180 ОАФ. Оп. 1. Д. 9. Л. 21.

⁴⁵⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 565. Л. 122 об.

⁴⁵⁷ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 235. Л. 113.

⁴⁵⁸ ГАПО. Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 465. Л. 123.

⁴⁵⁹ ГАПО. Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 465. Л. 95.

⁴⁶⁰ ГАПО. Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 465. Лл. 89, 95.

⁴⁶¹ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 26 об.

пленум губернского суда распространил по подведомственным учреждениям директивное письмо, в котором заявил «о необходимости выпрямления карательной политики в смысле приближения судебного воздействия к действительным мерам социальной защиты» (см. Приложение 15).⁴⁶² Губернская контрольная комиссия поручила своим уездным уполномоченным взять на контроль выполнение судами директив о борьбе с поножовщиной и хулиганством, оказание ими юридической помощи населению. Одновременно она потребовала от губернского суда «разослать по периферии указание на необходимость внимательного изучения судебными органами губернии всех случаев эксплуатации маломощных и бедняцких хозяйств».⁴⁶³ Уже к концу декабря 1926 г. карательная политика судов начала определяться как «правильная и значительно усиленная».⁴⁶⁴ В Опочке в связи с «угрожающим ростом хулиганства и в целях укрепления революционной законности» уполномоченным губернского суда были открыты дежурные судебные камеры, в которых дела о хулиганстве рассматривались в порядке особой срочности.⁴⁶⁵ В Невеле в связи с ростом растрат в 1926 г. также был проведён ряд показательных процессов.⁴⁶⁶

К 1927 г. работа народных судов в уездах Псковской губернии «достаточно окрепла», судьи были «авторитетны в глазах населения и замечания со стороны советских органов не вызывали».⁴⁶⁷ Уполномоченный губернского суда по Опочецком уезду сообщал о таких формах общественно-политической деятельности как участие судей в выборной кампании в советы местного уровня, сотрудничество с губернской контрольной комиссией и рабоче-крестьянской инспекцией. За первую половину 1927 г. судьями уезда было организовано и успешно проведено 13 выездных сессий, продолжительностью от 2 до 6 дней, сделано 10 докладов о семейном законодательстве, о революционной законности и карательной политике советского государства. Выступали они в волостных

⁴⁶² ГАПО. Ф. Р-180 ОАФ. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

⁴⁶³ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 422. Л. 41; Д. 423. Л. 60; Д. 425. Л. 150.

⁴⁶⁴ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 249. Л. 9 об.

⁴⁶⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 85. Л. 6.

⁴⁶⁶ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 691. Л. 86.

⁴⁶⁷ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 2 об.

исполкомах, на заседаниях сельских советов и советских организаций и учреждений.⁴⁶⁸ На период с октября 1926 по октябрь 1927 гг. усилиями всех пяти народных судей Новоржевского уезда предполагалось провести 85 выездных сессий «в целях приближения работы народных судов к населению в отдельных местностях».⁴⁶⁹ В Псковском уезде судьи, работающие в сельских участках, оказались вовлечены в общественную работу «на все 100 %», в городе Пскове «не более, чем на 25 %».⁴⁷⁰ За первое полугодие 1927 г. губернским судом в качестве кассационной инстанции была успешно проведена 21 выездная сессия, в которых было разобрано 320 дел. Выездные сессии и показательные процессы проводились практически во всех уездах.⁴⁷¹ В губернии работали юридические кружки при судах. В Порхове в качестве таковых были организованы уездная и волостные правовые комиссии (всего 7). За зимний период 1926 – 1927 гг. в них достаточно активно занималось 114 человек. Правовые комиссии и юридические кружки, организованные в каждой волости, работали успешно в Опочецком, Великолукском, Велижском, Торопецком, Новоржевском, Холмском, Невельском и Себежском уездах. Правда, отмечалось, что волостные кружки в целом «работают слабо». В Опочке функционировал юридический кружок при Народном доме, который активно посещали по 2 часа в неделю в основном рабочие-железнодорожники.⁴⁷²

Наиболее основательную работу вёл юридический кружок при губернском суде, на занятиях которого изучались: Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Административное право, Исправительно-трудовое право, Положение о дисциплинарных судах, Гражданское право (коллективные договоры, юридические лица, городские земли и земли специального назначения, подсудность, исполнение решений и спорные вопросы из практики судебных исполнителей, трудовая аренда, земельные общества и переделы, трудовой

⁴⁶⁸ Там же, лл. 4 об., 5 об., 8 об.

⁴⁶⁹ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 442. Лл. 93, 94.

⁴⁷⁰ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 13 об.

⁴⁷¹ Там же, л. 12 об.

⁴⁷² ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Лл. 24 – 25.

договор).⁴⁷³

Если в первой половине 1926 г. в Псковской губернии имелось 64 судебных участка, то в конце года губернский суд провёл выборы народных судей с учётом функционирования в 1927 г. уже 66 камер.⁴⁷⁴ Однако в течение первой половины 1927 г. их число увеличилось до 75-ти.⁴⁷⁵

Народные судьи регулярно получали от вышестоящих организаций «Еженедельник советской юстиции», «Собрание узаконений и распоряжений правительства». За свой счёт ими выписывались «Известия ВЦИК», «Труд», «Псковский набат», «Правда», «Наша газета».⁴⁷⁶

Взаимоотношения с органами власти и партийными и профессиональными организациями были «хорошие». Все уездные судебные органы поддерживали связь с местными органами власти, принимая участие на различных заседаниях исполкомов и сельских советов. Некоторые работники судов являлись депутатами советов различного уровня. Уполномоченные губернского суда «по заданиям уездных исполкомов и комитетов ВКП(б)» принимали участие в выборных кампаниях. Выступали с докладами в исполкомах и сельских советах о борьбе с хулиганством, семейном праве, революционной законности «и по другим вопросам правового характера». Также они занимались «личным обследованием и инструктированием» судебных участков.⁴⁷⁷

Впрочем, по-прежнему имелись проблемы, вызванные неудовлетворительным состоянием помещений судов, особенно в сельской местности. В Пскове, в свою очередь, «по кирпичику разваливалось недостроенное здание» губернского суда.⁴⁷⁸

Проводимая судами карательная политика характеризовалась руководством как соответствующая «общему духу советского законодательства и директив руководящих инстанций». Хотя у населения «бывали замечания об усилении

⁴⁷³ Там же, л. 24 об.

⁴⁷⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 890. Л. 87; Д. 1014. Л. 62 об.

⁴⁷⁵ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Лл. 18 – 19.

⁴⁷⁶ Там же, л. 2, 10.

⁴⁷⁷ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Лл. 14, 25, 39 об.

⁴⁷⁸ Там же, л. 20.

карательной политики по делам о хулиганстве и кражах, в особенности конокрадстве».⁴⁷⁹ В июньском отчёте Псковскому городскому совету уполномоченный губернского суда заметил, что «имеются случаи послабления штрафной политики в отношении частных торговцев и предпринимателей», были случаи несоблюдения классовой политики в отношении рабочих.⁴⁸⁰ Тем не менее, губернская контрольная комиссия в 1927 г. констатировала «постепенное укрепление и внедрение в массу революционной законности», отметив высокую роль проводимой псковскими народными судами пропаганды советского законодательства, как в результате общественной работы, так и их непосредственной деятельности.⁴⁸¹

За период с 1923 по 1927 г., несмотря на имеющиеся объективные трудности, народным судам губернии удалось выйти на путь стабильного развития. Встречающиеся в это время противоречия, главным образом, в области карательной политики и установления революционной законности имели зачастую политическое происхождение, отражали отношение действующей власти к конкретным социальным группам. Суды губернии успешно развивались, находя новые формы работы, выйдя за рамки профессиональной корпоративности и перейдя от функции прямого наказания к профилактике нарушений законности. Проведение общественной работы сотрудниками судебных учреждений заслуживает положительной оценки, поскольку государство в лице органов юстиции предприняло попытку ликвидации правовой неграмотности населения на безвозмездной основе силами судейского аппарата, находившегося в силу специфики расположения судебных камер практически во всех волостях губернии. Для самих же народных судей общественная деятельность перестала носить случайный характер. Несмотря на возникающие затруднения, в определённой степени не преодоленные, судебные органы губернии развивались, охватив влиянием максимально возможное количество населения.

⁴⁷⁹ Там же, л. 16.

⁴⁸⁰ ГАПО. Ф. Р-180 ОАФ. Оп. 1. Д. 7. Л. 60.

⁴⁸¹ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 480. Л. 13.

2.2 Проблемы формирования кадрового состава судебных учреждений Псковской губернии в годы НЭПа

Формирование кадрового состава судебных учреждений советского государства в соответствии с Положением о судеустройстве РСФСР от 1922 г. происходило по прежней модели.⁴⁸² Выработанная в годы Гражданской войны система последовательного и ежегодного утверждения народных судей партийными и советскими органами местного и губернского уровня по представлению руководства ведомства юстиции осталась без изменений.⁴⁸³ Вёл губернский суд и обширную переписку с ОГПУ, которое осуществляло проверку кандидатов, выдавая заключение о возможности их назначения.⁴⁸⁴ В соответствии с Положением о судеустройстве РСФСР от 1922 г. замещать должности судей мог «всякий неопороченному по суду гражданин», обладающий избирательными правами. Обращалось внимание на наличие «двухгодичного стажа ответственной работы в рабоче-крестьянских общественных, профессиональных или партийных организациях или трёх лет стажа практической работы в органах советской юстиции на должностях не ниже народного следователя».⁴⁸⁵

Кадровый состав народных судов губернии в начале 1923 г., несмотря на предпринимаемые усилия, не удалось сформировать в полной мере с предъявляемыми требованиями: из 70 народных судей 32 были беспартийными. Если с таким положением на местах были вынуждены мириться, то губернский суд до начала февраля 1923 г. оказался «полностью не создан, так как не подобрать нужного партийного состава». Руководство губернии настоятельно требовало дополнительно «усилить партийный кадр судей» ещё не менее, чем на 25 %. В результате в руководящий состав губернского суда партийных сотрудников «с трудом набрали». В целом во всех уездах, за исключением Великолукского, в составе народных судей имелись члены РКП(б). В Новоржеве

⁴⁸² СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

⁴⁸³ ГАНИПО. Ф.1. Оп. 3. Д. 636. Л. 59; Д. 637. Лл. 198, 199; Д. 687. Л. 6; Ф. 2. Оп. 1. Д. 257. Л. 199; Ф. 6075. Оп. 1. Д. 86. Л. 196.

⁴⁸⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 114. Лл. 30, 31, 88 – 93, 113.

⁴⁸⁵ СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

«собрали партийных», заместив практически все имеющиеся вакансии народных судей, но «на другой же день их пришлось отвести», поскольку кадровые перемещения вызвали нарушение в работе других учреждений уезда.⁴⁸⁶ Эти мероприятия привели к тому, что на 5 судебных камер осталось трое народных судей. Качество их работы оказалось неудовлетворительным. Среди них выявили факты взяточничества и пьянства. Местный комитет РКП(б) выдвинул требование о пересмотре личного состава судей, «заменяв имеющихся пригодными к работе».⁴⁸⁷ Одновременно количество участков уезда сократили до четырёх.⁴⁸⁸

19 июня 1923 г. губернский комитет РКП(б) предложил пересмотреть состав губернского суда и пополнить его ответственными работниками «хотя бы и за счёт других учреждений».⁴⁸⁹ В августе бюро комитета приняло ещё одно решение о «пополнении губсуда парттоварищами».⁴⁹⁰ Недостаток среди работников судов членов РКП(б), идеологически и политически лояльных, способных наиболее эффективно устанавливать революционную законность в губернии, значительно ограничивал деятельность губернского суда. Статус его сотрудников предполагал априори более высокий уровень профессиональной подготовки. В действительности этого не было. Видимо, поэтому губернское руководство стремилось оказывать влияние на комплектование личного состава «партийными товарищами», способными в силу непосредственного отношения к правящей партии проводить правильную правовую и классовую политику, осуществлять руководство местными народными судьями, от которых настоятельно требовали «выступлений с политическими докладами» среди служащих советских учреждений.⁴⁹¹

В 1923 г. губернский суд установил, что большинство лиц, представляемых местными исполкомами в качестве кандидатур на должности судей, вопреки требованиям Положения о судеустройстве РСФСР, не имеют стажа политической

⁴⁸⁶ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 172. Л. 10 об.; ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 972. Л. 48.

⁴⁸⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 205. Лл. 106, 235; Ф. 100. Оп. 1. Д. 178. Л. 23.

⁴⁸⁸ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 355. Л. 67.

⁴⁸⁹ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 154. Л. 117.

⁴⁹⁰ Там же, л. 160.

⁴⁹¹ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 154. Лл. 117, 160.

или юридической работы. Было отмечено зачастую «формальное и подчас мертвенно-инертное отношение» в уездах к подбору кандидатов на замещение должностей судей. Проблема приобрела политический характер, поскольку реализуемая судебная реформа, по мнению руководства губернии, «лишь тогда будет успешна, если ряды работников юстиции будут комплектоваться исключительно такими лицами, от которых можно ожидать, что они по своему классовому происхождению и опыту смогут и сумеют стать проводниками революционного права».⁴⁹² В 1923 г. среди кандидатов в народные судьи губернии лишь в Холмском, Порховском и Новоржевском уездах имелось по одному человеку с высшим юридическим образованием. А в составе ответственных работников и запасных судей губернского суда из 11 кандидатов таких было только трое.⁴⁹³

В течение 1923 г. от губернских партийного и партийного комитетов поступали требования о пересмотре личного состава практически всех 52 судебных участков.⁴⁹⁴ В ходе ревизий участков народных судов в течение 1923 г. в Велижском, Псковском, Новоржевском уездах было обнаружено большое количество нарушений финансовой отчётности. В Островском уезде в 1, 2, 3, 4, 5, 7-й судебных камерах выявились в ходе проверки: «недостача некоторых дел», «беспорядок в архиве», «незнание судьями действующих законов». Комплексной ревизией судов Псковского уезда кроме «пропажи дел», наличия незарегистрированных дел, было отмечено отсутствие в камерах вещественных доказательств: от 400000 до 3850000 рублей в денежных знаках 1921 г., огнестрельного оружия (револьверов «Наган» и пистолетов «Браунинг»), алкоголя (в 3-м участке – «треть бутылки спирта, разведённого лимонадом»). Губернским судом судебные работники были оповещены о строгой ответственности в случае пропажи дел и вещественных доказательств».⁴⁹⁵ Подобные неприятности преследовали народные суды губернии и в течение

⁴⁹² ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 296. Л. 11.

⁴⁹³ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1345. Лл. 12 об., 13, 44 – 48, 115 об., 122 об., 127, 172 об., 173.

⁴⁹⁴ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 249.

⁴⁹⁵ Отчёт за 1923 – 1924 хозяйственный год XIV Губернскому съезду советов. С. 205; ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 3. Лл. 17-149; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1311. Лл. 3, 4, 14, 14 об., 22.

последующих лет, главным образом из-за их загруженности делами, связанными с незаконным производством самогона. В судах скапливалось большое количество самогона и предметов соответствующего технического оборудования. В 1925 г. в связи с тем, что в народных судах по решённым делам «накапливалось много самогонной жидкости», от губернского исполкома поступило распоряжение «уничтожать, если состав жидкости и её свойства не вызывают вопросов»,⁴⁹⁶ избавляя судей от дополнительной материальной ответственности.

В отчёте о деятельности губернского суда за первые три четверти 1923 г. были зафиксированы «залежи» нерассмотренных дел, для ликвидации которых поступило предложение «поднять квалификацию личного состава судработников» путем проведения проверок личного состава. В апреле и октябре эти мероприятия реализовали.⁴⁹⁷ Они происходили по всей Псковской губернии одновременно. Но в январе-феврале 1923 г. в уездах по инициативе местных руководящих органов было также осуществлено несколько чисток, в ходе которых «довольно приличное количество выброшено за неблагонадёжные поступки и дискредитацию советской власти».⁴⁹⁸ Так, в Холмском уезде вообще весь личный состав народных судов стал «исключительно коммунистическим». А в отношении уполномоченного губернского суда П.П. Воскресенского, члена РКП(б), обвинённого в том, что «не выдержан, имеет сильные тенденции к частной собственности, хочет лучше устроиться», губернской контрольной комиссией было вынесено предписание.⁴⁹⁹ Проверка личного состава судов была произведена и в Опочке.⁵⁰⁰ В Порховском уезде в январе 1923 г. народные судьи «за небольшим исключением заменены членами РКП(б)».⁵⁰¹ Проверку личного состава судебных органов Новоржевского уезда, которым необходимо «обновление отдельных работников, замеченных в неблагонадёжных поступках», в марте 1923 г. предложило провести ОГПУ.⁵⁰² В июне губернский комитет

⁴⁹⁶ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 13. Лл. 20, 37.

⁴⁹⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1311. Л. 97.

⁴⁹⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 305. Л. 3 об.

⁴⁹⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 303. Л. 6 об.; Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 26.

⁵⁰⁰ ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 296. Л. 7.

⁵⁰¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 302. Л. 2.

⁵⁰² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 323. Л. 31.

РКП(б) вновь потребовал «пересмотреть состав губсуда и пополнить ответственными работниками». Внимание было обращено на привлечение коммунистов к судебной работе.⁵⁰³ Губернский комитет РКП(б) предложил «подыскать троих кандидатов из крестьян в члены губсуда».⁵⁰⁴

Состав судебных работников в 1923 г. по всей Псковской губернии по сравнению с предыдущим периодом практически не изменился. Губернскому суду при выдвижении кандидатов на замещение должностей народных судей предлагалось «строго руководствоваться принципами создания классового суда», поэтому в большинстве случаев местные исполкомы выделяли близкий «по происхождению к коммунистической партии элемент рабочих и крестьян».⁵⁰⁵ 50 % судебных работников губернии были членами РКП(б). Уездные исполкомы губернии учли значение, которое «сейчас придаётся советской юстиции ЦК РКП(б), изгнав из рядов юстиции чуждый по классовому происхождению элемент».⁵⁰⁶ В Великих Луках 12 августа 1923 г. на заседании уездного комитета РКП(б) уполномоченный губернского суда отметил, что «аппарат (народных судов — авт.) по сравнению с прошлым годом улучшился».⁵⁰⁷ Работа судов в течение года оказалась «поставлена на твёрдую почву, качественный состав принимает пролетарскую окраску и очищается от нежелательных элементов».⁵⁰⁸ В конце года Псковский губернский комитет РКП(б), констатировав «некоторое улучшение работы судебного аппарата», заявил, что «достигнутые результаты недостаточны и не отвечают условиям Псковской губернии». Губернскому суду в очередной раз было поручено пересмотреть весь ответственный состав, «пополнив слабые места стойкими парттоварищами».⁵⁰⁹

На основании материалов проверок личного состава народных судов выявлено, что чётко определённые характеристики и критерии оценки личности и профессиональной пригодности судей отсутствовали. Чем конкретно в

⁵⁰³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 269. Л. 121.

⁵⁰⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1463. Л. 187.

⁵⁰⁵ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 448. Л. 50.

⁵⁰⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 272. Л. 75 об.

⁵⁰⁷ ГАНИПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 43. Л. 25; Д. 45. Л. 135.

⁵⁰⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 294. Л. 2.

⁵⁰⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 269. Л. 284.

представлении контролирующих организаций Псковской губернии выражаются категории стойкости и ответственности можно определить на основании характеристик, выдаваемых на народных судей в ходе заседания комиссий по пересмотру личного состава. На основе одного протокола заседания комиссии в Псковском уезде определяется следующий перечень положительных черт достойного работника советской юстиции: правильное применение классового подхода в судопроизводстве; следование принципам революционной законности; «быстрая ликвидация залежей дел»; присутствие административных способностей – «умение руководить делом»; наличие «достаточной теоретической подготовки»; стаж работы в должности; навык «приговора писать умело»; инициативность; авторитет у местного населения; умение разбираться в «судейских делах».⁵¹⁰ Список объективно отражает потребности и ожидания административных органов. При проведении чисток проверяющие ориентировались не только на политические моменты (они, при их огромной важности для советской власти, не являлись исключительно определяющими), но и на деловые качества судьи. Но это было скорее на бумаге, чем в действительности, где приходилось в реальных условиях лавировать между желаемым и возможным. Так, на этом же заседании был снят с должности «старый член партии», судья с трехгодичным стажем. В секретном докладе губернскому прокурору о нем написано: «В работе слаб и не признаёт ошибок, а также даваемых ему тех или иных советов и указаний. Не имеет подхода к крестьянам и груб», имеет высокий процент отмены приговоров – 35%.⁵¹¹

Народные суды губернии как учреждения, имеющие высокое идеологическое значение, должны были приобрести в результате систематической работы многочисленных комиссий по проверке личного состава «пролетарскую окраску» и достигнуть полного «очищения от нежелательных элементов», чего, например, в 1923 г. добились в Торопецком уезде.⁵¹² Губернский комитет РКП(б) постоянно напоминал, что для успешного

⁵¹⁰ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 192. Лл. 285, 285 об.

⁵¹¹ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 180. Л. 463; Д. 192. Л. 285 об.

⁵¹² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 294. Л. 2.

установления революционной законности необходимо следовать «принципам суда классового».⁵¹³ Оказывается, несмотря на выше обозначенное, в течение 1923 г. партийные органы осуществляли «слабое руководство» над судами, а потому было принято решение не просто пересмотреть «ответственный персональный состав» по всей судебной вертикали. Только теперь потребовали обратить пристальное внимание на пополнение «слабых мест товарищами», обладающими «не только моральными качествами», но ещё и работоспособными.⁵¹⁴

В январе 1924 г. кадровый состав народных судов по-прежнему не соответствовал предъявляемым требованиям. Пополнение рядов судей членами РКП(б) не оказало должного влияния на качество работы. Они при занятии своих должностей переставали отождествлять себя с ведущей политической силой. Это обстоятельство вызывало определённое недоумение со стороны органов власти, поскольку деятельность вновь назначенных «товарищей» приобретала «оторванность от партийного и судебного строительства».⁵¹⁵ Председатель губернского суда в таких условиях заявил о наличии «повышенной потребности политического развития судебных работников». Особые претензии вызывали недостаточные усилия судов по «углублению работы в плоскости классового подхода при рассмотрении дел». Тем не менее, судьи стремились «к облегчению участи рабочих и крестьян, совершивших преступление по неосознанности или в силу стечения тяжёлых обстоятельств». Способствовало этому и отсутствие профессиональной подготовки, зачастую даже среднего образования. Незнание основ права позволяло пренебрегать положениями существующего законодательства, ограничиваясь принципами классового подхода.⁵¹⁶ 15 мая 1923 г. в последний раз начали работу трёхмесячные губернские юридические курсы. Их необходимость была обусловлена тем, что «народный судья, рабочий и крестьянин, выдвинуты на такой ответственный пост, не имея практического и

⁵¹³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 272. Л. 75 об.

⁵¹⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 269. Л. 284.

⁵¹⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 269. Л. 284; Ф. 9. Оп. 1. Д. 167. Л. 10; Ф. 109. Оп. 1. Д. 118. Л. 8; Д. 129. Лл. 32, 35.

⁵¹⁶ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 198. Л. 153.

теоретического опыта, и не могут правильно разобраться в тех сложных вопросах, которые в настоящее время регулируются советскими кодексами». Каждый уезд получил квоту на 4 человека.⁵¹⁷ В Великолукском уезде из 8 действующих камер в трёх работа была приостановлена на три месяца в связи с обучением судей на курсах.⁵¹⁸ Одновременно в Петроград на областные курсы от Псковской губернии было направлено 5 судебных работников.⁵¹⁹

В 1924 г. работа народных судов проходила в «тяжёлых условиях», вызванных недостатком квалифицированных работников. Губернский исполнительный комитет настоятельно требовал от руководства юридического ведомства «уделять максимум внимания на качественных подбор» судей, принимать меры к повышению их квалификации, например, «командируя слушателей на областные юридические курсы».⁵²⁰ С аналогичными предложениями выступал и губернский комитет РКП(б), обращаясь, в свою очередь, к местным партийным организациям. Суды, видимо, из-за отсутствия должного контроля и беспартийности судей, досрочно выпускали «нэпманов и спекулянтов», а в отношении крестьян и рабочих, совершивших преступления «по неосознанности или в силу стечения тяжёлых обстоятельств», не стремились «всемерно к облегчению участи».⁵²¹ Решение проблемы казалось предельно простым – усилить на местах состав судебных работников «партийными товарищами». В частности, в Острове в сентябре судебные органы были срочно «усилены одним парттоварищем»,⁵²² в связи с тем, что двух судей губернская контрольная комиссия привлекла к ответственности «за освобождение от наказания явных контрреволюционеров».⁵²³ На 25 апреля 1924 г. в Себежском уезде из шести народных судей, трое являлись беспартийными, причём один из них – «бывший эсер», которого «вследствие малограмотности требуется заменить». Впрочем, один из судей-членов РКП(б) «неоднократно был замечен в

⁵¹⁷ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 448. Л. 50.

⁵¹⁸ ГАНИПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 37; Д. 35. Л. 18.

⁵¹⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1323. Л. 652; Д. 1382. Л. 5.

⁵²⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 445. Л. 123.

⁵²¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 362. Л. 121.

⁵²² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 412. Л. 80.

⁵²³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 362. Л. 121.

нетрезвом виде». Ещё один член партии оказался «как работник слаб». На заседании уездного комитета РКП(б) уполномоченный губернского суда позволил себе отметить, что «подобных недостатков за беспартийными не наблюдалось».⁵²⁴ При дальнейшем обсуждении доклада о деятельности уездных судов прозвучало мнение, что оценка уполномоченного губернского суда «удивительная», ведущая к политически неправильным выводам, поскольку «наличие доброкачественных задатков у беспартийных судей и отсутствие таковых у судей-членов партии нужно понимать так: беспартийные лучше партийных».⁵²⁵ В Опочецком уезде народный судья пятого участка был обвинён в халатности и небрежном отношении к служебным обязанностям («дела в хаотическом состоянии»), пьянстве, и «нетактичном поведении».⁵²⁶

Председатель губернского суда в докладе в комитет РКП(б) 24 мая 1924 г. сообщил, что в Холмском уезде «слабый судебный аппарат». В октябре Псковская губернская контрольная комиссия провела проверку личного состава местных судебных органов. Было выявлено, что уполномоченный губернского суда, беспартийный, «имеющий связь с мещанским элементом», не выполняет должностных обязанностей: «не осуществляет руководства низовыми судебными органами», проявляет «не желает иметь связь с уездными органами власти». Более того, он, «по образу жизни обыватель, допустил венчание в церкви с большим шиком, не понимая, что своими действиями подрывает авторитет себя и суда». Ряд народных судей также были замечены в связях с «мещанским элементом» и обвинены в «хозобрастании». Холмский комитет РКП(б) не имел «достаточного подхода» к народным судам, не проявлял настойчивости в привлечении судей к общественной работе. На проведённом по результатам проверки совещании работников юстиции выяснилось, что общественную работу «парттоварищи почти не вели». Имелись нарушения и в работе судебно-следственной ячейки РКП(б), которая велась «без плана», на собраниях

⁵²⁴ ГАНИПО. Ф. 6077. Оп. 1. Д. 269. Л. 193; Ф. 6075. Оп. 1. Д. 81. Л. 28.

⁵²⁵ ГАНИПО. Ф. 6077. Оп. 1. Д. 269. Л. 194; Ф. 6075. Оп. 1. Д. 81. Л. 28 об.

⁵²⁶ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259. Л. 15.

присутствовали беспартийные.⁵²⁷

Президиум губернской контрольной комиссии предложил губернскому комитету по этому вопросу «обратить внимание на отсутствие связи и руководства со стороны Холмского укома с судебными органами».⁵²⁸ В отношении судебных работников Холмского уезда ОГПУ было поручено провести проверку на наличие контрреволюционных связей. В ноябре судья 2-го судебного участка был снят с должности «как несоответствующий своему назначению», «за неумелый подход к крестьянству при отправлении своих обязанностей», «вредный для революционного правосудия тип». Вместе с ним уволили и уполномоченного губернского суда.⁵²⁹

В Велижском уезде в 1924 г. была «взята линия на укомплектование суда такими работниками, которые действительно могли бы быть названы народными судьями и которые могли бы проводить классовую линию».⁵³⁰ В докладе уполномоченного губернского суда по Псковскому уезду о работе народных судов отмечалась «недостаточная квалификация работников».⁵³¹ В Новоржеве наоборот из шести судей пятеро являлись партийными, что позволяло местному комитету РКП(б) оценить личный состав судов как «удовлетворительный».⁵³²

В целом, в 1924 г. обращалось особое внимание качественный подбор судебных работников. Регулярное обращение советского и партийного руководства Псковской губернии к судебным учреждениям с требованиями об ужесточении и «исправлении» классовой политики при проведении судопроизводства, по-видимому, было обусловлено имеющимися нарушениями со стороны судей. Кроме безусловной необходимости при решении этой проблемы назначать должности народных судей коммунистов, возникала потребность и в профессиональной подготовке. Для исправления классовой линии требовалось повышение «политического развития судей», ответственность за что

⁵²⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 537. Л. 53.

⁵²⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 343. Л. 217.

⁵²⁹ ГАНИПО. Оп. 3. Д. 365. Лл. 107, 109, 110; Ф. 2. Оп. 1. Д. 260. Лл. 22, 23; Ф. 109; Оп. 1. Д. 396. Л. 10; ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 116. Лл. 132, 134.

⁵³⁰ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1530. Л. 11.

⁵³¹ ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 570. Л. 24.

⁵³² ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 201. Л. 13.

накладывалась на местные комитеты РКП(б).⁵³³ В течение года губернский суд регулярно отправлял народных судей на областные юридические курсы в Петроград.⁵³⁴

В феврале 1925 г. руководство Псковского губернского суда вновь потребовало от своих уполномоченных в уездах активнее и последовательнее «усиливать судебные органы партийными силами», а также чаще проводить совещания народных судей «в целях инструктирования и направления работы в классовом духе».⁵³⁵ При этом уровень образования работников юстиции продолжал оставаться недостаточным. Среди лиц, принявших участие в выборах народных судей на 1925 г. в народные суды губернии из 66 человек только трое имели высшее образование (двое юридическое). Ситуация с выборами в Псковский губернский суд была также сложна: из 13 кандидатов только трое являлись дипломированными юристами.⁵³⁶

18 апреля 1925 г. секретариат Псковского губернского комитета РКП(б) принял резолюцию о революционной законности, одной из основных задач «проведения и укрепления» которой обозначалась необходимость укрепления союза рабочих и крестьян. Мероприятия по её распространению предлагалось начать с губернских прокуратуры и судов. В течение лета организационный отдел губернского исполкома неоднократно получал задания «просмотреть состав работников юстиции с целью замены несоответствующих». Всех имеющихся народных судей в обязательном порядке и централизованно начали снабжать «Еженедельником советской юстиции» и «Собранием узаконений и распоряжений правительства». Также им было предписано докладывать о результатах своей работы на крестьянских конференциях и сходах, в отчётах отражать «задачи и характер советского суда».⁵³⁷ В течение апреля-июня в очередной раз в губернии «был произведён пересмотр судебных работников». Смещённых заменяли беспартийными крестьянами-выдвиженцами. Волостным

⁵³³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 362. Л. 121; Д. 536. Л. 51.

⁵³⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 311. Л. 414; Д. 312. Л. 136; Оп. 3. Д. 444. Л. 56; ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 262. Л. 266.

⁵³⁵ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 137. Л. 28.

⁵³⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1348. Лл. 786, 789, 789 об., 790, 790 об.

⁵³⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 466. Лл. 139, 299.

комитетам РКП(б) поручили начать формирование актива из крестьян и рабочих на местах, которых можно было бы рассматривать в качестве кадрового резерва для судебного ведомства, для замены «признанных негодными» работников.⁵³⁸ В июле в ряде уездов губернии (Островском, Опочецком, Торопецком, Псковском, Холмском) опять произошла чистка народных судей. Значительного количества компрометирующих материалов выявить не удалось, большинство в своей деятельности выдерживали классовый подход. Лишь в Острове одного судью уволили за пьянство, а другого за то, что «имеет связь с кулацким и преступным элементом».⁵³⁹ Заседания комиссий по проверке личного состава в Псковской губернии носили компромиссный характер, в основном с формулировкой «компрометирующих материалов не имеется, занимаемой должности соответствует» проверяемые оставались на своих местах.⁵⁴⁰ Рокировки кадрового состава оказывали не самое положительное влияние на работу судов. Народные судьи, избираемые ежегодно, утверждаемые в должности в конце года, не успевали войти в курс дела, учитывая, что только передача дел занимала время. Так, в ноябре 1925 г., спустя полгода после масштабной чистки, Порховский комитет ВКП(б) предложил вновь усилить состав местных народных судей «товарищами-членами ВКП(б)».⁵⁴¹ Одновременно беспартийные ответственные члены губернского суда по результатам проверки контрольной комиссии были охарактеризованы положительно, т. к. «по своим способностям соответствуют занимаемой должности, работу проводят со знанием дела, основательно».⁵⁴² В течение года не удалось подобрать должного количества «партийных работников» даже в кассационную и административную судебную инстанцию, хотя мобилизацию проводили по всей территории Псковской губернии.⁵⁴³ Руководство Невельского уезда в 1925 г. из-за недостатка опытных судебных служащих было вынуждено бывшего полицейского длительное время после 1917

⁵³⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 512. Л. 110.

⁵³⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 479. Лл. 10 – 23 об., 35 – 47; Д. 507. Л. 115 об.

⁵⁴⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 479. Лл. 10 – 12, 19 – 23 об., 33, 34 об., 37, 37 об., 41 – 44; Ф. 9. Оп. 1. Д. 192. Лл. 285 – 287.

⁵⁴¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 515. Л. 1.

⁵⁴² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 117. Лл. 309, 317; Д. 118. Л. 46.

⁵⁴³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 310.

г. работавшего в качестве следователя в местной ЧК, суде и снятого с должности во время одной из чисток восстановить на службе.⁵⁴⁴

Если в сентябре 1924 г. суды Новоржевского уезда не испытывали финансовых затруднений «благодаря уездному исполкому»,⁵⁴⁵ то 1925 г. стал для них «годом напряжения всех сил со стороны работников судебного аппарата». Сложности создавали «крайне трудные материальные условия», народным судьям не выделялись средства на проведение выездных сессий. Оплата проезда при совершении служебных поездок, в том числе и на показательные процессы, производилась судьями за свой счёт: «Под напором возчиков-крестьян». Инспектор по охране труда вынес предписания в адрес уполномоченного губернского суда за отсутствие, «за неимением средств», отопления в 1, 2, 4-го участков. Не выделялись средства и на оплату почтовых услуг: доклады и отчёты отправлялись «с оказией и шли с большим опозданием». Тяжелые условия труда вызвали «высокую текучесть кадров», поскольку «это кошмар, а не работа». Уполномоченный, справедливо полагая, что неэффективная деятельность местных судов вызовет вопросы к нему от руководящих органов, подал заявление об увольнении, т. к. не хотел «быть обвинённым в бездействии или в чём-либо подобном».⁵⁴⁶ Аналогичные трудности вставали перед народными судами всей губернии, но несмотря ни на что они организовывали показательные процессы, занимались популяризацией революционной законности и советского права.⁵⁴⁷

В октябре 1925 г. губернский суд в докладе в комитет РКП(б) отметил, что «достигнуты значительные улучшения судебного аппарата в смысле качественного его подбора». Впрочем, встречались и «крупные недочёты», и «полное непонимание основ революционной законности».⁵⁴⁸ Для устранения недостатков выработали план по набору в состав судей крестьян-выдвиженцев и «политически стойких, проникнутых классовым сознанием работников», которые «смогут справиться с задачей правильного понимания и проведения в жизнь

⁵⁴⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 115. Л. 124.

⁵⁴⁵ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 200. Л. 63.

⁵⁴⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 700. Л. 40.

⁵⁴⁷ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 360. Л. 35 об.; ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 479. Л. 58.

⁵⁴⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372. Л. 10.

революционных законов».⁵⁴⁹ Особое внимание было обращено на «улучшение судебных органов в деревне».⁵⁵⁰ В принятой в ходе обсуждения доклада резолюции прозвучало требование к «парторганам на местах» осуществлять проверку в отношении каждого народного судьи, «насколько он по моральным качествам и уровню общественно-политического развития соответствует занимаемой должности».⁵⁵¹ В связи с необходимостью последовательного и неуклонного распространения законности на территории губернии, постоянно существовала потребность в отборе в систему судебных органов «лишь политически стойких и хорошо развитых товарищей», которые смогут в должной мере осуществить «правильное проведение революционных законов в жизнь». Предлагалось «больше вовлекать беспартийных крестьян и рабочих» и в ряды очередных народных заседателей.⁵⁵²

Тенденцией кадровой политики в судах губернии в 1925 г. стало улучшение «состава судебных работников» именно беспартийными «крестьянами от сохи».⁵⁵³ В частности, в Порхове особое внимание было обращено на «передовых и активных крестьян».⁵⁵⁴ В Острове также надеялись «на широкое втягивание крестьянских масс» в судебную работу.⁵⁵⁵ В Себежском уезде из шести судей только двое являлись партийными, возглавляя городские участки. Один из них при этом исполнял обязанности уполномоченного губернского суда.⁵⁵⁶ В их состав входил и выдвиженец из крестьян, который «с работой справляется удовлетворительно».⁵⁵⁷ В течение года себежские судебные органы удалось ещё раз «усилить партийными силами».⁵⁵⁸ Островский комитет РКП(б) в марте 1925 г. получил распоряжение «выделить в качестве члена губсуда одного крестьянина от

⁵⁴⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 468. Л. 36; ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 962. Л. 64.

⁵⁵⁰ Отчёт Псковского губкома РКП(б) к XVII губернской партийной конференции. С 1-го октября 1924 г. по 1-е октября 1925 г. Псков: Псковский губернский комитет РКП(б), 1925. С. 11.

⁵⁵¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 468. Л. 36.

⁵⁵² Там же, л. 32.

⁵⁵³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 528. Л. 99; ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 161. Лл. 11, 13.

⁵⁵⁴ ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 570. Л. 338.

⁵⁵⁵ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 420. Л. 57 об.

⁵⁵⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 627. Л. 10.

⁵⁵⁷ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп., 1. Д. 201. Л. 48.

⁵⁵⁸ ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 438. Л. 43.

сохи».⁵⁵⁹ В апреле губернский суд представил в секретариат губернского комитета РКП(б) отношение о выдвижении народными судьями в Опочецком и Торопецком уездах беспартийных крестьян.⁵⁶⁰

Не всегда партийность и необходимое социальное происхождение гарантировали надлежащее отношение к работе, в том числе и со стороны уездных руководителей. Так, в 1925 г. был отстранён от должности уполномоченный губернского суда по Торопецкому уезду Г.К. Хомяков, член партии, крестьянин по происхождению, который «не знал постановлений и решений партии, был оторван от текущих событий советской власти, не читал газет».⁵⁶¹ В Опочецком уезде, по заявлению уполномоченного, на местные «органы юстиции возложены две задачи: укрепление революционной законности и распространение законности среди населения», основным препятствием к выполнению которых является «сыпучий состав работников юстиции». Только с января по апрель 1925 г. здесь сменили троих судей из пяти имеющихся «по несоответствию своему назначению» и «как не связанных с работой суда». Было отмечено, что «хорошие работники в суды не идут», поэтому основную нагрузку по выполнению «возложенных задач», во всяком случае, в рамках общественной деятельности, стремились переложить на судей-членов РКП(б), которых в уезде в этом году оказалось в результате кадровых перестановок трое.⁵⁶² Это направление кадровой политики не всегда успешно реализовывалось. В ряде волостных партийных судебно-милицейских ячеек в течение года неоднократно наблюдался отрыв «от жизни многих членов, слабость внутрипартийной воспитательной работы при наличии низкого политического уровня рядовых членов, слабое использование партийных сил на практической работе, отсутствие работы среди партийных сотрудников в задаче перевоспитания широких масс служащих».⁵⁶³ На 1 июня 1925 г. даже в Псковском уезде суды испытывали недостаток квалифицированных кадров. Так, судья 3-го участка был «снят за

⁵⁵⁹ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 147. Л. 14.

⁵⁶⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 466. Л. 244.

⁵⁶¹ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 380. Л. 8.

⁵⁶² ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 479. Л. 18.

⁵⁶³ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 141. Л. 257.

несоответствие». Его преемник оказался «малоопытным и слабо ориентирующимся в работе». Однако местный комитет РКП(б) отметил, что он «работать, как видно, хочет, и есть надежда, что будет хорошим работником».⁵⁶⁴

На XVII Псковской губернской конференции РКП(б), прошедшей 10 – 16 ноября 1925 г., поднимался вопрос об установлении революционной законности, которая считалась индикатором отношения власти к обществу, доказательством того, что она думает о нуждах населения. Если в первые годы советской власти большевики стремились к всемерному упрочению своего положения, к стабилизации политической обстановки, формированию института сосуществования партийной и административно-исполнительной вертикалей, то в 1925 г. на региональном уровне началось осознание необходимости к поступательному развитию.⁵⁶⁵ Обеспечить его могли только подготовленные кадры, способные решать поставленные задачи в соответствии с предъявляемыми требованиями. Именно поэтому регулярно проводились проверки работников, ситуация с которыми по сравнению с прошлыми годами, улучшилось, но встречались и недостатки, непонимание основ законности.⁵⁶⁶

Суд, как «школа пролетарской дисциплины» и «орудие охраны классового порядка», воспринимался властью как инструмент политического воспитания народных масс, через который они привлекаются к управлению государством.⁵⁶⁷ Способом реализации этой функции являлось участие в судопроизводстве народных заседателей, к выбору которых предъявлялись требования не менее строгие, чем к кандидатам в народные судьи. По Положению о судеустройстве РСФСР от 1922 г. народными заседателями «могли быть все трудящиеся граждане обоего пола, имеющие право избирать и быть избранными в местные советы». Списки заседателей теперь составлялись «однажды в год на 1-ое декабря».⁵⁶⁸

В 1925 г. Псковский губернский комитет РКП(б) направил «всем волкомам и бюро комячеек» директивное письмо, в котором поднимал вопрос об их

⁵⁶⁴ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 180. Л. 463.

⁵⁶⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372. Л. 6; Ф. 100. Оп. 1. Д. 404. Л. 32.

⁵⁶⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372. Л. 10.

⁵⁶⁷ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 256. Л. 117; ГАПО. Ф. Р-809. Оп. 1. Д. 10. Л. 147 об.

⁵⁶⁸ СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

активном участии в выборах очередных народных заседателей. Его появление обусловлено то обстоятельство, что «не редки случаи, когда кулаки и частные предприниматели пытались разными путями подчинить своему влиянию судью или народного заседателя и через это придавить бедняка».⁵⁶⁹ Ещё в сентябре 1924 г. комитет, «придавая исключительное значение институту нарзаседателей», потребовал препятствовать проникновению «элементов явно враждебных, чуждых классовым принципам».⁵⁷⁰ Имели место случаи, когда «нестойкие народные заседатели попадали под влияние кулаков». В Новоржеве в августе 1924 г. выявили «не совсем удачный подбор народных заседателей», в рядах которых оказались бывшие полицейские и «кулацкий элемент».⁵⁷¹ В 1924 – 1925 гг. большинство народных заседателей составляли крестьяне, рабочие и служащие, беспартийные граждане с низким образованием, готовые следовать необходимым большевикам курсом карательной политики. Встречались случаи отзыва кандидатур в народные заседатели ввиду неграмотности или преклонного возраста.⁵⁷²

Тем не менее, «для того, чтобы в каждом действии суда отражались интересы трудящихся и чтобы суд во всех случаях, разрешая дела, умело сочетал статьи законов с классовыми интересами» в народных судах наблюдалось стремление к привлечению «трудящихся масс» в ряды заседателей. Для этого с 1925 г. произошло изменение процедуры отбора кандидатов в народные заседатели: «если в прошлом проводились не выборы, а отбор завкомками, месткомками, волисполкомками в сельских областях», то теперь «на выборной кампании обязательно» должны были выступать с докладами на собраниях и сходах крестьян и рабочих народные судьи, члены губернского суда. В целях успешной реализации воспитательной задачи народного суда наблюдается стремление к широкому охвату социально незащищённых групп населения, являющихся основой идеологической модели диктатуры пролетариата –

⁵⁶⁹ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 198. Л. 153.

⁵⁷⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 362. Л. 121.

⁵⁷¹ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 304. Л. 34.

⁵⁷² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 115. Лл. 18 – 23.

«беспартийных женщин, бедняков и середняков».⁵⁷³ Органы ВЛКСМ, а также «женорганизаторы и волкомы» при проведении избирательной кампании были обязаны занимать активную позицию. Этому обстоятельству способствовал состав «комиссий по разверстке», в которые входили представители местных исполкомов, прокуратуры, партийных органов, общественных организаций.⁵⁷⁴ «Соответствующие кандидатуры» подбирали организационные отделы уездных комитетов РКП(б), ими же проводилась разъяснительная работа.⁵⁷⁵ В Невеле комитет РКП(б) в 1925 г. отметил «правильность проведения классовой политики» при привлечении в состав народных заседателей крестьянок и работниц.⁵⁷⁶ В апреле 1925 г. секретариат губернского комитета РКП(б) потребовал от своих уездных учреждений проверить: «Насколько широко вовлечены беспартийные крестьяне и крестьянки в состав нарзаседателей, в случае недостаточности провести дополнительную кампанию (избирательную – авт.)». ⁵⁷⁷

Институт народных заседателей советской властью рассматривался и как способ вовлечения женщин в общественную жизнь, преодоления их правовой неграмотности. 13 ноября 1923 г. коллегия губернского отдела работниц и крестьянок при комитете РКП(б) приняла решение о привлечении женщин в работу судебных органов, прежде всего посредством включения именно в состав народных заседателей.⁵⁷⁸ На заседании губернской комиссии по составлению списков народных заседателей на 1926 г. было принято решение о вовлечении в судебную работу «возможно большего количества женщин-работниц», а при составлении списков для судов г. Пскова «исходить из принципа классового состава». На эти участки было направлено 54 женщины. Подавляющее большинство их оказалось «малограмотными» работницами.⁵⁷⁹ Женщины в качестве заседателей наиболее успешно действовали при разборе дел,

⁵⁷³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 565. Л. 122.

⁵⁷⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 519. Л. 127.

⁵⁷⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 515. Л. 1.

⁵⁷⁶ ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 570. Л. 352.

⁵⁷⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 466. Л. 139.

⁵⁷⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 670. Л. 323.

⁵⁷⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 116. Лл. 107 – 113.

«затрагивающих их бытовые и хозяйственные интересы: алименты, разделы имущества, жестокое обращение мужа или отца, самогон и т.д.». Органы власти обязывали суды «организовывать систематическую постановку таких процессов». Качество работы народных судов в этом направлении должно было обеспечиваться «тесной связью с женотделами для широкой информации и пропаганды среди трудящихся женщин» советского законодательства по вопросам охраны прав «женщины-матери, хозяйки и положения её как равноправного члена общества».⁵⁸⁰ Количество женщин-заседателей с каждым годом в Псковской губернии возрастало: во второй половине 1925 г. их было 1509, в первой полугодии 1926 г. – 2351, в 1927 г. – 3167 (11 %, 21,8 % и 22 % соответственно от общего числа).⁵⁸¹

В Опочке в 1926 г. «по договорённости с женотделом» при городской камере народного суда открыли консультационное бюро. Для удобства крестьянок при обращении за юридической помощью, народные судьи вели приём ежедневно с 10 до 14 часов.⁵⁸²

Опыт проведения прежних кампаний по перевыборам народных заседателей показал, что процесс из-за несогласованности задействованных структур (главным образом советских и партийных) затягивался, и суды оставались «без надлежаще избранных заседателей». Так получилось в начале 1926 г., когда «к 1 января губернский суд так и не получил списки заседателей». В НКЮ сведения о народных заседателях Псковской губернии поступили только 20 марта. На 1926 г. в суды губернии было избрано 13167 народных заседателей, социальный состав распределялся следующим образом: 8731 крестьянин, 2691 представитель трудовой интеллигенции, 1745 рабочих. 2247 человек являлись членами РКП(б).⁵⁸³ Пленум губернского суда осенью 1926 г. обозначил жесткие сроки проведения выборных кампаний с таким расчетом, чтобы первые заседания избирательной комиссии в г. Пскове могли состояться уже 19 ноября, а в уездных

⁵⁸⁰ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 13. Л. 28.

⁵⁸¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 897. Л. 18; ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Лл. 37, 37 об., 38 об., 40.

⁵⁸² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 702. Л. 202.

⁵⁸³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 890. Л. 87.

городах не позднее 15 ноября. Вся необходимая документация, имеющая сведения о личном составе народных судов и «ударные списки народных заседателей» в секретариат губернского суда должны были поступать не позднее 19 декабря. Для успешного ведения кампании губернским судом были выработаны тезисы для выступлений народных судей на выборных собраниях. В них отразился взгляд советской судебной системы на роль заседателей в судопроизводстве. В тезисах декларировалось право каждого избирателя «твёрдо знать и ясно себе представлять, куда и зачем посылает своих товарищей», т. к. «орган классовой борьбы охраняет советское государство от тех элементов, которые являются опасными» для него. Будущие народные заседатели сразу должны были осознать свою роль в советском судопроизводстве, обеспечивающую его классовую направленность. Учитывая, что суд, как «политическая трибуна, которой пролетариат пользуется для того, чтобы вести агитацию за укрепление революционной законности», они должны были обеспечивать проведение правильной карательной политики. Народный заседатель, «участвуя в разборе дел, должен зорко следить за всеми попытками кулачества обойти законы, изданные в интересах беднейших слоёв крестьянства».⁵⁸⁴ Поэтому привлечение к судебной работе «возможно большего количества батраков и батрачек» приобретало при соблюдении этих условий «важное значение: никто кроме них не разберётся так тонко в этого рода делах». Социально-политический статус народных заседателей уравнивался с положением судей: «Народный заседатель – это тот же судья. Он лишь не председательствует на суде, так как непосредственно участвует в работе суда всего 6 дней в году и недостаточно знаком с техникой процесса».⁵⁸⁵ Народные судьи в рамках общественной работы были обязаны отчитываться перед народными массами о своей деятельности. Они воспринимались «первым делом общественниками и должны были отчитываться о своей работе перед избирателями на фабрике или заводе, на сельском сходе, на общем собрании

⁵⁸⁴ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 37.

⁵⁸⁵ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 37 об.

служащих». Также «народный заседатель сверх того и учитель своих же избирателей, с которыми он должен делиться полученными знаниями».⁵⁸⁶

В уездах губернии подошли к процессу выборов достаточно серьёзно, они проходили под контролем советских и партийных органов. Население также проявляло активность. Уполномоченные губернского суда на выборных собраниях выступали с докладами о роли и задачах советского суда, о правах и обязанностях народных заседателей. Проводились уездные совещания судебных работников и профсоюзных организаций. Пленум губернского суда рекомендовал при работе с гражданами: «Использовать товарищеские беседы, и при том не на сухом языке кодексов, а путём живого общения со слушателями. Целью таких занятий является не внедрение специальных знаний (для этого нужны годы и упорный труд), а лишь насаждение самых элементарных представлений, которые помогли бы заседателям стать действительной силой, когда подойдёт их очередь для работы в суде».⁵⁸⁷

«Имея огромное значение в деле вовлечения женщин в работу судов», коллегия Невельского уездного отдела работниц и крестьянок в январе 1927 г. наметила проведение ряда мероприятий, направленных на увеличение их количества среди народных заседателей. В директивной форме было озвучено требование «на всех женских собраниях ставить вопрос о роли женщин в суде», а на совещаниях с участием заседателей «освещать вопрос о политике советской власти в отношении вовлечения женщин в судебную работу. В определённой степени народные заседатели рассматривались в качестве кадрового резерва судебных органов губернии. «Народный заседатель есть та живительная сила, которая всё время обновляет судебный аппарат, роднит его с массами, не даёт ему омертветь», - говорилось в тезисах выступлений перед кандидатами в народные заседатели.⁵⁸⁸ Возможно, поэтому в Невеле проведение собраний и совещаний с участием женщин перестало восприниматься как формальное мероприятие, от организаторов требовалось «вести учёт участия женщин в суде, наиболее

⁵⁸⁶ Там же, л. 38 об.

⁵⁸⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 897. Л. 17.

⁵⁸⁸ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 37.

активных отправлять на юридические курсы», с последующим направлением на практическую работу в народных судах.⁵⁸⁹ Уездному комитету ВКП(б) было предложено «дать директиву по подведомственной периферии о более широком вовлечении женщин» в работу юридических кружков, народных судов. На 1927 г. в Невеле избрали в народные заседатели 209 женщин, в Опочке – 213.⁵⁹⁰ В Себежском уезде со стороны уполномоченного губернского суда ещё в марте 1926 г. также прозвучало требование к судьям о проведении общественной работы по популяризации советского права среди народных заседателей.⁵⁹¹

Результаты работы с заседателями оказалась неоднородными. В Опочке, по заявлению уполномоченного губернского суда, в 1927 г. в городских участках «народные заседатели были активны и исправны в своей явке на суд», в уезде же отмечалась «частичная неявка по вызову». Возможно, это было связано с тем, что из 1117 человек было 79 членов РКП(б) и 21 кандидат в члены РКП(б), а также 57 комсомольцев.⁵⁹² В Псковском уезде, наоборот, посещаемость народных заседателей была «аккуратна». Их повышенный интерес вызывал разбор уголовных дел, а также материалов о взыскании алиментов. Способствовали представители общественности ужесточению карательной политики по отношению к обвиняемым в хулиганстве и «вообще по делам против личности», при одновременно достаточно лояльном отношении к самогонщикам, настаивая «на мягких приговорах». Местный уполномоченный губернского суда отметил, что в периоды отпусков (городские участки) и полевой страды (сельские участки) число неявок народных заседателей увеличивается.⁵⁹³ При этом нагрузка народных заседателей в соответствии с Положением о судеустройстве РСФСР не была обременительной, каждый из них «не может принимать участия в судебных заседаниях более, чем в продолжение шести дней в году и принимает участие в заседаниях непрерывно в течение указанного периода».⁵⁹⁴

⁵⁸⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 698. Л. 126; Ф. 100. Оп. 1. Д. 368. Л. 3.

⁵⁹⁰ ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 533. Л. 211; Ф. 6077. Оп. 1. Д. 421. Лл. 109, 110.

⁵⁹¹ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 200. Л. 72.

⁵⁹² ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 533. Л. 211.

⁵⁹³ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Лл. 4, 12.

⁵⁹⁴ СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

Активность народные заседатели губернии проявляли в целом «среднюю» за исключением Порховского и Новоржевского уездов. Граждане избегали общественной деятельности, которую от них ожидали, не отчитывались перед избирателями. Была выявлена неподготовленность большинства заседателей, часто не имеющих даже самого общего представления о судебной политике власти.⁵⁹⁵ При этом осуществление принципов революционной законности было неразрывно связано «с широким участием рабоче-крестьянских масс» в работе народных судов. Однако сами представители «рабоче-крестьянских масс» недостаточно осознавали обязанности, возлагаемые советской властью на них, уклоняясь «под различными предлогами, иногда совершенно неосновательно», от участия в судебных заседаниях.⁵⁹⁶ Островский комитет ВКП(б) в августе 1926 г. выражал недовольство работой заседателей, которые «пассивны, неработоспособны».⁵⁹⁷ Возможно, это было связано с невысоким общим уровнем образования народных заседателей и отсутствием партийности, как показателя лояльности власти. Так, в 1926 г. все 12 народных заседателей из числа работников губернского комитета ВКП(б) отвечая критерию партийности, имели в большинстве своём низшее образование.⁵⁹⁸ В начале 1927 г. руководство губернии заявило: «Мы очень глубоко зашли, думая, что народные заседатели могут проводить на местах революционную законность, для этого они не очень грамотны».⁵⁹⁹ Поэтому «для достижения более активного участия» заседателей в работе судов, каждый народный судья был обязан с начала года созывать совещания с их участием «не менее одного раза в три месяца».⁶⁰⁰

На заседании губернского комитета ВКП(б) в 1926 г. было отмечено: «Правовая атмосфера в губернии значительно продвинулась вперёд как в смысле внедрения значения и необходимости внедрения революционной законности в сознание широких рабочих и крестьянских масс и налаженности работы по

⁵⁹⁵ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Лл. 22, 38 об., 40.

⁵⁹⁶ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 217. Л. 12; Д. 500. Л. 121.

⁵⁹⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 705. Л. 168.

⁵⁹⁸ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 116. Л. 105.

⁵⁹⁹ ГАНИПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 131. Л. 87.

⁶⁰⁰ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 442. Л. 96.

пропаганде советского права, так и по части исполнения советских законов учреждениями, должностными лицами и населением».⁶⁰¹ Однако народные судьи не обращали должного внимания к систематическому изучению советского права.⁶⁰² Так, Опочецкий уездный комитет ВКП(б) призвал местных судебных работников «обратить серьёзное внимание на углубление работы по поднятию квалификации».⁶⁰³ Образовательный уровень народных судей даже на губернском уровне продолжал оставаться низким. На эти должности на 1926 г. в уездах губернии претендовали граждане преимущественно с «низшим» образованием, крестьяне и рабочие по происхождению, в большинстве своём члены и кандидаты в члены ВКП(б). Лица с высшим, в том числе юридическим, образованием направлялись в основном на работу в аппарат губернского суда, их число было ограничено.⁶⁰⁴ В результате отбора качественный состав претендентов на замещение должностей в судебной кассационной и административной инстанции изменился в положительную сторону. В списке кандидатов в члены губернского суда на 1926 г. из 20 человек у 13 имелось низшее образование, 7 были с высшим (6 с юридическим). На должность председателя претендовал А.Д. Иост, бессменно занимавший этот пост с 1922 г., по происхождению крестьянин, по «личному положению» рабочий-металлист, имеющий за плечами лишь церковно-приходскую школу.⁶⁰⁵ В первой половине 1926 г. в Псковской губернии насчитывалось 64 судебных участка, в которых на должности народных судей были утверждены «почти исключительно рабочие и крестьяне», только 9 человек являлись представителями «трудовой интеллигенции». Принимались меры и по вовлечению в судебные органы на постоянную работу женщин. В участках Порховского и Великолукского уездов в качестве народных судей служили четыре женщины. В губернском суде в числе постоянных запасных также числилось три женщины-судьи.⁶⁰⁶

⁶⁰¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 669. Л. 237.

⁶⁰² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 666. Л. 118.

⁶⁰³ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 141. Л. 97.

⁶⁰⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 115. Лл. 131, 136; Д. 116. Лл. 176, 195, 250.

⁶⁰⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1397. Лл. 23, 24об.; Оп. 3. Д. 479. Лл. 29, 29 об.

⁶⁰⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 890. Л. 87.

В Островском уезде комитет ВКП(б) практически сразу после выхода в январе 1926 г. циркуляра об организации общественной работы судебных работников в директивной форме потребовал от уполномоченного губернского суда «немедленно приступить к организации правовых кружков для пропаганды советского права как в городе, так и в деревне, через которую провести работу по поднятию квалификации работников судебного аппарата».⁶⁰⁷ А еще в октябре 1925 г., «учитывая недостатки юридической подготовки судработников и для поднятия таковой», Псковский губернский комитет ВКП(б) предложил организовать юридические курсы на 30 человек продолжительностью от 3 до 6 месяцев. Их открытие было назначено на 1 января 1926 г.⁶⁰⁸ Однако идея реализована не была, по всей видимости, не удалось изыскать необходимых средств, открытие юридических курсов отложили до сентября, «ввиду дефицитности бюджета».⁶⁰⁹ На заседании бюро губернского комитета ВКП(б) 16 марта 1926 г. судебное руководство предложило, «имея в виду, что на местах судебные работники не в достаточной степени соответствуют своему назначению, принять меры к выдвижению работников, могущих быть использованными на судебной работе из других организаций».⁶¹⁰

21 сентября 1926 г. отдел судебного управления НКЮ в связи с тем, что низовые судебные работники Псковской губернии «по своей квалификации сильно нуждаются в переподготовке», предложил судебному руководству «срочно войти в губернский исполком» с ходатайством об ассигновании необходимых средств на открытие юридических курсов. И сам губернский суд отлично осознавал необходимость в таких курсах, но до сих пор организовать их в губернии удалось «лишь всего один единственный раз», в 1919 – 1923 гг.⁶¹¹ Опыт оказался положительным: в 1926 г. в губернии работало значительное число судей, которые «прошли тогда трёхмесячные юридические курсы». Но все же подавляющее большинство работников юстиции, особенно после кадровых

⁶⁰⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 705. Л. 230; Ф. 109. Оп. 1. Д. 170. Л. 150.

⁶⁰⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 468. Лл. 32, 36; Д. 634. Л. 59; Д. 637. Л. 197; Ф. 100. Оп. 1. Д. 238. Л. 8.

⁶⁰⁹ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 23.

⁶¹⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 668. Л. 76.

⁶¹¹ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 23.

перестановок 1924 – 1925 гг., когда в суды пришли крестьяне-выдвиженцы, в качестве аргумента в поддержку невысокого уровня профессиональной подготовки могли представить только «служебный стаж и практику», благодаря которым они «вполне справлялись с возложенными на них заданиями».⁶¹² Малый опыт практической работы в органах юстиции в 1926 г. начал рассматриваться как недостаток, поскольку «работник не успевает усваивать выдвигаемые жизнью задачи» за тот год, который он исполняет свои полномочия до следующих выборов. В 1918 – 1921 гг., когда не требовалось соблюдение всех процессуальных норм, народные судьи, не имеющие высокой профессиональной подготовки, в целом соответствовали уровню развития судебной системы периода Гражданской войны. Новые реалии, обусловленные реализацией новой экономической политики, потребовали от суда хорошего знания текущего, постоянно развивающегося законодательства и балансирования на грани классовых противоречий. Народные судьи теперь осуществляли деятельность «в сложных условиях, когда требуется с одной стороны обуздание враждебных социальному строительству элементов, с другой – соблюдение для них минимума предоставляемых рабоче-крестьянским правительством и коммунистической партией прав».⁶¹³ Так, в 1926 г. в Себеже из пяти судей один имел стаж работы 5 лет, другой – 4 года, третий – до 3-х лет, оставшиеся двое – до одного года. В марте местный комитет ВКП(б) принял решение «просить губком принять меры к проведению курсов в губернии» в связи с потребностью в «улучшении квалификации судебных работников».⁶¹⁴

Причиной «недостаточно качественной работы» шести народных судов Велижского уезда также называлась «низкая квалификация».⁶¹⁵ В Невельском уезде, наоборот, на 1 января 1926 г. подготовка всех пяти судей «удовлетворяла предъявляемым требованиям».⁶¹⁶ В Великолуцком уезде на июнь 1926 г. функционировали 9 камер народных судов, все судьи имели «большой

⁶¹² ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 149. Л. 75.

⁶¹³ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 200. Л. 75.

⁶¹⁴ Там же, л. 72.

⁶¹⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 690. Л. 353.

⁶¹⁶ ГАНИПО. Ф. 6077. Оп. 1. Д. 394. Лл. 8, 95.

практический опыт», семеро из них были членами ВКП(б).⁶¹⁷ В Островском уезде также в социальном отношении удалось сформировать удачный кадровый состав судей: все пятеро – крестьяне, трое – партийные, к тому же имеющие стаж работы в органах юстиции более трёх лет.⁶¹⁸

В таких условиях набор кандидатов на должности народных судей начали осуществлять, в соответствии с решением губернского комитета ВКП(б) от 16 марта 1926 г. путем централизованного набора граждан в губернских и уездных учреждениях. Проводилось укрепление кадрового состава народных судов политически благонадёжными работниками и из числа выдвиженцев-крестьян для «повышения интереса масс к работе советских судов». В результате этого набора в суды губернии попал ряд крестьян «от сохи». Некоторые предварительно были командированы этими организациями на областные юридические курсы, «по окончании коих» отправлялись «через губком в распоряжение губсуда».⁶¹⁹ «Опытные судебные работники», по замечанию губернского суда, тоже выражали желание «обязательно побывать на юридических курсах».⁶²⁰

Видимо, под влиянием распоряжения из НКЮ губернский исполком изыскал необходимые средства, и уже к 26 ноября 1926 г. на заседании президиума была утверждена программа занятий. Исходя из положения, что «быстрый, точный и экономный суд» может быть достигнут только при наличии «достаточной квалифицированности» работников «низового судебного аппарата», она приобрела практико-ориентированный характер, оказалась направлена на знакомство слушателей с основами советского права и нормативной базой судопроизводства. Для изучения были предложены следующие дисциплины: Политграмота (30 ч.), Конституции СССР и РСФСР (30 ч.), Положение о судостроительстве (6 ч.), Уголовный кодекс (30 ч.), Гражданский кодекс (40 ч.), Кодекс актов гражданского состояния (10 ч.), Земельный кодекс (20 ч.), Лесной кодекс (4 ч.), Кодекс законов о труде (10 ч.), Уголовно-процессуальный кодекс (40

⁶¹⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 897. Л. 71.

⁶¹⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 705. Л. 220; Д. 706. Л. 5.

⁶¹⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 116. Лл. 252, 253.

⁶²⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 565. Л. 121; Д. 892. Лл. 101, 102.

ч.), Положение о государственном нотариате и Положение о векселях и гербовом сборе (30 ч.), Исправительно-трудовой кодекс (4 ч.), Положение о дисциплинарных судах (2 ч.), законодательство о трестах (4 ч.), Ветеринарный устав (4 ч.), Арбитражные комиссии (2 ч.), судебная медицина (20 ч.). Программу выполнили за 56 дней (с 4 апреля по 17 июня 1927 г.), с января осуществлялся набор слушателей в уездах.⁶²¹

Обучение прошли 33 человека: 15 судей, шесть следователей, три судебных исполнителя, секретарь судебной коллегии уголовного отдела губернского суда, восемь выдвиженцев из рабочих и крестьян. В числе народных судей была одна женщина. 17 человек по результатам испытаний получили «хорошие» оценки, остальные – «удовлетворительные». В качестве преподавателей выступало руководство губернского суда, судьи, судмедэксперт. Все слушатели «остались на судебной работе». «После курсов они уже не те, что до курсов, - надеялся председатель губернского суда, - курсы будили и дисциплинировали их юридическую мысль, они не могли не вырасти и, пополнив и систематизировав свои знания, не отрешиться от тех неправильных навыков, которые ими были усвоены в процессе самостоятельной работы в далёких и заброшенных судучастках».⁶²²

На пленуме губернского исполнительного комитета 17 – 19 февраля 1927 г. состояние кадровой политики в отношении судов охарактеризовали следующим образом: «большая устойчивость в подборе и движении личного состава» и «большое вовлечение на судебную работу крестьян от сохи».⁶²³ На 1927 г. в состав губернского суда в качестве запасных судей были избраны три женщины: две бывшие партийные работницы с низшим образованием и одна беспартийная интеллигентка с высшим. В целом ситуация с образовательным уровнем работников судов, даже в центральном аппарате губернского суда, продолжала оставаться сложной. Из 21 судьи центрального аппарата лишь у двоих, (беспартийные интеллигенты) имелось высшее юридическое образование.

⁶²¹ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 444. Л. 41.

⁶²² ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Лл. 23, 36 об.

⁶²³ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 116. Л. 386.

Остальные члены суда являлись по происхождению крестьянами с низшим образованием, только один из них прошел обучение на областных юридических курсах.⁶²⁴ На 1 июля 1927 г. в штате ответственных работников губернского суда имелось 13 человек. Всего в судебных органах губернии «состояло на персональном учёте» 517 человек (включая судей, следователей, нотариусов, судебных исполнителей и технический персонал), из них – 160 женщины. Правда, народными судьями работало только четыре женщины (см. Приложение 8). Подавляющее большинство судей имело опыт работы в системе НКЮ больше года.⁶²⁵ Но, несмотря на это обстоятельство, «качество работы несколько страдало, в особенности, если принять во внимание, что даже среди ответственных работников лиц с юридическим образованием было «до чрезвычайности мало». «Отсутствие в губернии надлежаще подготовленных контингентов всегда давало о себе знать и продолжает служить тормозом при комплектовании личного состава судов», - отмечалось председателем губернского суда. Имели место частые смены судей. Причины текучести отмечались следующие: «Загруженность работой, нервная обстановка, при которой она протекает и, наконец, большая изнашиваемость работников, которым приходится не только работать, но одновременно учиться». Только в течение первого полугодия 1927 г. «состав в нарсуде обновился на 16 %».⁶²⁶ Связано это было с качеством работы самих народных судей, поскольку целенаправленный поиск сотрудников из числа идеологически близких слоёв населения по-прежнему не давал требуемых результатов. Качество их работы со времени масштабных чисток 1925 г. значительно не изменилось и вызывало претензии со стороны населения и органов власти, проверяющих структур (прокуратуры, ОГПУ, губернской контрольной комиссии).⁶²⁷ В делопроизводстве наблюдалась «неряшливость», имелись ошибки в заполнении статистических листков, несвоевременная отправка

⁶²⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 116. Л. 373.

⁶²⁵ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 18.

⁶²⁶ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 18.

⁶²⁷ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 172. Л. 73 об.

отчётности.⁶²⁸

Из информационной сводки ОГПУ от 14 апреля 1927 г. следует, что среди населения Рыковской волости Великолукского уезда имело место недовольство судьёй 6 участка, «будто бы за взятки выносящего оправдательные приговоры».⁶²⁹ По данным же ОГПУ уже от 29 июня 1927 г., в деревне Веригино Опочецкой волости судья в состоянии алкогольного опьянения разбирает дело о хулиганстве. Поскольку в этот день проходила местная ярмарка, то информация о поведении судьи быстро распространилась по округе, вызвала толки: «Судьи судят, а сами пьют».⁶³⁰ При этом в уезде был сформирован приемлемый кадровый состав. По данным отчета уполномоченного губернского суда, из пяти судей четверо были членами ВКП(б). Он оставался стабильным в течение 1926 – 1927 г.⁶³¹

В Велиже в апреле 1926 г. отмечалась слабая юридическая помощь населению со стороны народных судей. В результате проведённой в участке инспектором губернского суда ревизии оказалась выявлена «слабая деятельность народного суда в смысле неправильного разрешения дел, вследствие чего процент отмены губсудом приговоров и решений достиг 60 % и нездоровый уклон в карательной политике, объясняемый 40 % оправдательных приговоров».⁶³² Местная прокуратура в течение 1926 г. заявила, что ряд местных судей «вместо того, чтобы быть примерными проводниками революционной законности, имеют личные заинтересованности в кооперации», допускают растраты.⁶³³ А уже в 1927 г. среди народных судей уезда были выявлены случаи пьянства.⁶³⁴

В сентябре 1926 г. по ходатайству председателя губернского суда губернским исполкомом было санкционировано перемещение народного судьи Холмского уезда за ряд отменённых в высшей инстанции приговоров и решений «как не выдерживающий политической линии». Судья имел стаж работы 8 лет (с 1918 г.), «в его деятельности вредных уклонов не наблюдалось», проведённая

⁶²⁸ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.

⁶²⁹ ГАПО. Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 465. Л. 156.

⁶³⁰ ГАПО. Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 465. Л. 25.

⁶³¹ ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 404. Л. 54; Д. 532. Л. 124; Д. 533. Л. 211.

⁶³² ГАНИПО. Ф. 6077. Оп. 1. Д. 366. Л. 177.

⁶³³ ГАПО. Р-530. Оп. 1. Д. 571. Л. 38 об.

⁶³⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 116. Л. 321; Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 465. Л. 107.

ревизия участка также нарушений не выявила. Вследствие чего было принято решение «в видах сохранения в губернии кадров хорошо квалифицированных судебных работников народного судью Холмского уезда т. Смирнова переместить на ту же должность во вновь открываемый 10 судебный участок». Аналогичным образом поступили и с другим судьёй, который «утерял авторитет в районе участка».⁶³⁵ В карательной политике народных судов Опочецкого уезда в первой половине 1926 г. также случались «разнобои, что вызывает недоумение населения». В связи с этим «в целях поднятия авторитета отдельных народных судей и имеющее место компрометирующее поведение, дискредитирующее судебные органы», уездный комитет ВКП(б) предложил произвести «пересмотр всех работников и несоответствующих заменить новыми».⁶³⁶ В первом полугодии 1927 г. в уездах губернии вновь была проведена выборочная проверка личного состава народных судов.⁶³⁷

Другим направлением работы с личным составом являлась инструкторская деятельность, проводимая ответственным составом губернского суда, и качество которой к 1926 г. «удалось значительно улучшить», охватив в течение года большинство судебных участков, проводились совещания, издавались директивные письма. Установление «наиболее широкой живой связи» административных судебных органов с судами на местах предполагалось достичь регулярным командированием ответственных работников на места, вызовами судей «для доклада» в Псков.⁶³⁸ В уездах руководство судами осуществлялось «в порядке товарищеских советов, указаний и разъяснений, не носящих официального характера».⁶³⁹

К середине 1927 г. личный состав народных судов губернии оказался «подобран удовлетворительно в отношении карательной политики», которая оценивалась как «правильная», хотя и наблюдался «высокий процент (27, 3) оправдательных приговоров, что свидетельствовало о невнимательности

⁶³⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 116. Лл. 329, 330, 332.

⁶³⁶ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 1. Д. 204. Л. 150.

⁶³⁷ ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 439. Л. 1.

⁶³⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1014. Лл. 47-47 об.

⁶³⁹ ГАНИПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 131. Лл. 87, 87 об., 88, 88 об.

судей».⁶⁴⁰

По-прежнему основным принципом проведения кадровой политики в судах Псковской губернии в 1923 – 1927 гг. оставался классовый подход, который окончательно утвердился и стал определяющим на долгие годы. Это обстоятельство не способствовало положительным качественным изменениям. На должности судей попадали зачастую люди, не способные осуществлять судопроизводство на должном уровне, но обеспечивающие проведение необходимой карательной политики в соответствии с требованиями советской власти. Народные судьи, преодолевая недостаток образования, были вынуждены исполнять служебные обязанности, одновременно занимаясь профессиональной подготовкой, обучаясь на практике. Это влекло соответствующие последствия, оказывающие влияние на восприятие судебной системы населением губернии.

⁶⁴⁰ ГАНИПО. Ф. 6078. Оп. 3. Д. 3. Лл. 60, 192.

Заключение

Судебная система является одним из важнейших элементов государственного управления, обеспечивающим стабильность и формальную легитимность власти. Народные суды советского государства стали инструментом реализации концепции диктатуры пролетариата, выбранной большевиками в качестве основной модели общественного развития. В рамках исследования предпринята попытка определить особенности процесса становления судебных учреждений советского государства в 1917 – 1927 гг. на основе материалов Псковской губернии. В результате исследования нам удалось выявить ряд архивных и опубликованных источников, комплексный анализ которых позволяет сделать следующие выводы относительно особенностей организации и функционирования народных судов на территории этого региона.

Во-первых, классовая направленность новой судебной системы воспринималась административными органами Псковской губернии как необходимое условие стабилизации законности. Основным направлением деятельности народных судов являлось укрепление революционной законности, понимаемой советскими и партийными организациями обычно в двух значениях. Советские народные суды должны были создавать наиболее приемлемые правовые условия для социальных групп, являющихся основой новой власти: пролетариата, бедного и среднего крестьянства, батраков, трудовой интеллигенции. Одновременно, их задачей являлась борьба с преступностью.

Народные суды Псковской губернии создавались, как и многие учреждения советского государства, в условиях Гражданской войны. Политическая обстановка в силу специфического географического положения уже в начале 1918 г. оказалась обострена немецкой оккупацией. Народным судам приходилось завоевывать авторитет местного населения, которое в обстановке децентрализации и смены государственных систем не стремилось следовать указаниям новой власти. Руководство Псковской губернии, партийное и советское, уделяло значительное внимание целенаправленному и системному

проведению общественной работы народными судьями, в ходе которой разъяснялись правовые идеи большевиков, осуществлялось юридическое просвещение и консультирование населения на безвозмездной основе. Судьи оказывались зачастую единственными представителями государства на местах, не просто обладающими широкими властными полномочиями, но и способными заниматься подобной деятельностью. Необходимость реализации этого направления в работе народных судей была обусловлена как политическими и социальными задачами большевиков в целом, направленными на борьбу с массовой неграмотностью граждан, так и особенностями развития общества в переломную эпоху. Начало советской власти оказалось осложнено ростом правового нигилизма среди населения и лиц, занимающих ответственные должности в советских учреждениях. Одной из причин этого явления стало отсутствие сформированного в общественном сознании правового понимания должного и возможного. Оказывал влияние и новый фактор: большевики предоставляли необычайные возможности тем, кто раньше не имел возможности занять значительное положение в обществе, осуществлять управление им. Пришедшие во властные институты люди не всегда соответствовали занимаемым должностям, отвечая зачастую лишь предъявляемым большевиками классовым требованиям. Суды же в своей деятельности были вынуждены руководствоваться положениями законодательства предшествующей власти в силу отсутствия на первом этапе существования советского государства разработанного и соответствующего социальной действительности. В таких условиях нормы законодательства Российской империи, даже не имеющие ни политического, ни социального подтекста, воспринимались на волне революционного отрицания и энтузиазма как наследие неблагополучного прошлого. На первый план выходило правовое творчество народных масс, колеблющееся между самосудом и стремлением изменить устоявшиеся представления в стремительно изменяющемся мире. На практике, в процессе деятельности государственных учреждений и создаваемой большевиками политической системы поддержание легитимности осуществлялось в соответствии с принципами «революционной

совести», «революционной сознательности» и «революционного правосознания». Имело место даже перенесение бытовых представлений о праве в практическое поле. Это способствовало преобладанию субъективности в судопроизводстве, создавало условия для появления в деятельности народных судов фактора некоторой неожиданности и неоправданности ожиданий населения. Субъективизм в решениях стал приоритетом и отличием и местной власти, и работников юстиции Псковской губернии, вышедших из народной среды и не всегда в полной мере осознающих своё предназначение. Избирательный подход народных судей к избранию наказания для лиц, совершивших преступление, исходя из их классового происхождения, влѣк за собой ощущение безнаказанности. Непонимание граждан, а также и ответственных работников советских и партийных органов вызывало назначение судьями новой меры пресечения, «условного наказания», которая характеризовала появление особого уровня доверия между государством и обществом. Формальный выход осуждённых на свободу порождал сомнение населения в целесообразности функционирования народных судов. В определённой степени большевики оказались заложниками своей классовой политики, организовав избирательное назначение наказаний для лиц, совершивших преступления. Причины подобной ситуации определяются низким образовательным и культурным уровнем осуждённых и отсутствием должного уровня разъяснений со стороны народных судей. Именно поэтому ситуацию могло исправить только проведение просветительской работы среди населения. В Псковской губернии сумели выработать несколько ее форм: проведение показательных процессов по резонансным или преобладающим в местности преступлениям (хулиганство, изготовление самогона, незаконные аборты); организация систематической юридической помощи населению посредством вовлечения народных судей в работу изб-читален; создание разветвлѣнной сети кружков по изучению советского права; работа с народными заседателями. Функционирование юридических кружков и консультационных столов рассматривалось руководством губернии не только как средство просвещения населения, но и как

действенный способ организации самоподготовки работников юстиции. Находясь в непосредственном контакте с населением губернии, народные судьи, таким образом, являлись проводниками не только революционной законности в массы, но и государственной политики в целом. Не случайно особое внимание обращалось на работу не только среди крестьянства и рабочих, как наиболее заинтересованных социальных групп в целом, но и с женщинами как идеологически важной категорией населения, чей образ жизни в первой половине 1920-х гг. не всегда соответствовал провозглашаемому большевиками принципам. В Псковской губернии в области правовой просветительской работы среди женщин были достигнуты значительные результаты: с каждым годом их участие в работе судов в качестве народных заседателей приобретало положительное направление, в губернии появились первые женщины-судьи. Особенное направление общественной работы представляло создание большевиками института народных заседателей, участию которых в судебном процессе придавалось исключительное значение, содержащее, как и многое, идеологический подтекст. Это обеспечивало некоторое контролируемое влияние народных масс на работу государственного учреждения, обеспечивающего проведение карательной политики в необходимом классовом направлении. Возвращаясь с сессий народных судов, заседатели делились со своими односельчанами и коллегами на предприятиях и в учреждениях тем, что видели и слышали. Такая пассивная форма пропаганды имела определённые результаты, но наибольшего эффекта, по мнению руководства губернии, можно было добиться только посредством целенаправленной просветительской деятельности с их стороны. Отсутствие должного уровня сознательности зачастую сводило на нет предпринимаемые усилия по активизации работы народных заседателей с избирателями и возможными преемниками на различных съездах, конференциях, заседаниях с докладами и отчётами.

Отличительной чертой, оказывающей влияние на работу народных судов в волостях и уездах Псковской губернии, явилось также перенесение штурмовых методов работы, основанных главным образом на революционном энтузиазме, в

сферы общества, не готовые и не способные, несмотря на окружающие условия, функционировать без отрицательных последствий ввиду нарушения определённой модели поведения. В Псковской губернии в течение 1918 – 1927 гг. отдельные представители уездных и волостных советских и партийных органов систематически пытались оказывать влияние на народные суды, на характер принимаемых ими решений и постановлений. Нарушения носили подчас субъективный подтекст и являлись следствием неоправданных ожиданий отдельных представителей власти от принимаемых судами решений. Основным методом воздействия на народных судей оказался наиболее простой и действенный в условиях формирования административно-командной системы: отстранение от должности с нарушением предусмотренной законодательством процедуры. Подвергали советские и партийные органы работников юстиции Псковской губернии и необоснованным мобилизациям на различные «трудовые фронты», искусственно останавливая работу судов. Находились народные суды и в материальной зависимости от местных властей. В результате ряд судебных участков в уездах Псковской губернии, испытывая острый недостаток средств, функционировали в сложнейших бытовых и санитарных условиях. До 1920 г. (до выхода очередного Положения о народном суде) процесс отзыва народных судей не был точно прописан в регламентирующей деятельность советской судебной системы нормативной базе. В Псковские губернские комитет РКП(б) и исполнительный комитет неоднократно поступали жалобы на неправомерные действия их уездных и волостных представителей в отношении народных судей. Однако ответная реакция не всегда являлась жесткой и последовательной в той степени, чтобы местные организации им следовали в полной мере. Причины этого, по всей видимости, лежат в своеобразном понимании принципов законности и особенностями функционирования административной вертикали, обусловленными наличием механизма двойного контроля за большинством элементов системы со стороны и непосредственного руководства, и партийных органов. Только в июне 1920 г. в Псковской губернии был разработан регламент отстранения судейского аппарата от занимаемых должностей, ограждавший

судебных работников от влияния местных властей. Однако ни он, ни Положение о народном суде не смогли в полной мере защитить народных судей губернии от давления со стороны местных администраций.

Во-вторых, классовые принципы, положенные в основу кадровой политики, способствовали как успешной реализации основных, политико-идеологических, задач советского суда, так и создали значительное количество трудностей, не преодоленных в первое десятилетие власти большевиков. Большинство лиц, претендовавших на замещение должностей народных судей в Псковской губернии, отвечали лишь формально предъявляемым требованиям, не соответствующим действительным потребностям судебной системы. Работники юстиции в основной массе не имели даже систематического школьного образования. Однако наличие необходимого классового происхождения, стажа политической или общественной работы, воспринимались большевиками как гарантия правильного проведения карательной политики в требуемом направлении. Действительно, практически не обладающие необходимыми профессиональными знаниями работники юстиции могли обеспечивать лишь идеологическую составляющую в работе народных судов, утверждая в судопроизводстве идеи диктатуры пролетариата. Низкий образовательный уровень вынуждал судей руководствоваться не столько положениями формирующегося законодательства, сколько принципом «революционной совести». Для преодоления создавшегося положения в Псковской губернии были организованы юридические курсы, действовавшие в 1919 – 1923 гг. Их слушатели, работники судебного ведомства, вне зависимости от начального уровня образования, получали необходимые знания, знакомились с нормативной базой. В связи с недостатком средств курсы пришлось закрыть. Однако образовательный уровень работников юстиции продолжал оставаться низким, и в 1927 г. они были организованы вновь. Ещё одним направлением профессиональной подготовки судей губернии явилось их направление на областные юридические курсы в Петроград, а также на квотируемые места на юридическом факультете Петроградского университета.

В-третьих, в организационном плане судебная система Псковской губернии была нестабильна. Постоянно изменялось количество судебных камер в уездах, происходили перемены в административной структуре. Псковскими органами советской власти была предпринята попытка оптимизации системы управления народными судами. На начальном этапе система губернии соответствовала положениям текущего законодательства и общим тенденциям развития государственного аппарата РСФСР. Отдел юстиции губернского исполнительного комитета осуществлял координацию деятельности практически всех правоохранительных учреждений, включая в числе прочих и народные суды. Он занимался управлением народными судами непосредственно напрямую через сеть уездных бюро в структуре местных исполкомов, контролируя также деятельность Совета народных судей губернии. Совет выполнял не только кассационные функции, но и также управлял всеми правоохранительными учреждениями, фактически дублируя отдел юстиции губернского исполнительного комитета. В уездах представительствами Совета являлись Президиумы съездов народных судей. В 1919 г. в ряде уездов вместо съездов народных судей начали созываться совещания. Была предпринята попытка создания бюро совещаний, действующих на постоянной основе как координирующие органы. В некоторых уездах в исполкомах наряду с бюро юстиции были организованы специализированные судебные отделы. Подобная система вносила дезорганизацию и в конечном итоге в уездах губернии вернулись к прежней модели: сосуществование бюро юстиции и съездов народных судей. Наличие двух вертикалей управления судами губернии, вызывающее затраты значительных средств и кадровых ресурсов, вынудило начать поиск новых форм управления. Предложенная Советом народных судей губернскому исполнительному комитету в 1920 г. модель, основанная на сведении всех функций управления юридическими учреждениями на Совете народных судей, была воспринята положительно, так как способствовала и экономии денежных и кадровых ресурсов, и усиливала ответственность подведомственных структур. Однако в результате её реализации оказались неудачными. В дальнейшем административная структура судебных

учреждений Псковской губернии соответствовала Положению о судоустройстве РСФСР 1922 г., по которому административная вертикаль включала губернский суд как кассационную инстанцию и орган управления учреждениями юстиции и институт уполномоченных губернского суда в уездах. Никаких попыток по оптимизации или доработке этой системы не предпринималось.

Таким образом, судебные учреждения Псковской губернии занимали активную позицию по отношению к своей работе, осуществляли поиск форм и методов деятельности. После революции октября 1917 г. судебные учреждения советского государства прошли несколько этапов, представляющих собой апробацию советским руководством различных моделей судебной системы, поиск наиболее простой и эффективной. Советские реформаторы не сразу пришли к трёхступенчатой структуре судов, обеспечившей полный территориальный охват и четкое распределение полномочий и функций (народный суд уезда (города), губернский суд, Верховный суд РСФСР). Эта модель успешно реализовывалась весь последующий советский период, продолжает без значительных изменений функционировать и в настоящее время. Советские правоведы впервые ввели в судебный процесс в качестве активных участников народных заседателей, последовательно проводили идею о выборности судей, о независимости их от местных администраций. Народные суды Псковской губернии, развиваясь в общереспубликанском реформаторском русле, смогли справиться не только со своими прямыми обязанностями по установлению законности в сложнейший и противоречивый период истории нашего государства, но и немало преуспели в укреплении идеологических позиций большевиков в регионе, способствуя своими приговорами и решениями укреплению социально-экономической обстановки.

Список сокращений

ВИК, волисполком Волком	Волостной исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Волостной комитет РСДРП(б)/РКП(б)/ВКП(б)
Губисполком, ГИК	Губернский исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
Губком	Губернский комитет РСДРП(б)/РКП(б)/ВКП(б)
Губотдел труда	Отдел труда губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
Губпрофсовет	Губернский совет профессиональных союзов
Губсуд	Губернский суд
Исправтруддом, исправдом	Исправительно-трудовой дом, место лишения свободы
Нарсуд	Народный суд
НКЮ РСФСР	Народный комиссариат юстиции Российской Советской Федеративной Социалистической республики
ОГПУ	Объединённое государственное политическое управление при Совете народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик
Следаппарат	Следственный аппарат
СНК РСФСР/СССР	Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической республики / Союза Советских Социалистических Республик
Уисполком, УИК	Уездный исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
Уком	Уездный комитет РСДРП(б)/РКП(б)/ВКП(б)
Уполгубсуда	Уполномоченный губернского суда в уезде

Список использованных источников и литературы

I. Источники

Архивные документы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. А353 – Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР)

Оп. 1. Дд. 1, 232.

Оп. 2. Д. 4.

Оп. 3. Д. 196.

2. Государственный архив Псковской области (ГАПО)

Ф. Р-180 ОАФ – Народные судьи Псковского уезда

Оп. 1. Дд. 3, 7, 9.

Ф. Р-284 ОАФ – Псковский губернский суд и уполномоченный губернского суда по Новоржевскому уезду

Оп. 1. Дд. 3, 13, 65.

Ф. Р-286 – Новоржевский уездный совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет

Оп. 1. Дд. 1, 4, 5, 14, 18, 19, 22, 57, 87, 88, 91, 93, 98, 106, 132, 135, 140, 201, 224, 262, 266, 355.

Ф. 515 – Отдел юстиции Псковского губернского исполнительного комитета

Оп. 1. Дд. 3, 4, 8, 9, 10, 11.

Ф. Р-530 – Псковский уездный совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет

Оп. 1. Дд. 38, 189, 416, 479, 482, 570, 571.

Ф. Р-532 – Островский уездный совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет

Оп. 1. Дд. 6, 51, 130.

Ф. Р-590 – Псковский губернский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет

Оп. 1. Дд. 28, 29, 31, 32, 35, 259, 269, 334, 337, 338, 340, 342, 349, 443, 447, 449, 452, 454, 512, 513, 514, 515, 519, 569, 729, 777, 783, 786, 968, 972, 977, 1311, 1323, 1345, 1348, 1382, 1530.

Оп. 2. Дд. 114, 115, 116, 117, 118, 161.

Ф. Р-608 – Порховский уездный совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет

Оп. 1. Дд. 10, 19, 20, 22, 29, 98, 175, 176, 181, 189, 232, 302, 303, 314, 375, 415, 416, 448, 553, 555, 576, 578, 692, 842, 849, 848, 952, 962.

Ф. Р-621 – Уголовно-следственная комиссия бюро народного суда Новоржевского уезда

Оп. 1. Д. 5.

Ф. Р-626 – Псковский губернский революционный трибунал

Оп. 3. Д. 19, 194.

Ф. Р-809 ОАФ – Бюро съездов народных судей Порховского уезда и народный суд 4-го участка

Оп. 1. Д. 10.

Ф. Р-827 – Отдел Государственного политического управления при Псковском губернском исполнительном комитете (ОГПУ)

Оп. 1. Д. 465.

Ф. Р-960 ОАФ – Бюро народных судей Новоржевского уезда, народный суд по особо сложным уголовным делам, особая сессия народного суда, народные суды по участкам

Оп. 1. Дд. 1, 2, 5, 6, 7, 25.

Оп. 2. Д. 2.

3. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО)

Ф. 1 – Псковский губернский комитет РКП (б) / ВКП (б)

Оп. 1. Дд. 39, 130, 199, 200, 260, 294, 311, 312, 323, 343, 372, 451, 1397.

Оп. 3. Дд. 4, 7, 85, 119, 199, 201, 205, 206, 249, 253, 269, 272, 293, 294, 299, 303, 305, 362, 365, 384, 412, 444, 445, 448, 464, 466, 468, 469, 479, 507, 508, 512,

515, 519, 528, 536, 537, 565, 622, 627, 630, 634, 636, 637, 666, 668, 669, 670, 676, 687, 690, 697, 698, 700, 701, 702, 705, 706, 890, 892, 897, 1014, 1463.

Ф. 2 – Псковская губернская контрольная комиссия РКП (б) / ВКП (б)

Оп. 1. Дд. 28, 32, 42, 50, 175, 176, 207, 232, 233, 234, 256, 257, 259, 260, 380, 422, 423, 425, 480.

Ф. 9. – Псковский уездный комитет РКП (б) / ВКП (б)

Оп. 1. Дд. 11, 89, 119, 121, 149, 154, 167, 174, 180, 192, 200, 217, 497, 500, 545, 1010.

Ф. 100 – Новоржевский уездный комитет РКП (б) / ВКП (б)

Оп. 1. Дд. 21, 35, 37, 172, 173, 178, 198, 200, 201, 211, 235, 238, 239, 240, 249, 296, 304, 360, 368, 404, 414, 439, 442, 444, 468, 475.

Ф. 109 – Островский уездный комитет РКП (б) / ВКП (б)

Оп. 1. Дд. 36, 79, 95, 106, 118, 129, 145, 147, 170, 172, 174, 185, 192, 200, 354, 360, 361, 396, 420, 691.

Ф. 5713 – Опочецкий уездный комитет РКП (б) / ВКП (б)

Оп. 1. Дд. 220, 223, 296, 326, 404, 438, 477, 479, 532, 533.

Ф. 6075 – Великолукский уездный комитет РКП (б) / ВКП (б)

Оп. 1. Дд. 15, 35, 43, 45, 81, 86, 125, 131.

Ф. 6077 – Невельский уездный комитет РКП (б) / ВКП (б)

Оп. 1. Дд. 269, 304, 366, 368, 394, 421.

Ф. 6078 – Себежский уездный комитет РКП (б) / ВКП (б)

Оп. 1. Дд. 80, 81, 82, 84, 137, 138, 141, 149, 200, 201, 204.

Оп. 3. Д. 3.

Опубликованные источники

А). Документы центральных советских организаций

1. Верещагин, И.Г. Народный суд: С образцами прошений и жалоб. – М.: Долой неграмотность, 1925. – 46 с.

2. Резолюции III-го Всероссийского съезда деятелей советской юстиции. – М.: Московское отделение Военной типографии Всероссийского Главного штаба, 1920. – 18 с.

3. Советский суд. Спутник крестьянина и рабочего по судебным и административным местам. Пособие для народных заседателей и избачей / Под ред. Ф.М. Нахимсона. Изд. 2-е. – Л.: Прибой, 1925. – 96 с.

4. Собрание узаконений и распоряжений правительства (СУ РСФСР):

1917 г. № 4. Ст. 50;

1918 г. № 26. Ст. 347; № 85. Ст. 889, Ст. 890;

1919 г. № 2. Ст. 29;

1920 г. № 47. Ст. 211; № 83. Ст. 407;

1922 г. № 36. Ст. 424, Ст. 425; № 69. Ст. 902;

1924 г. № 39. Ст. 357; Ст. 361; № 41. Ст. 370;

1927 г. № 82. Ст. 547.

Б). Документы местных органов власти и управления

1. Десять лет власти Советов в Псковской губернии: 1917 – 1927. – Псков: Псковский окружной исполнительный комитет, 1927. – 131 с.

2. Живописцев, А.Н. Народный суд: Руководство для народных судов, следственных комиссий и других судебных и административных учреждений / Составлен заведующим судебно-следственным подотделом. 2-е изд. – Тамбов: Тамбовский отдел юстиции губернского исполнительного комитета, 1919. – 791 с.

3. Имшенецкий, В. Новый народный суд. – Самара: Самарский губернский исполнительный комитет, 1918. – 38 с.

4. Отчёт за 1923 – 1924 хозяйственный год XIV Губернскому съезду советов. – Псков: Псковский губернский исполнительный комитет, 1925. – 248 с.

5. Отчёт за 1925 – 1926 хозяйственный год XVI Губернскому съезду советов. – Псков: Псковский губернский исполнительный комитет, 1927. – 101 с.

6. Отчёт Псковского губкома РКП (б) к XVII Губпартконференции с 1-го октября 1924 г. по 1-е октября 1925 г. – Псков: Псковский губернский комитет РКП(б), 1925. – 80 с.

В). Труды советских государственных деятелей и юристов

7. Берман, Я.Л. Основные вопросы теории пролетарского государства. – М.: Государственное издательство, 1924. – 246 с.
8. Бухарин, Н.И., Преображенский, Е.А. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы российской коммунистической партии // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX – XX вв. / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 829 с. С. 544 – 551.
9. Вышинский, А.Я. Вопросы теории государства и права М.: Государственное юридическое издательство, 1949. – 419 с.
10. Вышинский, А.Я. Государственное устройство СССР. Издание третье. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. – 48 с.
11. Вышинский, А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты. Исправленная и дополненная стенограмма доклада на собрании Московской коллегии защитников 21 декабря 1933 г. – М.: Редакционно-издательский сектор Мособлисполкома, 1934. – 42 с.
12. Крыленко, Н.В. Советское правосудие. Суд и прокуратура в СССР. 2-е изд. – М.: НКЮ СССР, 1937. – 24 с.
13. Крыленко, Н.В. Судостроительство РСФСР: Лекции по теории и истории судостроительства. – М.: Юридическое издательство НКЮ, 1924. – 407 с.
14. Курский, Д.И. Пролетарское право // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX – XX вв. / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 829 с. С. 552 – 556.
15. Ленин, В.И. Противоречивая позиция // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 338 – 340.
16. Ленин, В.И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 151– 59.
17. Луначарский, А. В. Революция и суд // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX – XX вв. / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 829 с. С. 556 – 559.

18. Пашуканис, Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. – М.: Наука, 1980. – 271 с.
19. Разумовский, И.П. Проблемы марксистской теории права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX – XX вв. / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 829 с. С. 667-679.
20. Рейснер, М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX – XX вв. / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 829 с. С. 659 – 666.
21. Стучка, П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига: Латвийское государственное издательство, 1967. – 748 с.
22. Стучка, П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. – М. Государственное юридическое издательство, 1931. – 175 с.

II. Литература

А). Монографии и статьи

1. Абдурахманова, И.В. Некоторые аспекты формирования образа советского правосудия в массовом правосознании 1918-1921 гг. // Юристы-Правоведь. – 2008. – № 3. – С. 83 – 87.
2. Абдурахманова, И.В. Рефлексия «революционной законности» в массовом сознании 1917 – 1921 гг. // Философия права. – 2008. – № 3. – С. 20 – 25.
3. Абрамовский, А.А. Становление института советского суда на Урале в 1917 – 1918 гг. (на примере Оренбургской губернии) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – Т. 9. – № 1. – С. 29 – 35.
4. Алексеев, С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1995. – 311 с.
5. Алексеев, С.С. Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – М.: Норма, 1999. – 330 с.
6. Бабенко, В.Н. Судебная власть России: история и современность. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – 264 с.

7. Бернштейн, Д. Правовая ответственность как вид социальной ответственности и пути её обеспечения. – Ташкент: Фан, 1989. – 148 с.
8. Байкадамов, Н.С. Некоторые аспекты первых судебных декретов советской власти // Юридические науки. – 2007. – № 3. – С. 136 – 138.
9. Бондаренко, А.В. Законодательные основы судебной системы РСФСР в годы нэпа // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1. – С. 69 – 75.
10. Бондаренко, А.В. Развитие законодательства о судебной системе РСФСР 1917-1929 гг. // Современные гуманитарные исследования. – 2008. – № 3. – С. 143 – 148.
11. Бондаренко, А.В. Судебное управление и надзор в рамках судебной реформы 1922 г. // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 1. – С. 231 – 233.
12. Буков, В.А. Суд и общество в Советской России: у истоков тоталитаризма. – М.: Российская правовая академия Минюста России, 1992. – 263 с.
13. Булюлина, Е.В. Из истории судебных учреждений Царицына-Сталинграда. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – № 1. – С. 20 – 26.
14. Вдовенков, В.М. Становление и развитие судебной власти на территории Хабаровского края / Под ред. А. А. Власова. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2003. – 80 с.
15. Верещагина, А.В. Декрет № 1 о суде // Администратор суда. – 2011. – № 1. – С. 34 – 37.
16. Верещагина, А.В. Декрет о суде № 1: история подготовки и его содержание // Журнал российского права. – 2011. – Т. 6. – № 174. – С. 101 – 109
17. Воронцов, П.И. Советский народный суд. – Л.: Ленинградский губернский профессиональный совет, 1926. – 56 с.

18. Гаврилов, О.А. Правотворчество и актуальные проблемы социального развития // Право и правотворчество: вопросы теории. – М.: ИГПАН, 1982. – С. 43 – 47.
19. Дзидзоев, А.Д. Становление советской судебной системы (1917–1930-е гг.) // Вестник владикавказского научного центра. – 2008. – Т. 8. – № 4. – С. 41–46.
20. Дудолин, А. Советский народный суд в СССР. – Свердловск: Уралкнига, 1925. – 32 с.
21. Елистратов, А.И. Об утверждении законности в советском строительстве // Советское право. – 1922. – № 1. – С. 128 – 130.
22. Жуков, В.В. Становление и функционирование советской судебной правовой системы в Башкирской АССР (1919 – 1929 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 85. – С. 327 – 332.
23. Звягинцев, А.Л., Орлов, Ю.Г. Распяты революцией: Российские и советские прокуроры. XX век. 1922 – 1936. – М.: РОССПЭН, 1998. – 511 с.
24. Исаева, Т.С. Из истории становления судебной системы на Дальнем Востоке // Юридический журнал. – 2010. – Вып. 7. – С. 5 – 7.
25. Иванов, С.А. Красный Октябрь на Псковщине. 2-е изд. – Л.: Лениздат, 1984. – 223 с.
26. Иванов, С.С. Судебные органы // История советского государства и права. В 3-х кн. / Глав. ред. А.П. Косицын. Кн. 1. – М.: Наука, 1966. – 635 с. С. 187 – 198.
27. Иванов, С.С. Судебные органы // История советского государства и права. В 3-х кн. / Глав. ред. А.П. Косицын. Кн. 1. – М.: Наука, 1966. – 635 с. С. 425 – 436.
28. Ираши, М. Народный суд в деревне: (Очерки деревенской практики). – М.: Государственное издательство, 1925. – 44 с.

29. Камалова, Г.Т. Особенности строительства судебной системы на Урале в годы новой экономической политики // Право и государство: теория и практика. – 2007. – Т. 32. – № 8. – С. 147 – 150.
30. Камалова, Г.Т. Организация советской судебной системы в годы новой экономической политики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – Т. 2. – № 13. – С. 84 – 90.
31. Камалова, Г.Т. Формы привлечения общественности к участию в работе судебных органов Урала (1922-1930 гг.) // Российский судья. – 2009. – № 9. – С. 44 – 46.
32. Керимов, Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. – М.: Мысль, 1986. – 330 с.
33. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 440 с.
34. Кожевников, М.В. История Советского суда. 1917 – 1956. 2-е изд. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 383 с.
35. Козлов, А.Ф. Организация народных судов в истории Советского государства // Правоведение. – 1967. – № 3. – С. 18 – 26.
36. Колесняк, Е.В. Об особенностях эволюции судебной системы в советском государстве в условиях НЭПа // Право и политика. – 2008. – № 5. – С. 1250 – 1254.
37. Коссов, И.А. Окружные народные суды в судебной системе РСФСР (февраль-ноябрь 1918 г.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 11. – С. 87 – 96.
38. Колемасов, В.Н. Организация работы судебной системы в 1920-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2011. – № 2. – С. 146 – 150.
39. Кудрявцев, В., Трусков, А. Политическая юстиция в СССР. – М.: Наука, 2000. – 365 с.
40. Кумыкин, Н.Н. Народный суд и его работа. – М., Л.: Молодая гвардия, 1925. – 48 с.

41. Курицын, В.М. Переход к НЭПу и революционная законность. – М.: Наука, 1972. – 216 с.
42. Кутафин, О.Е., Лебедев, В.М., Семигин, Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 5. – М.: Мысль, 2003. – 800 с.
43. Лукашева, Е.А. Социалистическое правосознание и законность. – М.: Московский университет, 1973. – 334 с.
44. Михайлов, В.А. Создание основ советской уголовно-судебной власти // Публичное и частное право. 2009. № 2. С. 64-85
45. Михайлов, В.А. Судебно-правовая реформа в РСФСР (1922 –1924) // Публичное и частное право. – 2010. – № 5. – С. 58 – 88.
46. Малицкий, А.Л. Народный суд. – Харьков: Путь просвещения, 1923. – 31 с.
47. Нагорная, Т.А. Правоохранительная функция советского государства в период новой экономической политики // Аграрное и земельное право. – 2008. – № 1. – С. 126 – 132.
48. Немцев, Н. О дисциплинарных проступках наших судей // Рабочий суд. – 1925. – №47 – 48. – С. 1755 – 1758.
49. Олейник, И.И. Местные комиссариаты юстиции в системе советского государственного управления // История государства и права. –2010. – № 16. – С. 29 – 33.
50. Олейник, И.И. Организация и результаты юридической подготовки работников правоохранительной органов в советском государстве (1917 – 1941 гг.) // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 2. – С. 259 – 264.
51. Олейник, И.И. Особенности становления народных судов в советском государстве (1918 – 1920 гг.) // Российский судья. – 2004. – № 5. – С. 43 – 48.
52. Олейник, И.И. Становление и развитие органов управления советской юстицией в 1917 – 1936 гг. // История государства и права. – 2009. – № 22. – С. 23 – 26.

53. Очерки истории Псковской организации КПСС. – Л.: Лениздат, 1971. – 542 с.
54. Павлов, Б.В. Становление контроля партийной номенклатуры над правоохранительной системой в 1921 – 1925 гг. // Вопросы истории. – 2004. – № 1. – С. 32 – 35.
55. Политико-правовые ценности: история и современность. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 254 с.
56. Портнов, В.П., Славин, М.М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России, 1917 – 1920 гг. – М.: Наука, 1987. – 254 с.
57. Портнов, В.П., Славин, М.М. Становление правосудия Советской России (1917 – 1922). – М.: Наука, 1990. – 168 с.
58. Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Межведомственная научно-практическая конференция: 23 апреля 1999 г., г. Псков. Материалы научных докладов. / Сост. И.М. Шаманов и др. – Псков: Псковский областной государственный центр народного творчества, 1999. – 183 с.
59. Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Вторая межведомственная научно-практическая конференция: 18 апреля 2000 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. – Псков: Псковский областной государственный центр народного творчества, 2000. – 197 с.
60. Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Материалы третьей межведомственной научно-практической конференции: 24 апреля 2001 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова. – Псков: Псков-Инфопресс, 2001. – 158 с.
61. Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Четвёртая региональная научно-практическая конференция: 16 октября 2002 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова, С.Е. Матвеева. – Псков: Псков-Инфопресс, 2002. – 211 с.

62. Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Пятая региональная научно-практическая конференция: 21 апреля 2003 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова, С.Е. Матвеева. – Псков: Псков-Инфопресс, 2003. – 223 с.

63. Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов шестой межрегиональной научно-практической конференции: 19 апреля 2004 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова. – Псков: Псков-Инфопресс, 2004. – 311 с.

64. Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов научно-практической конференции: 18 апреля 2005 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова. – Псков: Псков-Инфопресс, 2005. – 387 с.

65. Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов научно-практической конференции: 17 апреля 2006 г., г. Псков. / Сост. И.М. Шаманов и др. / Под ред. В.П. Сальникова, С.Е. Матвеева. – Псков: Псков-Инфопресс, 2006. – 451 с.

66. Правоприменительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 1. / Сост. С.Д. Лыских, А.А. Неробеев. – Псков: Псковский государственный педагогический университет, 2009. – 219 с.

67. Правоприменительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 2. / Сост. С.Д. Лыских, В.А. Попов. – Псков: Псковский государственный педагогический университет, 2010. – 200 с.

68. Псков: Очерки истории. Сборник. / Под ред. И.П. Шаскольского. – Л.: Лениздат, 1971. – 367 с.

69. Псковский край в истории СССР. Очерки истории / Под ред. Г.М. Дейча, С.И. Колотиловой. – Л.: Лениздат, 1970. – 478 с.

70. Рабинович, П.М. Борьба за социалистическую законность в РСФСР, 1917 – 1920 гг. // Правоведение. – 1967. – № 5. – С. 122 – 131.
71. Ривлин, А.Л. Организация суда и прокуратуры СССР. – Харьков: Харьковский университет, 1968. – 230 с.
72. Рогалина, Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство // НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. – 217 с. С. 139 – 150.
73. Роцин, Б.Е. Роль П.И. Стучки в становлении системы советского права (к 145-летию со дня рождения) // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота. – 2010. – № 12. – С. 50 – 52.
74. Сергиенко, В.А. Деятельность советских судебных органов на Дальнем Востоке в 20-е гг. XX в. // Власть и управление на востоке России. – Владивосток: Дальневосточная академия государственной службы, 2008. – № 1. – С. 100 – 107.
75. Скрыпник, Н.А. Народный суд, его задачи и его деятельность. – Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1925. – 34 с.
76. Смыкалин, А. Судебная реформа 1922 года // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 39 – 42.
77. Соседов, Е.А. Кадровый состав судебных органов Тамбовской губернии и его роль в реформировании судебной системы в годы НЭПа // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 100. – № 8. – С. 322 – 325.
78. Соседов, Е.А. Судебная система Тамбовской губернии периода нэпа // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – Т. 43. – № 3 – 2. – С. 26 – 30.
79. Стецовский, Ю.И. Адвокатура и государство. – М.: Юрист, 2007. – 606 с.
80. Стецовский, Ю.И. История советских репрессий. Т. 1. – М.: Знак-СП, 2007. – 325 с.
81. Тарасенко, Ф.Г. Вопросы организации и деятельности советских судов. – М.: Государственное юридическое издательство, 1958. – 135 с.

82. Тяжелникова, В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е гг. // Отечественная история. – 1998. – № 6. – С. 158 – 173.

83. Филимонов, А.В. Псков в 1920-1930-е гг.: очерки социально-культурной жизни. – Псков: Псковская областная типография, 2005. – 303 с.

84. Филонова, О.И. Осуществление правовой политики государства судебными органами РСФСР в период НЭПа. // История государства и права. Издательская группа «Юрист», 2013. – № 10. – С. 45 – 47.

85. Хлопаева, М.Е., Третьякович, А.А. Укрепление системы советского правосудия в 1919 – 1921 гг. // История государства и права. – 2006. – № 12. – С. 16 – 17.

86. Хачатурян, Б.Г. Низовая юстиция и местное самоуправление (к истории вопроса) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2012. – № 5. – Ч. 2. – С. 211 – 216.

Б) Диссертации и авторефераты

87. Абдурахманова, И.В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект. Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Абдурахманова Ирина Вениаминовна. – Ростов-на-Дону: 2009. – 589 с.

88. Алакпаров, К.А. Становление отечественного суда и формирование принципов судопроизводства в 1917-1936 гг. Дис. ... канд. Юрид. наук: 12.00.01 / Алакпаров Казим Алакпарович. – М.: 2005. – 215 с.

89. Белюков, Д.А. Особенности организации и деятельности Псковской губернской милиции (1917-1927 гг.). Дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02/ Белюков Дмитрий Анатольевич. – Великий Новгород: 2003. – 219 с.

90. Ганин, В.В. Государственная политика в области подготовки юридических кадров России (конец XIX–XX вв.). Дис. ... д-ра историч. наук: 07.00.02 / Ганин Владислав Валентинович. – М.: 2003. – 554 с.

91. Казаков, А.И. Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 гг. Дис. ... юрид. наук: 12.00.01 / Казаков Алексей Иванович. – Свердловск: 1984. – 212 с.
92. Коссов, И.А. Становление народных судов и Наркомат юстиции РСФСР, (1917 – 1922 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Коссов Иван Александрович. – М.: 2006. – 214 с.
93. Крыжан, А.В. Становление и развитие местных органов советской юстиции. 1917-1922 гг.: на материалах Курской губернии. Дис. ... канд. историч. наук: 07.00. 02 / Крыжан Анна Викторовна. – Курск: 2010. – 160 с.
94. Олейник, И.И. Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР (1917 – 1936 гг.). Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Олейник Ирина Ивановна. – Владимир: 2006. – 443 с.
95. Павлов, В.А. Становление органов юстиции и прокуратуры РСФСР (Октябрь 1917 г. – декабрь 1922 г.). Дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02 / Павлов Василий Анатольевич. – М.: 2004. – 174 с.
96. Садков, В.Н. Наркомат юстиции РСФСР и советское законодательство, 1917 – 1922 гг. Дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02 / Садков Виталий Николаевич. – М.: 1996. – 207 с.
97. Титков, В.И. Организационно-правовые основы советского правосудия: 1917-1929 гг. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Титков Владимир Иванович. – Владимир: 2008. – 192 с.
98. Чекунов, Н.А. Судебная реформа 1922 года в Петрограде-Ленинграде. Дис. ... юрид. наук: 12.00.01 / Чекунов Николай Александрович. – СПб.: 2004. – 172 с.
99. Шабалина, Е.И. Историко-правовое исследование места и роли органов прокуратуры в механизме Советского государства: 20 – 30 гг. XX века. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шабалина Евгения Ивановна. – М.: 2007. – 187 с.

100. Шабанова, И.Н. Становление и развитие судебной системы в Среднем Урале (1918-1938 гг.) // Автореф. ... дис. канд. историч. наук: 07.00.02 / Шабанова Инна Константиновна. – Тюмень: 2009. – 26 с.

101. Шаманов, И.М. Организационно-правовые основы становления и развития советской милиции в Псковской губернии 1917 – 1924 гг. (историко-правовой аспект). Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Илья Михайлович Шаманов. – СПб.: 1999. – 22 с.

102. Шахназаров, И.Я. Концепция создания и становление советской судебной системы на региональном уровне: 1917 – конец 1920-х гг. (На материалах Пензенской губернии). Дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02 / Шахназаров Игорь Яковлевич. – Пенза: 2003. – 215 с.

103. Шкрыль, Е.О. Становление и организационно-правовое развитие судебного управления и судебного надзора в РСФСР (1917 – 1940 гг.): историко-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шкрыль Екатерина Олеговна. – Краснодар: 2005. – 180 с.

104. Шорохова, А.А. Становление и развитие советского суда в Башкирии: 1917 – 1927 гг. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шорохова Александра Андреевна. – Уфа: 2007. – 150 с.

В) Учебники и учебные пособия

105. Исаев, И.А. История государства и права России: Учебник. – М.: Юристъ, 2004. – 797 с.

106. Карев, Д.С. Организация суда и прокуратуры в СССР. Курс лекций. – Минск, Белорусский государственный университет, 1960. – 254 с.

107. Семенов, В.М. Организация суда и прокуратуры в СССР: учебное пособие. – Свердловск, Свердловский юридический институт, 1973. – 320 с.

108. Смоленский, Н.И. Теория и методология истории: учебное пособие для вузов. – М.: Академия, 2007. – 272 с.

109. Сырых, В.М. История государства права России: Советский и современный периоды. Учебное пособие. – М.: Юристъ, 2000. – 484 с.

110. Теория государства и права: учебник для вузов / Под. ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 1999. – 591 с.

Г) Справочное издание

112. Административно-территориальное деление Псковской области (1917 – 2000). Справочник. Книга 1. Сост. Т.Е. Герасимёнок и др. 2-е издание. – Псков: Псковская областная типография, 2002. – 463 с.

Судебная система РСФСР по Декрету о суде № 1

Судебная система РСФСР по Декрету о суде № 2

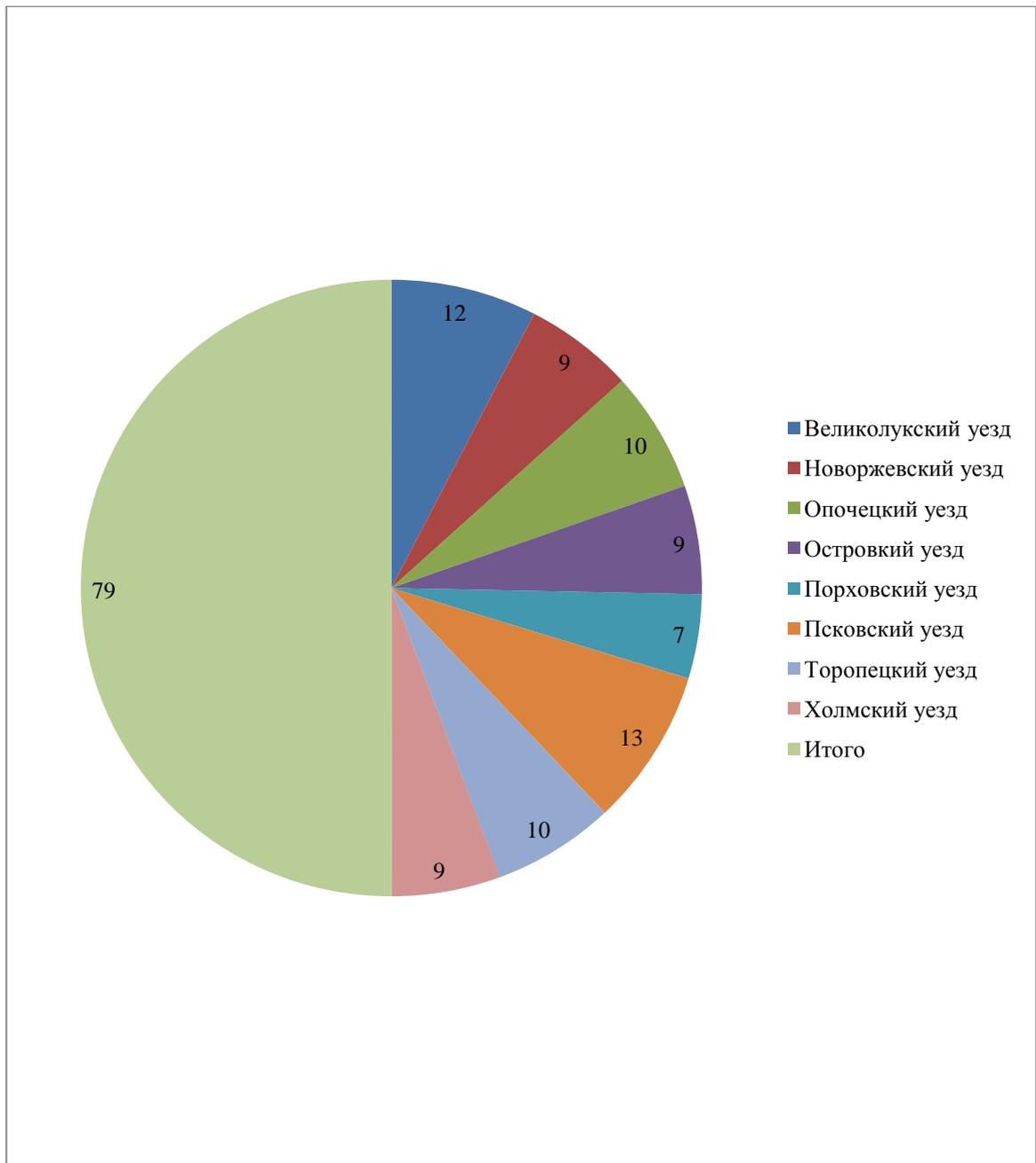
Судебная система РСФСР по Положениям о народном суде от 30 ноября 1918 г. и 21 октября 1920 г.

**Судебная система РСФСР по Положению о судостроительстве
от 11 ноября 1922 г.**

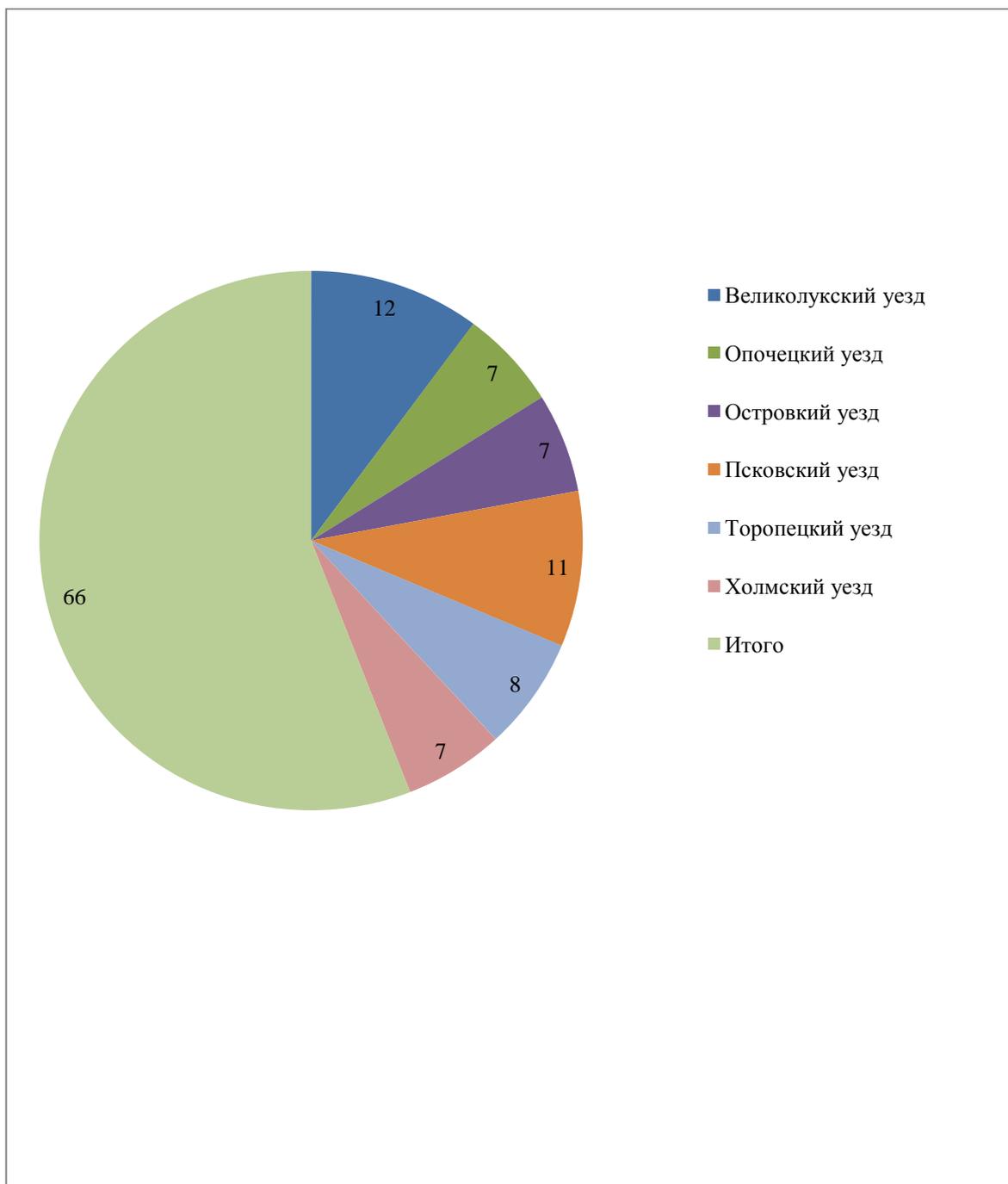
Верховный суд РСФСР			
<table border="1"> <tr> <td align="center">Президиум</td> </tr> <tr> <td align="center">Пленарное заседание</td> </tr> </table>		Президиум	Пленарное заседание
Президиум			
Пленарное заседание			
Дисциплинарная коллегия			
Кассационная коллегия по уголовным делам	Кассационная коллегия по гражданским делам		
Губернский суд			
Уголовный отдел	Гражданский отдел		
Народный суд в составе			
постоянного народного судьи	постоянного народного судьи двух очередных народных заседателей		

Распределение судебных участков по уездам Псковской губернии на 1 мая 1919 г.⁶⁴¹

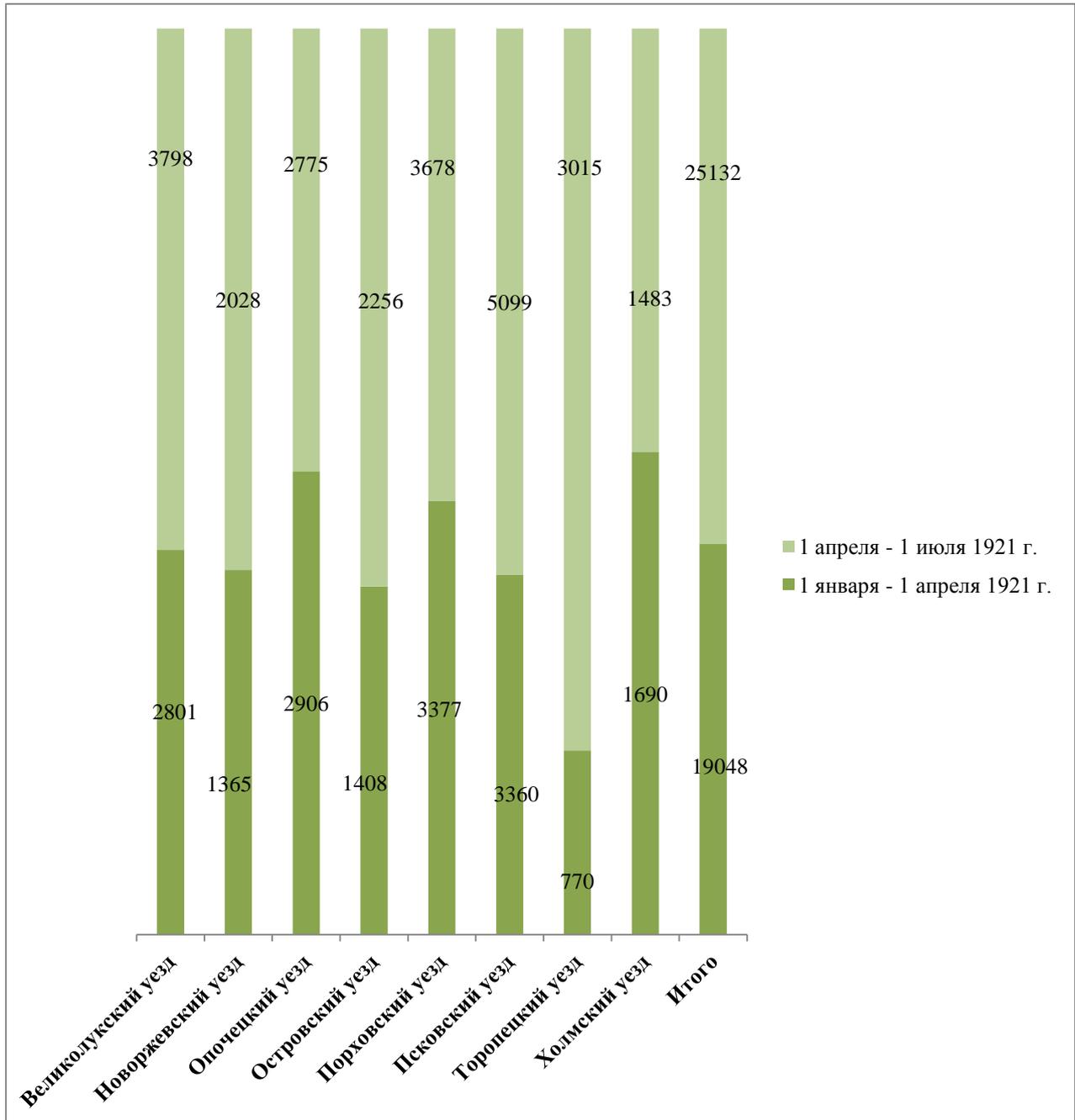
⁶⁴¹ ГАПО. Ф. Р-621. Оп.1. Д. 5. Лл. 49, 49 об., 50, 50 об., 51, 51 об., 52, 52 об.

Распределение судебных участков по уездам Псковской губернии на 19 апреля 1921 г. (сведения по Новоржевскому и Порховскому уездам отсутствуют).⁶⁴²

⁶⁴² ГАПО. Ф. Р-515. Оп.1. Д. 10. Лл. 366, 369, 370, 371 об., 395, 399, 410, 410 об., 412, 412 об.

Количество рассмотренных народными судами Псковской губернии дел за первое полугодие 1921 г.⁶⁴³

⁶⁴³ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 6. Л. 223; Д. 7. Лл. 6, 13, 16, 37.

Приложение 8.

Личный состав народных судов Псковской губернии на 1 июля 1927 г.⁶⁴⁴

	Общее количество	Социальное происхождение			С юридическим образованием	Стаж работы в органах НКЮ	
		Рабочие	Крестьяне	Служащие		Менее года	Свыше года
Уполномоченные губернского суда (они же участковые судьи)	11	5	6	-	2	-	11
Народные судьи	62	11	39	12	11	10	52
Запасные судьи	8	3	4	1	1	2	6

⁶⁴⁴ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 65. Л. 18.

29/V – 23г.

Инструкция о порядке проведения пересмотра личного состава советских учреждений и предприятий и укомплектования их пролетарским элементом

Пересмотр личного состава учреждений и предприятий имеет целью определение соответствия службе в учреждениях и предприятиях личного состава работников и служащих в таковых путём выяснения степени их пролетарского классового правосознания, профессиональной подготовки, морального уровня, социального положения и индивидуальных способностей. Проверку личных документов, отзывов и заявлений, характеризующих работников, а также изъятие несоответствующего элемента, проникшего в учреждения и предприятия в целях использования служебного положения для личных выгод и подрыва авторитета советской власти путём увольнения из учреждений и предприятий, замеченных в совершении проступков, роняющих достоинство советского работника, недобросовестного отношения к работе, антисоветских элементов и прочих, подрывающих авторитет советской власти.

Примечание (в оригинале зачеркнуто, курсив - авт.): увольнение и отстранение от работы должно происходить по возможности без ущерба для учреждений и предприятий и в том случае, если увольняемый будет заменён соответствующим лицом равной квалификации из пролетарского элемента.

Пересмотр и доукомплектование производится особыми комиссиями в следующем составе: центральная комиссия при губернском отделе труда – представитель от губернского отдела труда, губпрофсовета и губисполкома.

Местные комиссии: председатель – представитель губотдела труда и членов – одного от соответствующего союза и одного от администрации соответствующего предприятия или учреждения.

Примечание: местные комиссии утверждаются центральной комиссией.

Центральная комиссия пользуется аппаратом губернского отдела труда, местные комиссии соответствующих органов.

1. Производство пересмотра личного состава. Пересмотр личного состава и заключение о соответствии его работы местными комиссиями производится на основании личного опроса, документов и имеющихся у них заявлений и других материалов, характеризующих их деятельность.

2. Характеристика, даваемая аттестуемому, не должна носить характера анкеты, а вместе с приведением конкретных данных о работе в настоящем и прошлом аттестуемого, должна представлять в общем краткий законченный биографический очерк.

3. Заявления отдельных членов профсоюзов, учреждений и предприятий, касающиеся деятельности и работы отдельных работников, направляются в соответствующие комиссии в срочном порядке.

4. Пересылка аттестаций и заявлений, а равно и хранение их производится в секретном порядке.

5. Комиссии подвергают всестороннему обсуждению направляемые к ним аттестации и другие материалы и выносят по ним определённые решения.

6. Решения комиссий сообщаются администрации соответствующих учреждений и предприятий и проводятся в исполнение в течение недельного срока со дня получения указанного решения, если со стороны данного лица не поступало жалобы, в противном случае исполнение приостанавливается до окончания разбора жалобы.

7. Лица, недовольные окончательным решением комиссии, могут обжаловать её действия.

А) Жалоба подаётся в ту же комиссию, которая вынесла постановление не позже 7 дней со дня объявления постановления.

Б) Жалоба должна быть подробно мотивирована и основана на документальных данных.

В) Комиссия, получив жалобу, пересылает такую со своим заключением и всеми материалами в Центр (Псков – авт.) в трехдневный срок со дня получения жалобы.

Г) Центральная комиссия по получении жалобы с заключением местной комиссии выносит по жалобе постановление в недельный срок, которое и является окончательным.

Д) Решение по жалобе объявляется через местную рабоче-крестьянскую инспекцию.

8. Доукомплектование производится путём зачисления на работу и должности командируемых партийными и профессиональными органами и из имеющихся на бирже труда желательно соответствующими безработными-пролетариями, сочувствующими советской власти.

ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1323. Лл. 643, 643 об., 645.

Секретно.

Секретарю Псковского губкома РКП(б) т. Струппе от члена партии Иоста (председатель губернского суда)

За последнее время много писалось и говорилось о революционной законности. Совершенно излишне этот вопрос снова поднимать, следует лишь некоторые моменты более детализировать, уточнить и приступить практически к проведению в жизнь. Есть у нас уже целые тома и томики всевозможных законов. Необходимо с ними просто ознакомить всех без исключения трудящихся, рабочих и крестьян, чтобы каждый из них хотя бы в общих чертах понял, что с точки зрения законов революции допустимо, что нет. Необходимо ввести в курс общего понятия всё население – какие действия единолично или сообща совершённые подрывают мощь рабоче-крестьянского союза и какие этот союз ещё более укрепляют. И вот на этой практической стороне, не касаясь роли и значения суда при проведении законности в жизнь, я как лицо, возглавляющее судебные органы губернии, позволю себе остановиться на нижеследующем.

Суд Советского Союза в противовес суду дореволюционному построен не сложно, с минимально необходимыми инстанциями, но и эти, в минимуме установленные инстанции, как, то – народный суд, губернский суд и Верховный суд – таят в себе ряд ненормальностей.

Не следует останавливаться на ошибках, допускаемых народным судом, исправляемых в надлежащих кассационных инстанциях губернского и Верховного судов, ибо ошибки всегда будут. Но нельзя обойти молчанием пропасть, существующую между этими инстанциями. Должен сознаться, что слаба связь народного суда с губернным, и совершенно этой связи нет губернского суда с Верховным судом, а если есть, то шаблонно-бумажная. Суд второй инстанции слишком формален, нередко далёк от того, что

переживают места по тому или другому конкретному делу. Дабы не быть голословным, приведу несколько конкретных фактов:

1) В декабре минувшего года губсудом группа бандитов, возглавляемых бандитом Подгалёнком под кличкой «Марко», в Себежском уезде была приговорена к разным мерам наказания, в том числе главарь «Марко» к высшей мере наказания – расстрелу. Дело, как обжалованное в Верховном суде, было прекращено и все осуждённые огулом от наказания освобождены по мотивам, что они крестьяне, служили в Красной армии и преступлений после 1919 г. не совершали. Несмотря на то, что приговорённый к расстрелу «Марко» никогда в Красной армии не служил, а ушёл после разгрома станции Идрица, убийства ряда советских работников и разгрома нескольких волисполкомов с белыми и, вернувшись из Латвии в 1923 г. на советскую территорию, был задержан и предан суду. «Марко» хорошо знаком с братьями Сергученковыми, служащими в латвийской контрразведке в группе Анкермана, и элемент безусловно опасный в приграничной полосе. Дело как во время предварительного, так и судебного следствия велось двумя беспартийными работниками губернского суда, шло разбирательство при большой заинтересованности местных крестьян, а в итоге все, конечно, в недоумении от того исхода дела.

2) 16 декабря 1924 г. в Трудовой сессии при губсуде было рассмотрено уголовное дело по обвинению А. Гердовина. Гердовин – хорошо известная многим членам губкома и губернской контрольной комиссии личность, ловкий делец, эксплуататор рабочих, старый лесопромышленник, имевший до революции в Сольцах свой лесопильный завод, и каким-то чудом окопавшийся в нем и после революции. Этого дельца Трудовая сессия решила посадить на полтора года и оштрафовать на 500 рублей. Приговор вступил в силу (характерно, что не был даже обжалован в губсуд). И что же, Гердовин отсидел назначенные ему полтора года? Отсидел, но очень скоро. По ходатайству прокурора по трудовым делам при Верховном суде РСФСР лишение свободы Гердовину заменено условным, и он давно освобождён из-

под стражи. «Зачем было огород городить, создавать показательный процесс, шуметь в печати? Всё равно Гердовина ничем не возьмёшь», - говорят рабочие.

3) В сентябре минувшего года выездной сессией губсуда было рассмотрено в г. Порхове дело некоего Гордина, старого лесопромышленника-помещика, имевшего при царизме два имения. Гордин, руководя сплавом по реке Шелони и её притокам, путём разных комбинаций и хищений нанёс государству по поверхностному расчету около 70000 убытков. Приговор губсуда о расстреле Гордина Верховным судом был заменён 5-ю годами лишения свободы. Полагаю, что за несколько десятков тысяч народных денег получить только пять лет из расчетов коммерческих прямо-таки выгодно, и дурак тот, кто, имея на руках крупные суммы, народных денег, их не присваивает, не прячет. Эпидемия растрат повсеместно не об этом свидетельствует? Мы видим случаи из центральной прессы, где растратчики 15 или 20 тысяч получают год лишения свободы без строгой изоляции и поражения прав.

4) В марте в городе Холме сего года сын бывшего купчика Борисенко Василий за весьма гнусное преступление растраты и поджог здания милиции был приговорён к расстрелу. Делом чрезвычайно интересовалось, ожидало приговора, возмущалось крестьянство. И в самом деле, в захолустном уездном городишке, связанном в своей обыденной жизни с крестьянством, определённый белогвардеец прежде всего производит растрату-присвоение, а затем, чтобы скрыть следы преступления поджигает несколько советских учреждений: милицию, прокуратуру и следственный участок. Как же тут не возмущаться? Однако расстрел заменяется десятью годами, правда, срок большой, но как это отражается на психологии масс? Безусловно, отрицательно и о суде, и о революционной законности.

5) Приговором губсуда от 13 февраля сего года бывшие заправилы ленинградского отделения Сельпромторга Зайцев, Сапулин и др. за то, что выпустили «в трубу» вверенное им предприятие, были приговорены к

равным срокам лишения свободы. В Верховном суде приговор был сведён на «смарку» по чисто формальным соображениям, а осуждённые, выйдя на свободу, предъявили к Сельпромторгу иск о зарплате: один на 1116, а второй на 4900 рублей. Конечно, дело не обошлось без защитников как в Москве, так и в Трудовой сессии. А бедному Сельпромторгу защиты нигде нет, щиплют направо и налево.

б) В минувшем 1924 г. руководители сплава по верховью реки великой и её притокам Стумпе, Лебедев и др. губсудом были приговорены к разным срокам лишения свободы за подлоги, присвоения, надувательство крестьян-сплавщиков древесины. Сплав спускался благодаря преступным деяниям руководителей с громадным уроном. Из 44000 брёвен больше 7000 уплыло неведомо куда, но только не по назначению. В Верховном суде приговор губсуда по формальным соображениям был отменён, и дело направлено на новое рассмотрение, начиная со стадии предварительного следствия. Спрашивается, какая имеется возможность по истечении полутора-двух лет заполнить обнаруженный Верховным судом пробел, когда все факты и обстоятельства изгладились и многое весьма существенное видоизменилось. Неужели не следует учесть слабость нашего следственного аппарата и хоть немножко при рассмотрении дел в кассационном порядке обратиться к революционной совести.

7) 5 апреля текущего года народным судом I участка Великолукского уезда торговец Шустерман за неуплату налогов был подвергнут лишению свободы сроком на 1 год. Губсуд, рассматривая дело 21 апреля в кассационном порядке, приговор народного суда оставил в силе. А уже 29 апреля дело было затребовано помощником прокурора при Верховном суде и при рассмотрении дела 30 мая как приговор нарсуда, так и определение губсуда, утверждающее приговор, отменены, а Шустерман из-под стражи освобождён. Вопрос, а всегда ли и так быстро добивается своих прав подобно Шустерману крестьянин-бедняк или рабочий? Ему не на что нанять защитника, как Шустерману, который счёл нужным лучше налог не

заплатить, а нанять защитника и написать слёзную жалобу прокурору Республики. Рабочему, бедняку-крестьянину это недоступно. Они измерят по 100 вёрст пешком в губсуд с жалобой на несправедливый приговор нарсуда, а уж до Верховного суда и прокурора Республики больно далеко пешком не уйдёшь.

Случаев, подобно выше приведённым, весьма много и чрезвычайно они болезненно отражаются на работниках мест. Иногда просто не знаешь, чем руководствоваться. Если мы говорим об излечивании болезни, недуга, то должен быть поставлен правильный диагноз болезни и применён наиболее рациональный способ лечения. У нас же, судебных работников, в области нашей деятельности ни того, ни другого нет. Мы знаем одно, что по такой-то статье закона наш приговор утверждён, отменён, изменён и т.д., а насколько это является жизненным трудно представить. Конкретное мероприятие – сблизить живой тесной работой не на бумаге всех проводящих, внедряющих революционную законность, - чего в настоящий момент нет.

7 июня 1925 г. /Подпись/

ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 111.

а) Сколько, когда, где, и на какую тему делались доклады (общим собраниям, волисполкому, сельским советам, парторганизациям) и какие были вынесены постановления по докладам;

б) Посещаемость крестьянством таких собраний и их отношение к установившемуся порядку докладов (отметить наиболее характерные моменты выступлений участников собрания и какие недостатки в работе суда подмечались с их стороны);

в) В чём выражается ваше участие по оказанию юридической помощи населению (имеются ли консультации при волисполкомах, сельских советах и т.п.) и посещаемость консультаций, указав, по каким преимущественно вопросам преобладают запросы.

4. Работа среди народных заседателей:

Были ли организованы собеседования с народными заседателями, какой был принят порядок собеседований, посещаемость и результаты таких собеседований.

5. Участие на уездных совещаниях:

а) Как часто (указать числа, месяцы) Вы принимали участие на уездных совещаниях работников юстиции;

б) Какие вопросы лично Вами вносились на обсуждение совещаний и результаты.

6. Изучение преступности:

а) обсуждались ли Вами совместно с работниками органов, ведущих борьбу с преступностью (милиции, следователей, угрозыска и т.д.), вопросы о способах пресечения той или иной развивающейся преступности (хулиганство, поножовщина и т.д.), какие принимались предупредительные меры и достигнутые результаты.

Приложение 12.**Копия. Срочно. Циркулярно.****Всем уполномоченным губернского суда и народным судьям
Псковской области**

Многие народные суды при назначении кассационных дел к слушанию делают грубые ошибки и отступления от инструкции губернского суда, приложенной к циркулярному распоряжению от 15/ХП-1925 г. № 142. Поскольку первые, в виду новизны дела, до известной степени ещё извинительны, постольку вторые безусловно нетерпимы и будут преследоваться решительно и сурово. К ошибкам губернский суд относит истребование от кассаторов по гражданским делам почтовых марок без всякой надобности и не по действительной потребности. Марки эти обнаружены в ряде дел различных нарсудов и уездов на суммы, начиная с 14 копеек и кончая 1 рублём и выше, несмотря на то, что повестки сторонам вручены и никаких почтовых сборов не требуется.

Факт неиспользования марок показывает, что суды их требуют произвольно. Но этого губсуд не потерпит. Не останутся безнаказанными при их повторении и такие несуразности как назначение дел в неплановом порядке, то есть в произвольные сроки и в ненадлежащем месте. Недопустимость сего, казалось бы, понятна без разъяснений, но нашлись нарсуды в Велижском уезде (1-го, 2-го, и 3-го участков), которые свои дела назначили на 12 и 13 декабря прошлого года, а 4 участок Новоржевского уезда десятков дел назначил к слушанию в Пскове вместо Опочки. Встречаются и другие несообразности, так, например, имеются судучастки, которые прислав свои дела в губсуд в то же время не назначили их к слушанию (4-й Новоржевский, 7-й Великолукский) или назначив их к слушанию, днём разбора указали в препроводительном сношении 4 января, а в повестках 2 января (4-й Порховский).

Есть и такие, которые, послав повестки с вызовом на 4 января, самих дел не прислали (2-й Островский) и т.д. и т. п. Легко понять к каким тягостным последствиям это ведёт на практике и почему губсуд не остановится ни перед какими решительными мерами, чтобы изжить такое халатное отношение к делу. Что касается отступлений от инструкции, то главнейшими являются: 1) запоздалая отсылка кассационных дел в губсуд, куда они прибывают не за 14 дней, а за 10 и 5 дней и даже за 2 дня до слушания (судучастки: 4-й Великолукский, 2-й и 4-й Торопецкий и 2-й Псковский); 2) отсылка дел не в губсуд, а к местным уполгубсуда, в камере которого должны состояться заседания выездной сессии (некоторые нарсуды Велижского и Невельского уездов направили дела уполгубсуда по Великолукскому уезду); 3) несоблюдение правил об обязательном равномерном арифметическом распределении кассационных дел по отдельным дням сессий. Так, например, судучастки 2-й Псковский, 4-й Новоржевский, 7-й Порховский и 5-й Торопецкий назначили на один и тот же день сразу по три по четыре и даже по пять дел, оставляя остальные дни сессии неиспользованными. Такие отступления ставят весь календарный план под угрозу срыва. Судработники, начиная с судьи и кончая секретарём, должны понять, что означенный план лишь тогда удастся пронести в жизнь, если он будет исполняться согласно с требованиями губсуда. Кто этого не понимает, тому не место среди судработников. Работа кассационного суда рассчитана по часам и время прибытия и отбытия членов губсуда точно высчитана. Что толку в том, что после их отъезда на сессию в губсуд поступят дела, назначенные на ту же сессию. Дела эти, хотя бы и посланные сразу в догонку могут их не застать, так как связанные временем члены губсуда нигде дольше, чем положено по плану, задерживаться не могут. Иначе они не попадут в срок на другую сессию (например, сессия в Торопце назначена с 5 по 8 числа, в связи с этим состав губсуда должен выехать числа 2 – 3, а к 10 числу тот же состав должен поспеть к открытию сессии в

Великих Луках; следовательно, дела по означенным двум сессиям должны быть в губсуде не позднее 15 – 20 числа предшествующего сессии месяца).

Напоминая судработникам, что строжайшей дисциплинарной ответственности они сверх того несут и материальную, предлагаю: 1) направлять дела исключительно в губсуд; 2) не допускать запоздалых отправлений по почте, когда заведомо известно, что дела в губсуд за 14 дней до слушания не дойдут; 3) не требовать с кассаторов почтовых марок без надобности и в излишнем количестве; 4) изжить все прочие несоответствия и небрежности, о которых речь шла выше, в частности, указывать обязательно в повестках и в препроводительных бумагах при представлении для место слушания; 5) уполгубсуда настоящее циркулярное распоряжение обсудить с местными судработниками на ближайших уездных совещаниях; 6) подтвердить получение этого распоряжения.

П.П. Врид. Предгубсуда /Клуцис/

С подлинным верно: За секретаря губсуда /Гессель/ подпись

В народный суд 4 участка Псковского уезда

Для сведения и точного исполнения января 11 дня 1926 г. № 25

Уполномоченный губсуда /Крошняков/

Делопроизводитель /Сникер/

ГАПО. Ф. Р-180 ОАФ. Оп. 1. Д. 9. Лл. 4, 4 об.

Копия.

Директивное письмо председателя Псковского губернского суда. 29 апреля 1926 г.

Товарищи уполномоченные губернского суда и народные судьи Псковской губернии.

Финансовое положение нашего Союза Республик находится по не зависящим от нас причинам в тяжёлом состоянии. В связи с этим правительством принят целый ряд решительных мер к сокращению накладных расходов в наших хозяйственных органах и беспощадно урезаны расходные статьи госбюджета по основным ведомствам союзного аппарата.

Уменьшение расходов, увеличение продукции и улучшение её качества – вот те основные лозунги, которые под суровую диктатуру переживаемого момента должны быть выполнены нами безотлагательно и безоговорочно. Отдавая в этом полный отчёт, мы, работники ведомства юстиции, не можем, к сожалению, сказать, что изложенные выше положения и требования выполняются нами безукоризненно.

Несмотря на жизненную гибкость нашего советского законодательства и на вереницу дополнительных распоряжений губсуда и губпрокуратуры, представляющих широкое поле деятельности в работе судебно-следственных органов и органов дознания, те и другие в недостаточной степени пользуются предоставленными им законом правами и полномочиями и, в силу этого, затрачивают громадное количество времени на непроизводительный труд, не переставая в то же время жаловаться на перегруженность работы и расходуя напрасно и без того скудные наши средства. Ярким и лучшим доказательством этого положения является статистический отчёт губсуда за только что минувший 1925 г. Из отчёта видно, что в распорядительных заседаниях прекращено дел губернской

подсудности 52%. Кассационным отделом губсуда прекращено дел нарсудов 21 %, то есть 1296 дел из всего числа поступивших в кассационный отдел, 25 % всех дел, разрешённых нарсудами губернии. Это колоссальное количество дел могло и должно было быть прекращено нарсудами, нарследователями и часть их даже органами дознания.

Дополнительной частью непроизводительного труда к приведённому выше перечню являются неучтённые губсудом, но безусловно и бесспорно имеющиеся дела, рассмотренные нарсудами, но не обжалованные в кассационном порядке. Многие из этих дел должны были быть прекращены до суда или не приняты даже к производству по их маловажности. Доказательством правильности высказанного предположения является произведённое губсудом обследование трёх участков нарсудов Псковского уезда, в каковых прекращено при обследовании около 40 % дел, находившихся в производстве.

<...>

Некоторые судебные работники до сих пор ещё не уяснили азбучной истины, что в нашу задачу не входит обязанность искать и создавать своего рода искусственные преступления, а мы обязаны бороться с социально и общественно (стиль оригинала – авт.) опасными действиями, угрожающими основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени. Отсюда вытекает, что судебно-следственные органы должны в своей деятельности отрешиться от перспектив, угрожающих перегруженностью маловажными и ничтожными делами, а всё своё внимание посвятить, всю свою работу сосредоточить на борьбе с такими общественно опасными и безусловно вредными для благоустроенного общества явлениями как поножовщина, хулиганство, конокрадство и т.п.

Крупным недостатком в работе нарсудов нередко влекущим отмену приговоров и направление дела к новому рассмотрению является небрежное, невнимательное, а порой и неряшливое составление протоколов судебного

заседания, а также изложение самих приговоров. В судебных протоколах не обозначены вопреки УПК: место и время заседания, не указывается, когда (во сколько часов) оно было открыто и когда закрыто, разъяснение подсудимым их прав, давать объяснение после каждого судебного действия, разъяснение порядка и сроков обжалования приговора и т.п.; нередко отсутствуют мотивированные определения, отклоняющие ходатайство сторон. Вообще протоколы не отражают существенных моментов судебного процесса. Приговоры пишутся некоторыми судьями через меру распространительно, с повторением одних и тех же выводов, имеющих второстепенное значение, а главные моменты, имеющие решающее для дела значение из приговора упускаются. Попадают приговоры, в которых резолютивная часть противоречит описательной.

В целях устранения непроизводительной затраты труда перечисленные недостатки должны быть безотлагательно устранены под страхом личной ответственности народных судей и секретарей в противном случае.

Председатель губернского суда Иост

С подлинным верно: за секретаря губсуда Гессель /подпись/

ГАПО. Ф. Р-180 ОАФ. Оп. 1. Д. 9. Лл. 90, 91.

Об общественной работе судебных работников и приближении суда к населению (выписка из протокола № 30 пленума Псковского губернского суда от 16 ноября 1926 г.)

Ни одна отрасль советской работы не может получить достаточного развития с одной стороны без широкой помощи населению, а с другой без подробной отчётности перед ним и выявления успехов и недочётов в низах рабоче-крестьянского населения. Отправление правосудия в советском государстве является одним из первостепенных вопросов и с этой стороны население должно знать, как работает наш советский суд и как он отражает интересы рабочих и крестьян. Одной из таких форм, при помощи которой добиваются больших результатов, - это ведение общественной работы судебными работниками. Общественная работа создаёт для судебного работника возможность постоянной и живой связи с тем населением, которое он обслуживает и которое не даёт ему возможности замкнуться в сухих рамках одной канцелярщины, гарантирует его и от того, что он не превратится в сухого и бездушного бюрократа.

В условиях строительства нового быта все судебные работники первым делом – общественники и удельный их вес измеряется преимущественно тем, насколько они сумели сочетать свою ведомственную работу с общественной, помочь деревне познать советское право должен каждый работник юстиции, конечно, в пределах открывающихся возможностей и по специальности. Секретаря не затруднит объяснить крестьянам как технически проходит уголовный процесс и как гражданский; как надлежит писать заявление в суд; судебному исполнителю совсем нетрудно разъяснить как проводятся в исполнение судебные решения и какие при это возможны затруднения.

Необходимо сотрудничество всего судебного аппарата. Многие работники юстиции рискуют очутиться не впереди масс, а позади и, упустив руководство, не смогут ввести в берега то море бесправия, самосудов и самоуправства, от которого так страдает деревня. Судебные работники должны тщательно всматриваться в её хозяйственное расслоение, так как за последнее время наблюдаются многочисленные случаи скрытых кабальных сделок, эксплуатации батрачества при подённом найме, профессиональное ростовщичество, запрещённая законом субаренда земель.

Приближение суда к деревне также требует безусловного сокращения сроков прохождения дел и низведения до минимума вызова дальних свидетелей. В самом деле, что толку в том, если в суде, хотя и близком по своему местоположению, дела будут лежать месяцами, а потом, когда дела, наконец, будут двинуты, многим крестьянам в конце концов все равно придётся ехать в суд за многие десятки вёрст. Такое приближение – фикция, и его надо изжить как ускорением темпа самой работы, так и посредством выездов суда на места. Всё это в равной мере приложимо и к следователям, которые при необходимости опроса дальних свидетелей должны пользоваться каждым случаем, чтобы самим выехать на места, а не вызывать в свои камеры целые толпы крестьян в особенности во время страды.

Исходя из этих соображений, пленум губернского суда предлагает:

- 1) Усилить и углубить общественную работу в деревне, ведя её на началах плановости, строгого учёта и сотрудничества всего низового судебно-следственного аппарата без исключений, сообразно с квалификацией и специальностью каждого. Для чего на ближайших уездных совещаниях работников юстиции разработать календарные планы с тем, чтобы они были реальны, рассчитаны на срок не менее 4-х месяцев.
- 2) Считать за предпочтительные формы означенной работы организацию выездных сессий каждым судебным участком (не менее 2-х в месяц) постановку показательных процессов, ведение работы среди

народных заседателей, оказание юридической помощи и популяризацию советского права.

3) Помнить, кроме этих форм возможны и другие, как, то: чтение лекций, сотрудничество в прессе, устройство вечеров вопросов и ответов и т. д. Вся разница в том, что работа, указанная в п. 2 обязательна и должна вестись регулярно и в плановом порядке, тогда как прочая только желательна.

4) Организовывать выездные сессии не иначе, как согласно плану, преимущественно в отдалённых пунктах из числа наиболее населённых, приурочивая ко времени сессии постановку докладов, как отчётных, так и правовых. Принимать заявления, делая по ним необходимые разъяснения. Освещать проделанную работу в местных газетах при посредстве рабочих и сельских корреспондентов.

5) Вменить в обязанность следственному аппарату свою работу вести так, чтобы она вызывала минимум затраты времени и средств крестьян, для чего при всякой возможности самим выезжать на места, где и производить допрос свидетелей. Повторные же вызовы участвующих в деле лиц производить лишь в крайних случаях.

6) Не смешивать выездных сессий с показательными процессами. Последние должны устраиваться лишь по делам, имеющим важное общественное значение, и то лишь при условии, что исход процесса не возбуждает сомнений. В условиях данного времени такие процессы надо ставить преимущественно по делам о хулиганстве, поножовщине, конокрадстве, крупных растратах, злостной эксплуатации маломощных бедняцких хозяйств, допущении и укрывательстве запрещённой законом субаренды земли. Преступления эти очень распространены, и потому необходимо показать населению как ведётся борьба с ними.

7) Двинуть работу с народными заседателями в смысле поднятия в них активности на судебных заседаниях и подготовки их к последующим выступлениям в качестве общественных обвинителей. Для чего вести с ними

собеседования и занятия, внедряя основные начала советского права и объясняя роль и задачи суда и народных заседателей. Тогда из народных заседателей составитя мощный актив, который можно будет бросить не только на усиление работы изб-читален, но и на помощь самому судебному аппарату. Судебным работникам также необходимо взять на себя почин по вовлечению народных заседателей в отчётную работу перед избирателями.

8) Оказывать всемерную юридическую помощь населению как по заданиям местных правовых комиссий, так и вообще, участвуя в работе справочных столов изб-читален, вовлекая в эту работу кроме народных заседателей и всю сельскую интеллигенцию, как то: агрономов, врачей, школьных работников и т.д., инструктируя их, как оказывать означенную помощь, содействуя выбору и приобретению общедоступной правовой библиотеки и давая советы. Все необходимые справки по отдельным конкретным делам, уже находящимся в производстве суда, могут быть даны в самих камерах.

9) Вести широкую пропаганду советского права, для чего каждый судья и каждый следователь обязан выступать (не менее 2-х раз в месяц) на собраниях широких трудящихся масс, в местах заключения, на крестьянских конференциях и т.п., причем темами для докладов должны служить вопросы, волнующие маломощные и середняцкие слои деревни, т.к. деревенская беднота всегда должна стоять в центре внимания.

10) Поддерживать при производстве общественных работ непрерывную связь с уездными и волостными комитетами РКП(б) и местными общественными организациями. Для чего каждый судья и каждый следователь должен делать отчётные доклады в этих органах не менее двух раз в год.

11) Ускорить в целях действительного приближения к деревне разбор имеющихся дел, в особенности тех из них, которые касаются эксплуатации деревенской бедноты и батрачества, кабальных сделок, запрещённой законом субаренды и т.д. Для чего не ограничивать судебные

заседания какими-нибудь 7 – 14 днями в месяц, а вести их, если понадобится, значительно чаще.

Верно: Секретарь пленума /подпись/

ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 897. Лл. 15, 16.

Директивное письмо пленума Псковского губернского суда от 5 апреля 1927 г.

Товарищи уполгубсуда, нарсудьи, старшие и народные следователи.

НКЮ 14 июня 1926 г., а Псковский губернский исполнительный комитет 17 – 19 февраля с.г. обратили внимание: во-первых, на необходимость выпрямления линии карательной политики в смысле приближения судебного воздействия к действительным мерам социальной защиты, а во-вторых, на такие ненормальности в означенной политике как, например, преувеличение хулиганства и недооценка в отдельных случаях некоторых видов преступности.

Поскольку в отношении замечаний НКЮ расширенным заседанием пленума от 11 – 12 октября 1926 г. уже даны местам все необходимые указания, и губсуду, следовательно, осталось лишь следить, чтобы судаппарат правильно их согласовал с началами уголовной политики нового УК издания 1926 г., постольку замечания губисполкома, как указывающие на совершенно новые уклоны, не могут не стать предметом самого глубокого внимания и всестороннего обсуждения со стороны пленума.

В самом деле, когда 11– 12 октября прошлого года пленумом губсуда совместно с уполгубсуда разрабатывался вопрос о мерах борьбы с преступностью, то, ввиду наблюдавшегося тогда роста хулиганства, нарочито подчёркивались, что борьбу с этим злом надо вести не как какую-нибудь ударную кампанию, а как нечто такое, что рассчитано на продолжительный срок и в конечном счёте имеет ввиду не столько преходящий эффект, сколько случайный и деловитый подход в определении меры социальной защиты.

Это, однако, как-то ускользнуло от внимания низового аппарата, и на местах началась путаница, причём стёрлись все грани между проявлениями

настоящего хулиганства и другими преступлениями. И вот два примера из практики нарсудов.

Слегка выпивший гражданин в 6 часов вечера стоит на улице в ожидании, когда ему на звонок откроют дверь квартиры местного помпрокурора, с которым ему надо переговорить по делу. Дверь долго не открывали, и гражданин долго разговаривает «сам с собою». Появляются милиционеры, забирают его, и через несколько времени он уже судится и осуждается за хулиганство.

Трамвайный кондуктор во время движения вагона подходит к двум едущим в нём несовершеннолетним девушкам и производит в отношении их развратные действия, пользуясь, что в вагоне других пассажиров не было. Родители возбуждают дело. Нарсуд за недоказанностью обвинения оправдывает.

В первом случае нет состава преступления, а во втором обвинение могло быть предъявлено (обвинение предъявлено как хулиганство).

Таких примеров можно было бы привести много, но и приведённых достаточно, чтобы вспомнить слова т. Крыленко: «Если вопрос идёт об убийстве, изнасиловании, грабеже, подлоге, нанесении тяжких побоев с повреждениями и увечий, то давайте говорить именно об этих видах и не будем смешивать этих вещей с хулиганством. В этом разграничении понятий заключается ключ к правильному пониманию этого вопроса».

Поэтому решительные меры социальной защиты оправдываются лишь в отношении применения их к закоренелым хулиганам и совершенно неуместны, если озорство совершено случайными людьми. Отличить тех от других – первая задача суда, а это требует от него особенной внимательности. Это надо помнить, а не стараться как в выше указанных случаях загонять в тюрьму всякого громко говорящего на улице, так как громко говорить на улице не есть преступление и вообще социально не опасно. Вторая задача суда состоит в том, чтобы чётко уяснить себе понятие

хулиганства и не подводить под него, как в вышеуказанном случае с кондуктором, деяния, предусмотренные другими статьями УК.

Не менее остро, чем вопрос о хулиганстве, стоит в настоящее время вопрос о должностных и хозяйственных преступлениях и о растратах. Правда, в губсуде имеются сведения, что за 1926 г. сумма растрат несколько снизилась: растрчено 238000 вместо 305000 в 1925 г., но, во-первых, снижение в 70000 слишком незначительно, а, во-вторых, известно, что увеличилось количество растрат от 1000 до 5000 и выше. Ясно, что в условиях борьбы за режим экономии все такие преступления, как мешающие накоплению материальных ценностей страны в особенности актуальны и требуют быстрой и полновесной меры социальной защиты. Не прекращаются и случаи уродливого кредитования рабочих и служащих, при уходе или увольнении которых со службы предприятия несут большие потери, причём бывает, что предприятия остаются даже при одних судприказах, так как взыскать с них всё равно нечего. Поэтому случаи закредитования таят в себе признаки бесхозяйственности, и лица, допустившие их, должны отвечать.

Правильная карательная политика, естественно, требует, чтобы мера социальной защиты следовала за деянием с максимальной скоростью. А это возможно только при двух условиях, из которых первое – быстрота прохождения дел, а второе – правильность выносимых приговоров. Таким образом, означенная политика тесно связана с борьбой за сроки и за качество. И на этом необходимо заострить внимание, в особенности теперь, когда идёт борьба за режим экономии, так как всем и каждому ясно, что там, где начинается волокита и выносятся юридически уязвимые приговоры, там нет никакой экономии.

В этом отношении надо отметить, что практика нарсудов не совсем удовлетворительна. Так, в 1926 г. из 26793 уголовных дел, рассмотренных нарсудами, продолжались производством: до 1 месяца – 17353, или 65 %; до 2 месяцев – 6706, или 25 %; до 3 месяцев – 1794, или 7 % и более 3 месяцев – 943, или 3 %, но 35 % задержавшихся дел, или 35 % замедлившихся

приговоров слишком много. Даже и при загрузке нарсудов, а что касается качества, то и оно оставляет желать лучшего, так как, не считая частично отменённых приговоров, одних лишь полностью отменённых приговоров за вышеуказанный год было 25,5 % (30 % - в первом полугодии и 22 % - во втором).

Приходится констатировать, что при таких результатах суд из дешёвого, каким он должен быть, превращается в дорогой, ибо всякое небрежно разобранный дело должно влечь за собой кассацию, а всякий повторный пересмотр вызывает лишней расход времени, труда и денег.

Если к тому же принять во внимание, что из привлекавшихся в 1926 г. 31479 человек оправдано 9932, или 31,6 % всего числа подсудимых, то впечатление от работы суда получается ещё безобразнее ввиду несомненных признаков ужасающей волокиты и крючкотворства. Суд как бы перестаёт быть аппаратом, охраняющий государственный правопорядок и общественную безопасность и рискует превратиться в какую-то помеху для рабоче-крестьянских масс.

В деятельности следаппарата тоже много ненормальностей. По состоянию на 1 октября 1926 г. 35 % всех следственных дел находились в производстве свыше двух месяцев. На то же число возвращено за недоследованностью 9 %, и совершенно ненормально ведётся наблюдение за органами дознания. Вот в подтверждение несколько цифр. Число полных оправдательных приговоров по дознаниям за первую половину 1926 г. равнялось 29,8 %, а за вторую – 50 %. Частичное оправдание за первую половину выразилось в 4 %, во вторую – 7 %. Возвращено к доследованию дознаний, поступивших для предания суду: за первую половину – 4,6 %, за вторую 10,8 %; из того же числа прекращено: в первой половине в распорядительных заседаниях 27 %, а во второй – 30 % и в судебных заседаниях 6,4 %.

Всё это свидетельствует, что и следаппарат работает недостаточно ни точно, ни дешево. Обращаясь затем к вопросам об общественной работе, на

которую так обращаем внимание, пленум губсуда в своём постановлении от 16 ноября 1926 г., следует прежде всего отметить, что призыв к усилению этой работы не дал сколько-нибудь положительных результатов. Из пяти уездов вообще нет сведений, из чего можно заключить, что в них общественной работы вовсе не велось, а из остальных шести уездов имеются лишь отрывочные сведения. Так как постановления пленума выносятся не для того, чтобы на местах их только почитывали, а затем подшивали копии к нарядам, то от уполгубсуда этих пяти уездов ожидаются подробные объяснения, из которых затем будут сделаны соответствующие выводы. Пока же остаётся лишь признать, что минувшая зима – это самое подходящее время для общественной работы – прошла для последней без особенной пользы и что из все массы работников юстиции на местах только небольшое количество нашло в себе достаточно энергии и силы, чтобы помимо ведомственной работы проделать и общественную.

С таким положением мириться, конечно, нельзя, тем более, что как НКЮ, так и ГИК все время напоминалось и напоминается о необходимости усиления этой работы и, в частности, с нарзаседателями. Объяснять работникам на местах, в чем эта работа должна заключаться, нет надобности, так как уже разъяснено пленумом. Им лишь необходимо проникнуться мыслью, что они не только ведомственные работники, но и общественные. Чем скорее они уяснят себе это, тем скорее вздохнёт деревня, которая нуждается в их помощи и страдает от незнания законодательства, льгот и преимуществ, предоставленных ей по линии суда, землеустройства, налогового обложения и т.п.

В заключение остаётся добавить, что пленум губисполкома не мог не обратить своего внимания на ещё достаточно тяжелое материальное положение судебных работников и постановил предложить УИК принять зависящие меры к достаточному обеспечению означенных работников. Из этого нужно сделать вывод, что суд, выполняя одну из важнейших работ среди населения, для которой требуется и опыт, и знание, не может

подобрать достаточно хороших работников при той низкой оплате, которая существует в губернии. Она заставляет наиболее ценную часть работников бежать с работы, а остальным её не выполнить.

Товарищам уполномоченным губсуда огласить настоящее директивное письмо на ближайших уездных совещаниях, проработать его сообща с участниками этих совещаний и принять меры к привлечению к участию в уездных совещаниях представителей местных хозорганов, войдя на предмет привлечения этих представителей к участию и в между ведомственных совещаниях по борьбе с преступностью, для выяснения вопросов, связанных с социально опасными явлениями в хозяйственных органах.

Председатель губернского суда /подпись/ Прусанов

ГАПО. Ф. Р-180 ОАФ. Оп. 1. Д. 7. Лл. 32, 33.